

6

1994

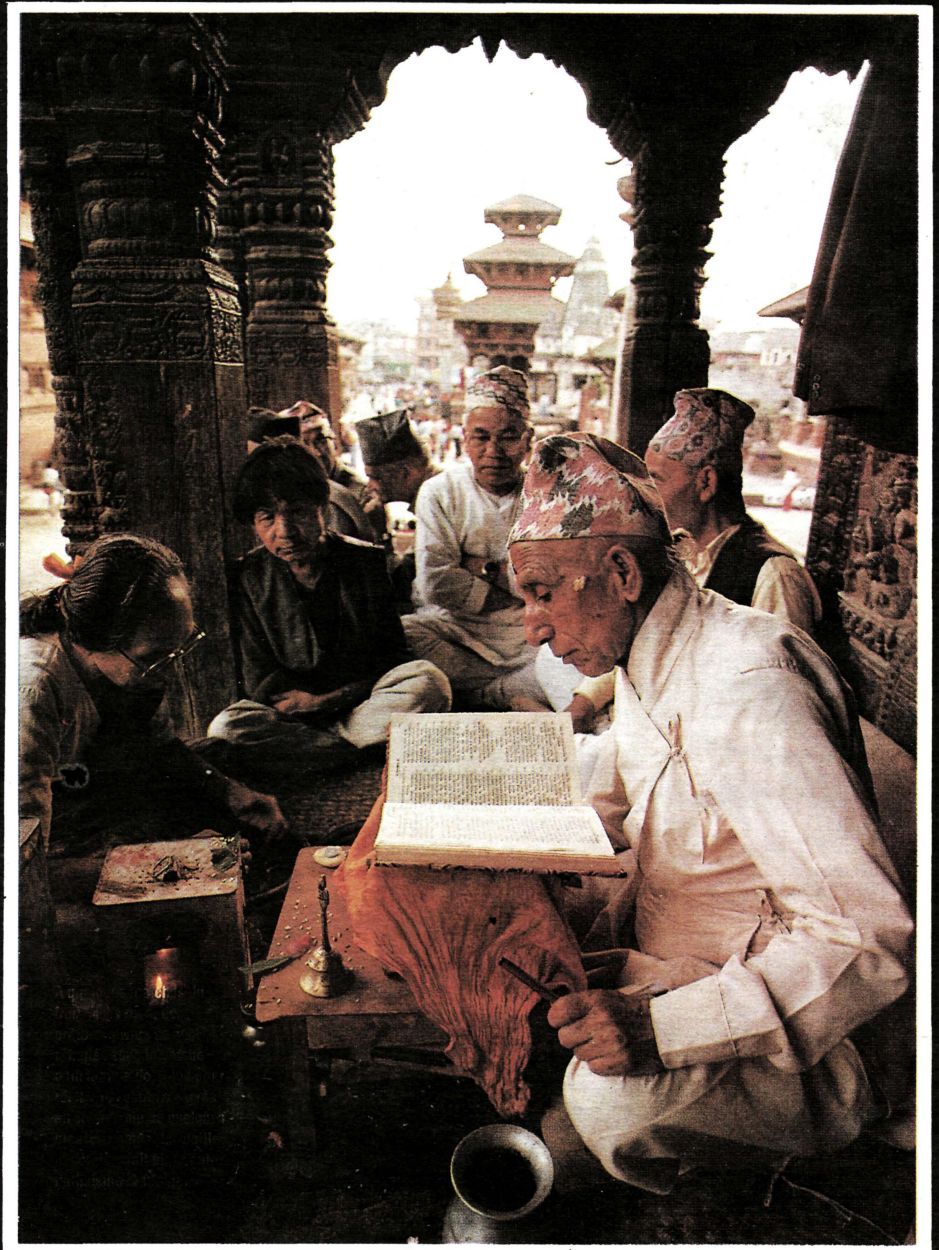
ВОКРУГ СВЕТА

**ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ
ФЕРНАНДО
ДЕ МОНФОРТЕ**

**САМОУЧИТЕЛЬ
ДЛЯ ЛЕНИВОГО:
публикация
заканчивается.
Ждите книгу**

SANCTUM

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ

Европа, Азия, Америка

Россия, Москва, пр. Вернадского, 29.

Тел.: (095) 138-31-31, 131-83-52, Факс: (095) 138-30-86

В реках Амазонии обитает одна из редчайших пресноводных рыб мира — гигантская арапаима.
(Заметку о рыбе арапаиме см. на стр.27)

Ежемесячный
научно-художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики

«Vokrug sveta»
(«Around the World»)
Monthly
Travels
Adventures & SF
Founded in 1861

6/94 июнь

Издатель журнала:
акционерное общество
«Редакция журнала
«Вокруг света»
Учредитель журнала:
коллектив редакции.

Совет директоров:
В.В.ШИЛОВ – секретарь
Союза журналистов России
(председатель)

А.А.ПОЛЕЩУК –
генеральный директор
АО «Вокруг света»,
главный редактор журнала

НАТУРОК – зам.
генерального директора
АО «Молодая гвардия»

Редакция:
И.НАЛЧЕВ
Л.В.АНДРЕЕВА
Л.В.БОБРОВА
Л.В.КОСТЮКОВА
Н.В.КРИВЦОВ
Е.Ф.КУЗЬМИН,
отв. редактор приложения
«Искатель»
В.И.КУХАРУК
В.А.ЛЕБЕДЕВ,
первый зам.
генерального директора,
зам. главного редактора
Н.Г.МАЛИНИЧЕВА
Л.М.МИНЦ
Н.Н.НЕПОМНЯЩИЙ,
ответственный секретарь
журнала
В.К.ОРЛОВ
Н.А.САФИЕВ
В.В.СЕМЕНОВА
В.Ю.СПАСЕННЫХ
А.П.СТРЕЛЕЦКИЙ
Б.Е.ТАТУРА,
зам. генерального директора
Л.А.ЧЕШКОВА,
ведущий редактор
Е.И.ЧУБУРКОВА
Г.П.ШТУЛЬ

К.В.ЯНСИТОВ,
главный художник
О.И.БОЙКО,
художественный редактор

Операторы
компьютерного набора
Я.В.МАЛЮТИНА
М.В.ГРЯЗНОВА
Г.П.ЛОЖИДАЕВА

125015, Москва, А–15,
Новодмитровская ул., 5а,
16–й этаж
Телефоны:
для справок: 285–88–83
отдел писем и рекламы:
285–88–68
редакторы: 285–89–83
«Искатель»: 285–80–10
Телефакс: (095) 285–09–30
5 «А» Novodmitrovskaya str.
Moscow, 125015
Fones: 285–88–83
285–88–68
Факс: (095) 285–09–30
Передача материалов
допускается только
с разрешения редакции.

© «Вокруг света», 1994 г.

Индекс издания 70142

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Мартин ЗЕЛЬБЕР
Эльдорадо

2

ПЕСТРЫЙ МИР

26

САМОУЧИТЕЛЬ ДЛЯ ЛЕНИВОГО

28

Вы всегда найдете нас
в КАТАЛОГЕ «АиФ»
и в КАТАЛОГЕ МОСПОЧТАМТА

Экономические и социальные
катаклизмы, политические кризисы,
военные перевороты, преступления мафии —
эти темы заполнили сегодня печать.

Но есть и другая сторона жизни:

ПУТЕШЕСТВИЯ И ОТКРЫТИЯ,
ИСТОРИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ,
НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ,
СМЕЛЫЕ ПРОЕКТЫ,
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ РОМАНЫ —

ЭТО МИР
«ВОКРУГ СВЕТА» —
старейшего российского
научно-художественного журнала
(индекс 70142).

Редакция издает
литературное приложение
«ИСКАТЕЛЬ»
(индекс 70424)
объем 160 страниц формата 84x108 1/32

Подписка проводится по КАТАЛОГУ «АиФ»
(АО «Аргументы и факты» и
АО «Агентство подписки и розницы»)
и по КАТАЛОГУ МОСПОЧТАМТА

КАТАЛОЖНАЯ ЦЕНА
ОДНОГО НОМЕРА:
«ВОКРУГ СВЕТА» — 2300 руб.
«ИСКАТЕЛЬ» — 1800 руб.

Вы всегда найдете нас
в КАТАЛОГЕ «АиФ»
и в КАТАЛОГЕ МОСПОЧТАМТА

Справки по телефону 285–88–83

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых в журнале материалов и не несет ответственности за содержание печатаемой рекламы.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая, как правило, в переписку.
Рукописи не рецензируются, редакция лишь сообщает авторам свое решение.

Сдано в набор 20.04.94. Подл. к печ. 25.05.94. Формат 84x108¹/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36. Усл. кр. — отг. 4,2. Тираж 170 000 экз. Заказ 42062.
Цена номера 510 руб. (по подписке).

Типография АО «Молодая гвардия».
Адрес: 103030, Москва, К–30, Суцьевская, 21.

«Вокруг света», 1994, 1–32.

На первой странице
обложки
НЕПАЛ.

Патан, древняя столица
Непала. Сегодня
это настоящий город-
музей, где буквально
все дышит историей, ни на
шаг не отступающей перед
неумолимым натиском
современной цивилизации.
И яркий тому пример —
жанровая сцена,
запечатленная
на этой фотографии.
Удобно расположившись
на поверсти старинного храма,
неварские священники
(невары, неварцы —
основная национальность
Непала) в окружении
благочестивых старушек
самозабавно читают
божественные сутры,
находя в них спасение от шу-
мя новой жизни, что кипит
тут же, неподалеку.

Фото из журнала «Grands
reportages»

Распространением
журнала «Вокруг света»
и приложения
«Искатель»
в зарубежных странах
занимается
АО «Международная
книга»
через своих контрагент-
тов в соответствующих
странах.
Координаты по адресу:

117049, Россия, Москва,
улица Большая
Якиманка, 39
факс: (095) 238–46–34
телефон: (095) 238–49–67
телекс: 411160

Индекс «Вокруг света» —
70142. Периодичность
12 номеров в год.
Цена на год, включая
стоимость авиадоставки:
44,0 доллара США.

Индекс «Искателя» —
70424. Периодичность 6
номеров в год.
Цена на год, включая
стоимость авиадоставки:
24,0 доллара США.

ЭЛЬДОРАДО

Главы из приключенческого романа

О ТВЕРДОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛИ

Солнце все выше поднималось над горизонтом, разгоняя дикие и мрачные сумерки леса. Небо порозовело, начался полуденный зной.

Фернандо радостно посмеивался про себя: о, бьющее через край счастье скачки! Хороша эта бесконечная страна, ее горы, леса, реки и водопады, в брызгах которых, играя красками, дрожали радуги. И хотя в ядовитом дыхании болот шуршат змеи, пищат малярийные комары и бесшумно летят смертоносные стрелы, конкистадоры неумолимо продвигаются к цели. Только сердца, робеющие от ужаса, гибнут перед лицом неожиданной опасности. Храбрые и стойкие побеждают.

Мы — покорители! — постоянно твердил себе Фернандо. Кажется, как легко маленькой горстке завоевателей бесследно пропасть здесь. Мощный тропический ливень может смыть их с лица земли, они могут сгинуть в жестоком бою от дротиков одного из племен индейцев, ненавидящих бородатых чужеземцев. Но они бросают вызов всем опасностям.

Раскаленное солнце поднималось все выше. Нестерпимая жара изводила людей, и Фернандо вскоре перестал ликовать.

Осряд Кесады вышел на берег безмятного озера. И после небольшого привала марш колонны продолжился.

Но вот впереди появился второй большой рукав реки Рио-Сезар. Вскоре они обнаружили висячий мост, искусно сплетенный из лиан. Он сильно прогибался и раскачивался под тяжестью шагающих пехотинцев, но нигде не порвался и не разрушился. Конники же пустились в поток и вскоре вплавь достигли противоположного берега. Никто не стал жертвой аллигаторов, в нескольких сотнях саженей выше по течению реки спокойно лежавших на песчаных отмелях.

Река и озеро с белыми цаплями остались позади. Часто приходилось шлепать по болотистым руслам ручьев и ручейков, через заросли леса. Лошади постоянно беспокоились, чуя близости хищников, но никто не пытался стрелять.

Они брели как слепые в бесконечных дебрях леса. Кесада выбрал путь по солнцу и компасу. Если, на счастье, попадались узкие тропинки индейцев или звериные тропы, идти становилось чуть легче. Однако в целом путь был изматывающе трудным. Часто приходилось останавливаться перед стеной густейших зарослей и буквально пробовать проходы мечами.

Если бы не было жуткой жары и тропической влажности, делающих человека таким вялым и апатичным чуть ли не до обморока, сквозь дрему усталости рассуждал Фернандо. И все же нельзя и подумать об отдыхе, ибо малейшая остановка в одиночку означает верную смерть.

Почему же небо так немилосердно к нам? Ведь мы со-

вершаем свой горький путь во имя Бога, мы его воины, крестоносцы. Почему провидение не оберегает нас от лова и стрел врага?

Раньше Фернандо о подобных испытаниях знал только из сказок и мифов. А теперь он сам встал на тропу испытаний и геройства, опасности окружают его со всех сторон. Но когда-нибудь им придет конец, и тогда его ждет награда. И так, прочь уныние!

Перед самым полднем они попали на место какого-то брошенного поселения. Бескрышие хижины, заросшие кустарником, располагались правильным полукругом. Ограда вокруг была уничтожена, только одно недавно покинутое кострище свидетельствовало, что это место иногда посещается индейцами.

Сухой горячий воздух уходящего дня заставил лейтенанта спрятаться в тень под раскидистые ветви деревьев, росших неподалеку от хижины. Закрыв глаза, он прислонился к шершавому стволу, как бы ища защиты от зноя, но внезапно почувствовал тяжелый удар по спине. Какое-то массивное, гладкое тело навалилось на него, заставив опуститься на колени. Он широко раскрыл глаза, хватая руками пустоту, и наконец понял, что на нем висит, обвиваясь вокруг шеи и груди, огромный удав-боа.

Громадная змея пыталась петлями своего мощного гибкого тела задушить человека. Фернандо обьял ужас смерти. Он сделал несколько судорожных движений руками. Из его горла вырвался клокочущий вскрик:

— Чима!

Ужасная гадина! Он почувствовал, что кровь в его голове перестает пульсировать, казалось, глаза выскочат из орбит. В следующую минуту он увидел голову боа с открытой пастью и торчащим языком. Еще мгновение, и его сознание погрузилось во тьму.

Фернандо почувствовал, как чьи-то искусные руки осторожно массируют ему шею. Резко пахло какой-то травой, как в тумане, он увидел чье-то лицо.

Кто-то спрашивал его о чем-то. Он слышал испанские слова, но никак не мог еще понять их смысла. Наконец сознание вернулось к нему, он узнал Чиму и понял, что это его заботливые руки. Приподнявшись, он огляделся и наконец вспомнил, что произошло. Удав, где же удав? Он хотел спросить об этом Чиму, но язык словно онемел и страшно болел. Из его рта вырвался только нечленораздельный хрип. Чибча прочел тоскливый ужас в глазах лейтенанта.

— Не отчаивайся, сеньор, — сказал он. — Не ты же мертвый, а змея. Я услышал тебя, пришел и увидел, что произошло. Когда идешь под деревья, посмотри всегда сначала вверх.

Фернандо в знак согласия закрыл глаза, теперь только он почувствовал свою шею. Без сомнения, Чима прибжал в последний момент. Мой дорогой спутник, брат, коричневокожий друг. В Фернандо поднималось чувство искренней, чистосердечной благодарности.

— Никогда, — сказал он, почувствовав опять способ-

ность говорить, — никогда я этого не забуду. Чима, ты спас мне жизнь.

Чибча усмехнулся и помог лейтенанту вернуться в хижину.

Когда Кесада, придя с экспедицией к оставленной деревне, расспросил поподробнее проводников-туземцев, стало ясно, что они потеряли ориентировку. Даже Чима не мог ничем помочь. Он знал только, что завоеватели слишком отклонились на восток, стремясь поскорее подойти к большой реке. Надо было бы придерживаться берега озера Сапатос, но Кесада хотел сократить путь, хорошо понимая страх солдат перед болотами.

Они не стали долго задерживаться в брошенной деревне. Фернандо чувствовал, что может продолжать путь. И конкистадоры опять пустились в дорогу. Вскоре они заблудились в такие дебри, что только с помощью мечей удалось прорубить тропы в зарослях. Между тем становилось все сырее, почва буквально уходила из-под ног, и лошади почти не могли идти дальше.

В конце концов Кесада решил прекратить блуждание в этой ужасной лесной беспредельности и резко повернул на юго-запад в полной уверенности, что они выйдут к Рио-Магдалене.

Фернандо вместе со всеми тащился в этой длинной цепочке усталых, близких к отчаянию людей. В течение нескольких дней он жевал листочки коки, взяв пример с индейцев.

Наконец они подошли к какой-то реке и почти сразу нашли возвышенное место, где командующий приказал разбить неприступный лагерь, чтобы все могли как следует отдохнуть. Вместе с тем Кесада считал, что вскоре необходимо будет тщательно исследовать всю местность вдоль реки и выяснить, существуют ли подходы к Рио-Магдалене.

Солдаты очистили от растительности подходящий для лагеря холм, устроили непреодолимую засеку из ветвей колючих кустарников. В это время индейцы-носильщики из пальмовых листьев и лиан соорудили хижины-шалаша, а также загон для лошадей, измученных и покрытых болячками, над которыми тучами роились насекомые.

Перед шалашами на берегу реки уже развевалось знамя конкистадоров. Здесь самые умельцы трудились над изготовлением двух лодок. Получились довольно неуклюжие суденышки. Ленивое течение реки внушало надежду, что так или иначе оно будет до самого впадения ее в Рио-Магдалену.

Через несколько дней лодки были готовы и спущены на воду. Один из конкистадоров был назначен руководителем этой флотилии и набирал людей.

Кесада дал свои последние указания.

— Вы должны плыть до Рио-Магдалены и разведать, не находится ли капитан Торнильо где-нибудь там поблизости со своими кораблями. Мы будем ждать от вас сообщений. Счастливого пути!

Уже на третий день лодки невредимыми вернулись обратно. Все солдаты были налицо, пропал только индеец. Он незаметно исчез у впадения реки в Рио-Магдалену, и спутники, подождав немного, предоставили индейца его судьбе.

Командир группы доложил, что в нескольких милях по течению ниже лагеря они подошли к другому полноводному рукаву, по которому поплыли дальше в северо-западном направлении и в конце концов достигли Рио-Магдалены. Оказалось, что в месте впадения реки в Рио-Магдалену расположилась довольно большая индейская деревня, жители которой сообщили, что четыре корабля, которыми интересовались испанцы, проплыли дальше вверх по течению Рио-Магдалены. Разведчики выторговали у индейцев несколько мешков маиса, которые, ко всеобщему удовлетворению, привезли с собой, чтобы испечь хлеб.

Ну а индеец? О пропавшем индейце вскоре забыли, только Фернандо обеспокоенно думал о нем. Как-то ночью он сказал Чиме:

— Ты, значит, еще одного связанного отправил, а обещал ничего подобного не делать, не сообщив мне.

— Твои заключения быстры, как утренний ветерок, — ответил чибча и улыбнулся. — Я счастлив быть твоим слугой.

— Отвечай мне! Это ты послал пропавшего индейца?

— Ты уже ответил на свой вопрос, сеньор.

— Я же тебе запретил посылать сообщения. Ты совсем не думаешь о своей жизни!

— Можно ли думать о своей жизни, если стоит вопрос о жизни целого народа?

Чибча был неисправим. Зачем, собственно, Фернандо тратит так много сил, чтобы пояснить Чиме смысл и цели их похода, если тот ничего, ну совершенно ничего не хочет понимать! Начать опять сначала? Но многого ли он до-

стигнет, если эта игра противоречивых представлений будет продолжаться без конца?

Могут ли попытки Фернандо доказать чибче благосклонность предпринятого похода? Он же ничему не верит! Впрочем, и действительно все происходит совершенно не так, как Фернандо пытается представить. Господству языческого вождя неотвратимо придет конец, если он не захочет быть вассалом христианского императора и не примет христианскую веру для всего своего народа. Стало быть, все, что делает Чима, справедливо? Но ведь с другой стороны... А, к черту!

Кесада направил головную группу на противоположный берег в дебри сельвы, чтобы загодя прорубать для колонны дорогу в зарослях. Вечером перед выходом всей экспедиции люди головной группы вернулись. Прodelывавая просеку в лесу, они достигли реки, о которой рассказывал речной разведывательный отряд, и обнаружили подходящий брод, вблизи которого, правда, как и повсюду в местных реках, водилось великое множество кайманов.

Это обстоятельство не могло быть основанием для особой тревоги, и на следующий день колонна свернула палатки и перекрестилась на другой берег.

Опять потянулись дни, полные тревог. Колонна медленно продвигалась в юго-западном направлении и наконец вышла к какому-то мелкому равнинному озеру, простиравшемуся на юг примерно на два леуга. В воде на отмелях стояли многочисленные стаи грациозных розовых фламинго. Они испуганно улетели. За ними скрылись попутай, пожиратели дикого перца.

— Это примечательно, — сказал командующий, — звери и птицы нас боятся, значит, здесь на них кто-то охотится.

Прежде чем кто-нибудь успел ему ответить, они услышали выстрел вдали. Выстрел из ружья? Здесь, в лесу? Вот еще один, и еще.

— Это может быть только капитан Торнильо! — воскликнул радостно Кесада. — Он расположился где-то здесь поблизости и сейчас, видимо, развлекается охотой.

Через несколько часов пути впереди послышались возбуденные крики, раздался выстрел. Там, казалось, в самом разгаре шел бой. Кесада вытаскил меч из ножен, и всадники бросились вперед через труднопроходимые заросли и болотистые низины. Если их товарищи с кораблей вынуждены вести бой, то надо быстрее идти им на помощь.

И действительно, совершенно неожиданно выскочив из зарослей, они ворвались в самую гущу пестро раскрашенных, размахивающих копьями индейцев. Эффект неожиданности был полным. Туземцы, не видевшие еще никогда всадников, побросали свое оружие и очертя голову бросились врассыпную в лес.

И вдруг из травы поднялся человек. Вся одежда на его истощенном теле была разодрана в клочья. Заострившийся нос и всклокоченная борода придавали его облику что-то птичье. Он держал в руке мушкет и смотрел на всадников с выражением беспредельного удивления. Наконец он взмахнул ружьем и закричал неестественно высоким голосом:

— Мадонна! Мы спасены! Кесада приехал! Кесада!

Он, хромая, подошел поближе.

— Кто ты такой? — выхватив вперед, спросил его поспешно Кесада.

— Хуан Молинера, — ответил человек, — с кораблей, сеньор командующий, аркебузир.

— А где капитан?

Оборванец горько усмехнулся.

— Пожиратель огня? — переспросил он, поворачивая свое птичье лицо в разные стороны. — Он лишний раз подтвердил свое прозвище. Его поджарили на костре и сожрали проклятые язычники, индейцы. Он ведь был еще в теле, не такой, как мы теперь.

Всадники в ужасе смотрели друг на друга.

— Что это значит? — воскликнул Кесада. — Что случилось с кораблями?

— Пойдемте со мной, и посмотрите сами, — бедолага вяло махнул рукой. — Они устроили нам засаду и все уничтожили и разграбили.

Конкистадоры молчали.

Молинера повернулся и пошел, сляно прихрамывая, иногда пропадавая в высокой, в рост человека, траве. Он вел их мимо зарослей кустарника к невысокому холму. Оттуда доносился какой-то непонятный гул, казавшийся воплями обреченных душ в чистилище. Но, напротив, это были возгласы радости.

Небольшое возвышение было окружено засекой из ветвей колючих кустарников и деревьев. Между деревьями виднелись крытые тростником шалаша, от которых поднимался дым, стелившийся тонкими лентами по кустар-

никам и траве. Из прогала в ограде навстречу шли испанские солдаты, обворванные и истощенные, с лихорадочно блестящими глазами. Их руки были похожи на птичьи лапы, поражали вздохмаченные головы и всклокоченные бороды; на телах сквозь дыры в одежде виднелись струящиеся незаживающих ран и следы укусов насекомых. Они хромали и качались, как пьяные, некоторых вели за руку, как маленьких детей.

И теперь они предстали перед командующим, не скрывая беспредельной радости, что-то бормотали и поднимали вверх руки. Кесада пересчитал их взглядом: их было не более тридцати.

Тридцать? На кораблях поплыли двести человек, почти все офицеры экспедиции. Где же они?

Один из нестройной толпы попробовал отдать честь начальству, сняв с головы жалкое подобие шляпы:

— Лейтенант Романо с оставшимися тридцатью четырьмя пехотинцами, защитниками укрепления «Глория» («Слава»), сеньор командующий.

— Где же остальные? — хрипло спросил Кесада.

— Все погибли, — ответил лейтенант. На лице его при этом не дрогнул ни один мускул.

Командующий ни о чем больше не спрашивал. Он соскочил с коня, извлек из седельных сумок все, что было съестного. Голодные, истощенные люди буквально рвали из рук майсовы лепешки и все, оказавшееся в сумках у других всадников.

Они вошли в укрепление.

— Мы назвали его «Глорией», потому что верили в окончательную победу, — рассказывал лейтенант Романо, — в наше освобождение.

Фернандо не проронил ни слова. Он смотрел на обнесенный оградой лагерь, шалаши, широко разлившуюся воду Рио-Магдалену. Но на сердце его было тяжело, и горькие мысли приходили в голову.

За ним безмолвно стоял Чима.

Смотри, внимательно смотри, сеньор, говорили его глаза. Так будет со всеми, кто нападет на нашу страну, проливая кровь и ища добычи. Эти несчастные люди были одеты в доспехи, размахивали железными мечами и вооружены оружием, исторгавшим молнию и гром, но, несмотря на это, они побеждены!

Какой успех храброго индейского племени мотилонов! Небесный творец Суа дал им для этой победы много сил. Суа будет дальше им помогать, ибо еще не все враги уничтожены.

И теперь белые люди хнычут, они угрожают и вызывают к мести, так как слышали, что их товарищей поджарили на костре и съели. Но известно ли бледнолицым, почему индейцы так поступают? Они верят, что силы убитых врагов перейдут к ним, если съесть их сердца. Разве этот обычай отвратительней ваших обманов, воровства и поджогов?

Сеньор, друг, брат, когда-нибудь ты поймешь, что недобрый путь вел вас к гибели. Но неужели ты действительно верил, что конкистадоры отправились в путь с чистыми и добрыми намерениями?

Чима стоял, печалась за своего сильно обескураженного господина. Было ясно, что сердца испанцев пылали злобой. В таком состоянии они способны на страшные дела.

КОРИЧНЕВАЯ МАДОННА

Корабли благополучно проплыли по морю и вошли в устье Рио-Магдалены, рассказывал лейтенант Романо хрипловатым голосом. Постоянный северный ветер в значительной мере облегчал плавание вверх по течению коричневато-зеленой реки.

Солдаты отдыхали, насколько это возможно при жаре и тучах москитов.

Вскоре они обратили внимание, что вниз по течению реки не проплыло ни одной лодки. Не было ни чампанов торговцев солью, ни челнов-однодеревок. И тут впервые появилось подозрение, что туземцы задумали что-то недоброе.

И действительно, при первом же причаливании на них полетело множество стрел. Были потери.

Итак, большая река оказалась враждебной. Им попадались брошенные деревни, и каждый шаг на суше сопровождался стычками и стоил человеческих жизней. За движением кораблей, видимо, зорко наблюдали, об их приближении было заранее известно, хотя они изо всех сил старались продвигаться вперед как можно быстрее под парусом и на веслах. И всюду встречали враждебность: каждый час ночного сна прерывался нападением и нередко чьей-то смертью. Наконец они перестали причаливать,

останавливаясь на ночь у песчаных отмелей и островков, разжигая громадные костры, чтобы в их колеблющемся свете заметить приближение индейцев.

Конкистадоры пытались завести добрые отношения с местными туземцами, оставляя различные подарки на берегу. Индейцы твердо сохраняли ледяную сдержанность и все попытки к сближению резко отклоняли. Такое поведение аборигенов подсказывало, что за недобрым отношением к плывущим на кораблях стоит какая-то жесткая власть, которой не могли не подчиниться лесные племена. Нетрудно догадаться, что этой властью мог быть только правитель Эльдорадо, страны, расположенной высоко в горах и тем не менее очень хорошо осведомленной о планах завоевателей.

Остановиться у впадения реки Рио-Сезар и соорудить опорный пункт было совершенно невозможно, вокруг был болотистый лес, непроходимый для сухопутной колонны. Поэтому на холме возле реки решили возвести укрепленный лагерь. Высокую траву вокруг можно было выжечь для обзора и прицельного огня во все стороны. Не обнаружив вокруг ни одной души и успокоившись, все улеглись на ночной отдых.

Ну а на следующий день большинство из них уже не встало. После полуночи напали индейцы. Этого они не делали никогда, по-видимому, боясь злых духов ночи и темноты. Однако на сей раз чей-то властный приказ заставил их совершить, казалось бы, невозможное. Туземцы подкрались к лагерю, как кошки. На бесчисленных челах они переплыли реку, захватили корабли и, перерезав все причальные канаты, пустили их вниз по течению.

Часовые на суше обнаружили это, когда уже ничего нельзя было сделать. Они быстро распределились по границе лагеря и перестреляли всех индейцев, сумевших приблизиться к линии костров. Но людям на кораблях никто не мог уже помочь.

На следующий день лейтенант Романо с оставшимися в живых занял холм и, как могли, окопались. Они вынуждены были экономить порох и пули, а также дробтики для арбалетов. С продовольствием было совсем плохо. День и ночь продолжались атаки на лагерь, пока индейцы не поняли наконец, что против оружия завоевателей они бессильны. Тогда, видимо, решили уморить гарнизон лагеря «Глория» голодом.

И вот испанцы варили листья деревьев, под надежной охраной пытались ловить рыбу в реке, а у индейцев ярко горели костры, на которых они поджаривали сердца своих поверженных врагов и тут же съедали.

Только надежда на скорое появление Кесады с отрядом помогла гарнизону лагеря пережить голод и неодолимый страх.

Теперь они спасены.

Глаза присутствующих при рассказе лейтенанта Романо сверкали. Ярость и желание немедленно отомстить индейцам пожирала их сердца.

— Месты! — воскликнул Кесада, и все воспламенились от этих слов. Если эти язычники захотели резни, то они ее получат!

Командующий тут же послал всадников навстречу экспедиции, поскольку пехотинцы шли, ничего не опасаясь. Кесада не хотел больше жертвовать людьми. Крови белых пролилось достаточно, теперь настала очередь индейцев, и кровопускание будет страшным. Видит Бог, мы обязаны это сделать!

Фернандо вел охранную группу кавалеристов. Его всадники лихорадило от желания мести. Они тщательно обследовали кустарники, но лес был пуст, насколько хватал глаз, и насколько они могли его прочесать.

Мануэль со своими людьми наткнулся на небольшую толпу индейцев, в которой были только женщины и дети и несколько безоружных стариков. Однако всадники перебили всех до единого. Никакой пощады, так приказал Кесада! Мануэль самодовольно усмехался, вытирая меч листов пальмы. Фернандо, рассматривая убитых, никак не мог справиться с горьким чувством. Неужели это зайдет так далеко? Разве с безоружными детьми и женщинами тоже надо воевать? Разве настоящие воины так себя ведут? Какая же это храбрость — истреблять безоружных детей, женщин и стариков? Конкистадоры кинулись на невинных людей, как хищники на добычу. Они выполняли тот страшный приказ: «Никакой пощады!»

К чему это приведет, печально думал Фернандо. Если нами будет руководить только хмельное чувство мести, тогда не надо произносить громкие слова о борьбе за высокие идеалы Веры Христовой, убивать во имя убийства; и если так дальше пойдет, то неизвестно, дойдет ли хоть один из нас до чудесной страны в горах.

Удрученный вернулся Фернандо в лагерь. Пришла ночь, были зажжены большие костры и выставлен усиленный караул.

Экспедиция оказалась в отчаянном положении. Корабли должны были служить ее опорной базой. Из их трюмов предполагалось пополнить израсходованные запасы и испорченное снаряжение, они должны были принимать на борт больных и раненых. Планировалось, что они будут плыть параллельно движению колонны до тех пор, пока не встретят на пути преодолимое препятствие. Что же теперь делать? Запасы потеряны. Многие солдаты и офицеры буквально падали от усталости, пополнения боеприпасов не предвиделось. Стоящие перед ними задачи по-прежнему были грандиозны. Необходимо пройти по реке более ста миль. Затем переправиться на другой берег, форсировать непроходимые дебри и начать подъем в горы. Им предстояло либо выдержать все испытания, либо умереть. При этом они отчетливо понимали, что пути назад для них нет.

Пришедшие пехотинцы принялись строить новые хижины, натягивать палатки, усиливать земляной вал и соорудить безопасный проход к реке.

А группы всадников предпринимали карательные походы. Кесада сам руководил набегами, желая внушить ужас на все окружающее население. Мелкие группы всадников прочесывали ближайшие подступы к лагерю. За ними следом должен отправиться в разведку большой отряд, чтобы жечь, убивать, уничтожать все и всех, не спрашивая, принимали они участие в нападении на экспедицию или нет.

Фернандо вел своих кавалеристов. Он всегда был впереди, когда индейские воины набрасывались на железные всадников, но избегал неоправданной жестокости. Тем не менее он никому не запрещал заниматься грабежами и разбоем, памятуя о приказе командующего: «Мстить без пощады!»

Как далеко они зайдут в своей ярости, никто не спрашивал. Такие вопросы в отрядах завоевателей не задают. Они готовы наводить ужас на аборигенов, подвергая страшной каре.

Однажды испанцы окружили большую деревню неподалеку от берега и разделились на несколько групп, чтобы ворваться в деревню со всех сторон.

Однако на одной из просек внезапно появились десятки коричневых воинов. Группа пронеслась мимо, отравленные стрелы отбаранили свою страшную дробь по панцирям или застряли в ватных доспехах. Всадники развернулись и, взяв пики наперевес, врезались в толпу туземцев, храбро вступивших в рукопашную. Фернандо пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть сразу с несколькими индейцами. Они яростно кидались на него с дубинками или копьями; но доспехи спасали от неминуемой гибели. Каменные наконечники скользили, а дубины только гремели по железным латам. Между тем бронированные всадники косили людей налево и направо, как спелую рожь, без пощады.

Деревня уже была разорена. Многие дома пылали, охваченные огнем. Фернандо повернул коня и не спеша поехал прочь. Через некоторое время он обратил внимание, что деревья на пути образуют ровные ряды. Это был фруктовый сад, за которым тщательно ухаживали индейцы.

За спиной стоял треск горящих тростниковых хижин, лошадиный топот, лай собак и крики погибавших людей. Фернандо стремился поскорее отъехать от этого страшного места. Но внезапно лошадь, вздрогнув, остановилась. На земле, склонившись к ребенку, сидела, притаившись, молодая индейская мать.

Иссиня-черные волосы, разделенные посередине ровным пробором, камышовая цепочка на шее, строга гладкая фигура, большие испуганные глаза и рот с губами, напоминавшими морские волны, как сказал бы Чима. На ее набедренной повязке безмятежно сидел ребенок, положив голову на грудь матери. Он что-то лепетал и двигал ручонками. Женщина сидела не двигаясь. Она была, видимо, очень напугана появлением громадного, страшного всадника. На ее коже играли солнечные блики, она сидела, как церковная статуя, коричневокожая Мария со своим сыном, под фруктовым деревом в сиянии отсветов солнца.

— Мадонна, — прошептал Фернандо. Он не мог оторваться от этой волшебной картины. Ему хотелось сойти с лошади и понюхать с ребенком, приласкать его. Два беззащитных существа вызвали у него жалость и сострадание. Женщина не сводила с него испуганных глаз, ожидая самого худшего. А всадник с молчаливой нежностью смотрел на ее ребенка, тихонько хлопающего в ладошки.

Но вот затрещали сучья и загремели копыта. Из зарослей с криком выскочила группа всадников с лицами, искаженными злобой, и налитыми кровью глазами. Они не видели ни мадонны под фруктовым деревом, ни ее ребенка. Перед ними была еще одна жертва, прячущаяся со своим отродьем в кустах.

Как в кошмарном сне Фернандо увидел, как женщина побежала, затем упала, и по ней и ребенку протоптали копыта лошадей. Ужас!.. И здесь перед ним предстала дикая, усмехающаяся рожа. Мануэль!

— Ты дьявол, — выехав вперед и схватив вахмистра за глотку, воскликнул Фернандо. — Ты же убил мадонну!

Они крутились на лошадях в злобе и ярости. Мануэль едва не потерял сознание, так яростно сжимал его горло лейтенант. Но окружившие кавалеристы сумели их разнять.

Что произошло с лейтенантом? Или он заболел лихорадкой? А может быть, внезапное помутнение разума? Какая, к черту, мадонна? Они первыми напали на христиан и убили многих. Они должны за это умереть!

Мануэль потирал шею. Он тяжело дышал и ждал объяснений, но Фернандо повернул лошадь и ускакал прочь. Через некоторое время догнал свой отряд на просеке, где всадники отдыхали, похваляясь «героическими» делами. Лейтенант молчал. Безмолвно ехал он впереди своих людей через лес. Вернувшись в лагерь, поставил коня в загон, сняв с него седло, попоны и панцирное покрывало, и, не поев, улегся в палатке, уставившись в серую парусину.

На следующее утро он не встал к мессе, лежал, глядя в одну точку, щеки его горели в лихорадке. Возле него был Чима, как всегда спокойный и внимательный. Он ни о чем не спрашивал, но пригласил фельдшера осмотреть сенюра. Фернандо дал пощупать голову и пульс, но ничего опять-таки не сказал. Он лежал абсолютно отрешенный, будто душа его сгорела.

Фельдшер покачал головой, дал Чиме порошок, сказав, как следует размешивать его и поить лейтенанта. И ушел к командующему с сообщением о болезни пациента.

Кесада, выслушав его, озабоченно погладил свою борду. У него не так много офицеров, они не должны болеть.

— Что же с ним такое? — спросил он. — Лихорадка от перегрева?

— Он лежит не двигаясь с тех самых пор, как вернулся вчера в лагерь.

— Может быть, он ранен отравленной стрелой?

— Он не ранен, сенюр командующий.

— Позовите ко мне вахмистра!

Мануэль пришел и доложил, как было дело.

— Он был как безумный, сенюр командующий. Когда мы подсаkali, он стоял в пяти шагах от индейской женщины, притаившейся под деревом, и смотрел на нее. Ну и когда я эту женщину убил, он бросился на меня как одержимый, схватил за горло, крича, что я убил мадонну!

— Интересно. Позови-ка монаха.

Брат Корнелий все выслушал, пожал плечами и сказал:

— Я хочу побить с ним наедине.

Затем без промедления отправился в палатку больного, жестом выставил вон чибчу и уселся возле ложа Фернандо.

— Твой исповедник возле тебя, брат мой, можешь говорить!

— Вы меня не поймете, падре, — ответил лейтенант сумрачно. — Я сам себя вряд ли понимаю.

— С Божьей помощью, брат мой, я постараюсь тебе помочь.

Молчание.

— Тебя сломило какое-то испытание, — сказал монах, чтобы завязать разговор.

— Я был свидетелем страшного деяния, падре! — Фернандо приподнялся, глаза его горели. — Они на моих глазах убили мадонну и ее дитя! Называйте меня безумцем, святой отец, говорите, что я сумасшедший, что заблуждаюсь, но все равно я считаю, что надо кончать эту кровавую игру. Мы не должны распускаться в себе дьявола, нам следует оставаться христианами, дела которых непогрешимы. Вы каждое утро благословляете солдат, и они нуждаются в этом благословении, чтобы продолжать страшную кровавую оргию. Кровь невинных жертв вопиет к небу, падре! Во имя Господа, остановите это страшное дело, или мы будем истреблены, как стая очумелых гиен.

Он откинулся на своем ложе и сжал зубы.

— Ты узрел какое-то видение, — промолвил, смягчившись, монах.

— Называйте это как хотите, — ответил Фернандо с горечью, не отрывая глаз от полога палатки, — называйте видением, воображением или мечтой, какое это имеет значение? Я знаю только, что это была мать со своим дитя-

тей, мадонна, перед которой надо стоять на коленях, забыв все зло, даже если ты воин, на панцире которого еще не стерлись пятна крови. Но они, наши солдаты, этого не увидели. Они уничтожили эту прекрасную картину. Они, как оксквернители храма, ворвались в святая святых, варвары и исчадия ада, и с ними было ваше благословение, святой отец!

Монах отпрянул от Фернандо. Он побледнел и замер, глядя на лежащего перед ним человека, у которого на груди горел серебряный крестик, освященный самим епископом в Санта-Марте. Поэтому, по мнению монаха, Фернандо был под высокой защитой. Не удивительно, что именно ему явилось свыше божественное внушение против ярости одичавших солдат.

— Брат Фернандо, — вздохнул монах жалостливо. — Этого не должно больше быть, — я скажу командующему. Они должны отпустить женщин и детей с миром. Господь простит нас за все случившееся.

И он исчез, как тень.

Вечером Чима подошел к ложу лейтенанта. Его глаза были удивительно ясны, как горные озера в тихую, безветренную погоду.

— Садись, — сказал Фернандо, — мы должны поговорить. Вам удалось уничтожить четыре корабля с белыми людьми, мы получили страшное предупреждение. Но ты увидел, Чима, что получается, когда свержается не менее страшная месть испанцев. На расстоянии одного дня пути от этого места нет больше ни одной населенной деревни, нет ни одного рода, который не оплакивал бы своих убитых. Белые люди сильнее. Вы можете попытаться устраивать засады на дорогах. Но все они в конечном счете будут преодолены. Допустим, вам удастся перебить всю колонию, но имей в виду, что за каждого будут уничтожены тысячи индейцев. Чима, ты должен помешать этому. Каждый имеет право на жизнь, на свою деревню, на свое поле. Мы не хотим убивать, Чима, это отвратительно, верь мне. Но если вы засыпаете нас своими ядовитыми стрелами и копьями, мы будем вынуждены защищаться, а наше оружие, как ты знаешь, лучше.

— Индейцы любят свободу, — сказал чибча гордо. — Лучше умереть в борьбе, чем постыдно покориться. В лесах живет многочисленный народ, и вы многих уже уничтожили. И теперь люди знают, на что способны иноземцы. При встрече с вами они будут сражаться до конца. Да, у нас будут большие потери. Но затем придет наш вождь Саквесахигуа со своими воинами. Ничто и никто не устоит перед ним! Это тот, кто будет нашим ципой, когда Тисквесау уйдет в озеро.

— Да, мы чувствуем его руку повсюду, — признал Фернандо. — Но он не должен быть нашим врагом, Чима! Ручаюсь, что император и святая церковь оставят ему его страну.

— Он очень силен, — сказал гордо чибча. — Он командует всеми войсками нашей страны. Двадцать раз по тысяче воинов стоят в горах наготове; очень многие из народов, что едят нашу соль и живут в лесах, держат свое оружие наготове. Такое войско не сдается врагам без борьбы.

— Тогда я не в силах изменить судьбу индейцев, — сказал огорченно Фернандо.

— Каждый идет своей дорогой, — ответил чибча задумчиво, — ты по своей, я — по своей.

Чима тихо вышел из палатки. Он очень переживал, что Фернандо его не понимает и, видимо, не сумеет понять. Между ними зияет пропасть, через которую не может быть моста.

Нет моста!

Он содрогнулся от этой мысли. Что же теперь делать?

Но размышления его были прерваны звуками горна и дробью барабанов, обитатели лагеря бросились к ограде. В пятидесяти шагах от земляного вала стояла большая толпа индейцев. Они были без оружия, а некоторые из них махали зелеными ветками.

Кесада приказал вступить в переговоры. Руководитель носильщиков взобрался на вал и что-то прокричал туземцам. Из толпы вышел старый индеец и медленно, шаг за шагом стал приближаться к лагерю, неся в вытянутой руке зеленую ветку, как знамя. По его нерешительности было понятно, как он страшился встречи с белыми людьми в одиночку.

Но вот посыпались первые вопросы и ответы.

— Что вам нужно, люди народа мотилонов?

— Мы пришли к белому главному вождю с предложением.

— Вы принесли мир или войну?

— Мы несем мир! Позвольте принести вам наши подарки.

— Сколько будет вас?

— Столько, сколько у человека пальцев на руках.

Испанцы тихо совещались. Они были взволнованы и чувствовали, что эти минуты могут решить многое.

— Белый предводитель говорит, что вы можете войти, но свое оружие оставьте снаружи.

— У нас нет никакого оружия, мы посланники.

По сигналу Кесады заграждения у входа в лагерь были отодвинуты, освободив дорогу. Группа индейцев с тяжелыми туками на спине, удерживаемыми широкими ремнями, наложенными на лоб, вошла в лагерь. За ними шли мужчины, неся на руках отчаянно кричавших маленьких детей.

Старик индеец подошел к Кесаде. Он коснулся правой рукой лба, а затем приложил ее к груди.

— Великий господин, — сказал он приятно звучащим глубоким голосом, а переводчик переводил, — сын Солнца и Луны, прими привет вождя народа мотилонов. Мы плохо поступили с тобой и твоими воинами. А ты прошел через лес, как будто у тебя есть крылья. Ты хочешь проникнуть в высокогорную страну, где живет кондор, и ничто тебе не может помешать. Твое оружие, господин, пожирало наших сыновей и дочерей, твой огонь уничтожает наши хижины, твои большие звери топчут нас, как гром и молния. Остановись, великий господин, мы покоряемся тебе.

Он подал сигнал сопровождающим, которые тут же сложили свою ношу, стали развязывать туки и раскладывать подарки. Здесь были шкуры пумы, цепочки из когтей хищных животных, кованные золотые пластинки, необработанные драгоценные камни, искусно изготовленные украшения из перьев, поразившие испанцев своей красотой.

Другие извлекали из туков связки фруктов, сушеное мясо, клубни арракачи и юкки, каких-то сушеных червей и насекомых, представляющих для индейцев величайшее лакомство. В заключение подошли самые последние индейцы и положили к ногам кесады кричащих детей.

— А это зачем? — спросил он недовольно.

— Сыну Бога для трапезы, — сказал глухо старик, не двигаясь и глядя куда-то в пространство.

Испанцы рассмеялись. Но Кесада поднялся и, сохраняя торжественность момента, проникновенно сказал:

— Отнесите этих детей обратно! Христиане не едят человеческого мяса. Это совершенно богопротивное дело, когда человек убивает своего брата, чтобы сожрать его мясо!

Индеец обеспокоенно взглянул на испанцев, он не мог скрыть своего удивления. Подумал, что белый господин хитрит, откачиваясь от такой ценной жертвы. Нескромно помедлив, старик подал знак, и индейцы унесли детей.

Кесада молча рассматривал подарки туземцев. Он поднял некоторые золотые украшения и драгоценные камни.

— Где вы это берете? — спросил он.

— В горах, господин, находят золото и камни. Мы находим их в ручьях и оврагах.

Командующий задумчиво перебирал украшения, любясь их сверканием и блеском. Его мысль продолжала работать.

Перемирие. Мы сможем купить юкку и мясо, плавать на лодках по реке, ходить на охоту. Поправим своих солдат.

Они покорились. Бог нам помог выйти из ужасного положения. Но почему? Потому что мы остались непреклонными в борьбе с темными язычниками или... потому что мы правильно поняли смысл видения кавалерийского лейтенанта?

Кесада махнул рукой.

Каждому индейцу повесили на шею по цепочке стеклянного жемчуга. Для вождей Кесада выделил несколько очень высоко ценимых туземцами железных ножей. Индейцы прикладывали руку ко лбу и груди и кланялись.

Командующий внимательно посмотрел вокруг и твердо заявил:

— Мы принимаем ваше предложение о мире только при одном условии: все племена мотилонов должны вести себя миролюбиво, вернуться в свои деревни и жить, как жили до сих пор. Мы же продолжим наш путь вверх по течению и надеемся встретить только друзей, гостеприимством которых сможем воспользоваться. Начиная с сегодняшнего дня ни один всадник не ворвется в хижину индейцев, а ваши воины не должны обстреливать белых солдат. Подходят ли такие условия договора?

— Да, господин, мы даем наше слово.

— Я полномочный представитель великого вождя-императора, живущего за большим морем. Вы должны считать себя его подданными, а он будет вашим защитником от всех опасностей. Согласны ли вы быть верными этому союзу?

— Да, господин. Мы сделаем все, что вы требуете, — сказал, поклонившись, старый индеец.

КТО ВЫТЕРПИТ ДО КОНЦА?..

Наконец влажные низменности, заболоченные реки и ручьи начали сменяться песчаными холмами и непроходимыми зарослями кустарников.

Далекая страна Дорадо манила, как мираж. Но дойти до нее было очень нелегко. Конца-края не видно их затянувшегося походу. Страна чибчей... Говорят, что в ней живет около миллиона бронзовокожих индейцев. На руках и ногах у них звенят золотые украшения без числа. Золото, драгоценные камни! Каждый конкистадор с воодушевлением мечтал о богатой добыче и ради нее был готов терпеть все лишения.

Однако путешествие затягивалось. Настроение людей портилось. Офицеры часто раздражались и порой резко возражали даже главнокомандующему.

Многие болели лихорадкой. Они тащились от привала к привалу, пока наконец не оставались лежать на земле, словно обломки людского потока во враждебной стране. Даже монах при встрече с Фернандо жаловался на усталость. У него были изранены ноги, и он шатался на ходу. Пехотинцы роптали и срывали плохое настроение на носильщиках, не однажды, проклявших своих господ.

Лошади лишены добротного фуража, а в результате начался падеж. Около дюжины животных погибли. Они были безжалостно заколоты и разделаны для еды. Бывшие кавалеристы вынужденно влились в отряд пехотинцев. В результате трения в колонне еще более усилились. Постоянно слышались ругань, окрики и стоны.

Чима, казалось, не испытывал никаких лишений. Он шел спокойно и легко, глаза его были внимательны, а руки быстры. Если появлялся змея, его бамбуковая палка всегда успевала нанести смертельный удар. Когда Фернандо спрашивал Чиму о самочувствии, удивляясь неумоимости и выносливости, тот отвечал:

— Наши воины проходят жесткую школу. Они учатся стойко переносить сырьсть, голод, жажду и побои. Я прошел через более тяжелые испытания, чем этот поход.

Загадочный народ эти чибчи.

Однажды на безымянном перешейке, отделявшем реку от какого-то большого озера, испанцы вновь повстречали туземцев. Они перегородили дорогу баррикадой, за которой голова к голове стояли раскрашенные воины, дружно пускавшие стрелы и швырявшие камни в приближавшуюся колонну. Все попытки завязать переговоры решительно отклонялись. Наконец Кесада приказал стрелкам разогнать ряды противников. Сам он во главе группы всадников по воде обошел баррикаду и с тыла напал на противника. Произошла короткая кровавая схватка, и дорога была очищена.

Конкистадоры выиграли бой, но нападения туземцев стали ежедневными, как проливные осенние дожди.

Проклятая страна! Проклятый мир! Проклятый род людской!

Изрядно поредевшая колонна медленно двигалась вдоль нескончаемого берега. Постепенно начался затяжной подъем. Заметно изменился окружающий ландшафт. Более редкими стали заросли кустарников, болота и топи сменялись каменистыми склонами.

Индейцы нападали беспрерывно, не уставая. Каждый день кто-нибудь погибал от отравленной стрелы. В отместку испанцы иногда устраивали пытки пойманым индейцам — связывали по рукам и ногам и поджаривали им пятки на костре. Дикие крики далеко разносились вокруг, вызывая ярость у оставшихся на свободе.

Наконец добрались до крутых берегов какой-то горной реки. Вода в ней пенилась и бурлила, с бешеными водоворотами низвергалась с гор через узкую горловину. А сзади все ближе доносились воинственные крики индейцев. Почти два дня им пришлось идти вдоль берега, пока наконец не нашли более или менее удобную переправу. Однако в этом месте глубина была слишком велика для пехотинцев и носильщиков.

Тогда сплели толстый канат, а индейцы-носильщики набросали в реку несколько дюжин больших камней, чтобы создать более удобный переход для пехоты. Всадники же прикрывали их от внезапного нападения туземцев и вымещали злость на несчастных носильщиках, палками гоня их то в воду, то из воды. Однако работа шла невыносимо медленно.

Наконец коварную реку преодолели. Чима хорошо знал ее. Она называется Сагамосо и зарождается далеко и высоко в горах, где стоит большой храм Солнца, шепотом сообщил он.

Через несколько дней они подошли к крутому оврагу, где на реке оказались причаленными несколько индейских чампанов. Но ни одной живой души не нашли, хотя довольно тщательно обыскали все вокруг.

К большому сожалению испанцев, на брошенных крытых лодках не обнаружилось ни весел, ни парусов. Кесада надеялся использовать найденные чампаны, но увя, «без руля и ветрил» они были бесполезны.

Пришлось вновь разбивать лагерь. Носильщики опять продельвали тяжелую работу по расчистке зарослей для отряда и достаточного обзора вокруг. Конкистадоры нигде не чувствовали себя в безопасности, а здесь, у оврага с крутыми заросшими склонами, в особенности можно ждать очередного нападения. Место вынужденной стоянки казалось мрачным и даже зловещим. Лагерь получил название «Варранча», что значит овраг.

Индейцам-носильщикам пришлось мучиться с расчисткой и раскорчевкой до темноты. Особо смелые бормотали проклятия в адрес бесчеловечных солдат, что плохо ценят преданность туземцев-христиан. Может ли так продолжаться?

Ночью возбужденные крики одного из часовых встревожили весь лагерь. Люди растерянно бегали, натакиваясь в темноте друг на друга, переругивались, напряженно ожидая нападения, пока наконец не обнаружили, что все чампаны, стоявшие у берега, бесследно исчезли. Еще поразительнее было то, что вместе с ними исчезли все носильщики.

Кесада сразу же направил группу всадников вниз по течению, чтобы догнать беглецов и заставить вернуться обратно.

Но ночная темнота была почти непроглядной, лошади не могли быстро передвигаться, и беглецы исчезли навсегда. Обескураженные всадники вернулись в лагерь.

Настроение было мрачным. Что же теперь будет? Как двигаться дальше без носильщиков?

Колонна в течение нескольких дней не могла двинуться с места. Руководители сомневались, что делать дальше. Без носильщиков они не смогут нести с собой достаточное провианта и боеприпасов. Прокормиться же в пути с помощью охоты вряд ли

возможно, особенно учитывая постоянные засады.

Тем не менее предстояло двигаться вперед.

— Не спрашивайте, сможем или не сможем, — говорил Кесада, — для нас остается только одно — надо! Не так ли?

Когда после очередного тропического ливня тронулись в путь, каждый нес дополнительно тяжелый куль с продуктами или снаряжением. Люди воячали, ибо считали себя львами или в крайнем случае пантерами, но ни в коем случае не выючными ослими.

А вокруг буйствовала жизнь в самых разнообразных формах и видах, как мифическая многорукая богиня с каменным лицом и закрытыми глазами, возвышающаяся над людьми, как некий демонический усмехающийся образ, безмолвно говоривший, что они могут тащиться куда им хочется, но понять сущность этой страны не в состоянии.

Шли дни, и постепенно подкрались голод, лишения и недоедливость. Людям приходилось пить воду из лубяных ручьев и речек, пересекавших дорогу. Почти все ослабли из-за непрерывных изнуряющих поносов, особенно тяжелых при недостаточном питании и сверхчеловеческом напряжении. Относительно здоровыми оставались лишь те, кто не потреблял некипяченую воду. Но на это способны только люди с сильной волей.

А вот невнимательные и небрежные сильно ослабели, лица их заострились, принимая птичье выражение. Казалось, безжалостная смерть наступает им на пятки, а каждый взгляд округлившись глаз заронял в душу печальные мысли. Кому удавалось по вечерам внимательно оглядеть солдат при свете лагерного костра, мог почти точно определить, кто уже никогда не вернется домой, а будет вечно покоиться в чужой земле.

Однажды они переправились уже через четвертую на их пути крупную реку. Казалось, что наступает конец предприятия. За несколько дней до этого произошла довольно серьезная стычка, когда уже не принимались во внимание ни офицерские чины, ни приказы. Солдаты открыто критиковали командующего, ссорились со своими начальниками и в конце концов отказались подчиняться, когда их опять привлекли к работе после тяжелой переправы.

Кесада пытался вначале по-доброму уговорить всех, потом угрожать и, наконец, применять суровые меры. Дело зашло так далеко, что одного солдата, оскорбившего лейтенанта Романо, должны были расстрелять. Но никто не соглашался привести в исполнение приговор. Смута в отряде достигла апогея. И когда казалось, что экспедиция окончилась полным крахом, Кесада выхватил из ножен меч и прикончил мятежника собственноручно.

Все оцепенели. Но в следующее мгновение произошло какое-то короткое движение друг к другу сторонников и противников Кесады, который стоял, опустив меч, ожидая исхода стычки. Однако ему не пришлось больше поднимать свой меч. Большинство приняло его сторону, а остальные обескураженно ретировались. Через некоторое время они собрались около берега и после короткого совещания объявили, что больше не считают себя участниками экспедиции, не признают главенство Кесады и идут обратно.

Другие сразу же пожелали им «счастливого пути» прямо в пасть к ягуарам и крокодилам. Командующий же ничего не ответил. Пусть себе возвращаются, попытаются совершить невозможное. Им не миновать беды, даже если они пройдут через леса и болота, ибо по возвращении в Испанию их будет ждать суд военного трибунала.

Однако еще до наступления темноты те все же перешли реку и пошли обратно на север. В группе оказалось всего два всадника. Но каждому было понятно, что маломальский успех мятежной группы в этой стране на обратном пути во многом зависит именно от наличия кавалеристов.

Люди, оставшиеся с Кесадой, провожали печальными взглядами уходящих товарищей, но уже ничего не могли поделать.

О группе больше никто ничего не услышал.

Три дня спустя конкистадоры — их осталось около двухсот человек — добрались до границ лесных дебрей. Перед ними теперь расстилалась верхняя часть речной долины. Горячее дыхание тропиков осталось позади. Выбравшись наконец из жутких дебрей, люди опустились на колени, и монах пропел благодарственную молитву от всех переполненных благодарью сердец.

Попадавшиеся на пути деревни были пусты. Их жители, видимо, заранее кем-то предупрежденные, прятались среди горных круч. Однако налетов из засады на испанцев никто не совершал. Иногда завоеватели приближались к горным укреплениям, из которых туземцы сбрасывали вниз жертвенные подаяния, но совершенно не были склонны вступать в какие бы то ни было переговоры.

Ночью отряд ждало новое испытание. Содрогнулась и заколебалась земля. Лошади испуганно фыркали, дежурные с большим трудом сдерживали их. Монах молился во весь голос. Своеобразный бледный свет вспыхнул у горизонта. Это были не обычные далекие грозовые разряды, на которые уже давно никто не обращал внимание, это было что-то новое и тревожное. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра, людям казалось, что громовые раскаты слышатся в глубине земли. При каждом ударе скрипели деревья, вздрагивали окружающие скалы.

Утро застало испанцев за молитвами и пением псалмов. Чима стоял в стороне, наблюдая за происходящим без всякого сочувствия. Духи подземелья имеют, оказывается, власть над белыми людьми. Вот если бы они каждую ночь повторяли такие удары, завоеватели испугались и повернули бы обратно!

Придя в себя после землетрясения, конкистадоры опять потащились вверх по реке. Эта соляная дорога была зримо проложена многими поколениями и вела через осыпи, пески и участки глинистых образований, поднимаясь все выше и выше. Если бы не внезапные ливневые дожди, делавшие на целые часы дорогу совершенно непро-

ходимой, можно было бы вполне компенсировать многочисленные остановки прошлых месяцев.

По-прежнему изредка встречающиеся деревни были совершенно пусты. Однако путники, как правило, находили там пригодную пищу.

Наконец однажды удалось захватить одинокого индейского путника. Он нес довольно тяжелую ношу, поднимаясь вверх по склону, когда перед ним появились всадники. Он остановился, окаменев от страха. Его окружили и препроводили к Кесаде.

Высокогорная страна, в которой царствует Тисквесуса? Да, он знает эту страну. Он простер руку на юго-восток, указывая на горы. Оттуда идет соль, там на страже стоит столько воинов, сколько звезд на небе. Как найти туда дорогу? Белье люди должны идти по долине следующей реки, солоторговцы именно по ней спускаются сюда. Там их лодки и хижины лагеря.

Кесада приказал чем-нибудь одарить индейца и отпустить с миром. Индеец, удивленно и испуганно поклонившись, пустился без промедления наутек.

Отряд двинулся в указанном направлении. Вскоре испанцы наткнулись на бамбуковые хижины, возле которых была навалена соль. Около реки — перевернутые чампаны, но не было видно ни охраны, ни торговцев, ни рулевых. Очевидно, вождь Саквесакигуа созвал своих воинов домой. Следовательно, в горах конкистадоров ожидал очень «горячий» прием.

КУНДИНАМАРКА

Тени гор покрывали долину, туманы еще не сползли со склонов, а завоеватели уже готовились к походу в горы.

Дорога крутым серпантинком поднималась вверх. Скалистые утесы громоздились, чередуясь с каменными осыпями, глубоко внизу бурлила горная река. Лошади из последних сил преодолевали крутой подъем. Из-под копыт вырывались камни и с грохотом, подскакивая на уступах, летели вниз по склону, приводя в ужас пехотинцев, на одну-две петли дороги отстававших от всадников.

Через несколько часов утомительного подъема они добрались до первого гребня. На противоположной стороне высились вулканические конусы, закрывая горизонт.

Какие поразительные просторы, какая удивительная страна! Люди останавливались и с восхищением смотрели по сторонам. С перевала дорога привела в какую-то промежуточную долину, где бежал еще один горный поток. У поворота дороги стоял идол в два человеческих роста, аккуратно и чисто высеченный из какой-то горной породы, со сжатыми кулаками и оскаленными зубами. Командующий позволил солдатам потешиться и сбросить индейского божка со склона в пропасть. Монах же не преминул послать идолу напутственные проклятья. Совершив это богоугодное дело, отряд продолжил путь.

Кое-где на склонах, зацепившись за камни, рос кустарник. Окружающие скалы несколько сузили обзор, когда они обходили какой-то выступ.

И внезапно они оказались в окружении большой толпы индейских воинов, презируя смерть, бросившихся на испанцев. От неожиданности нападения некоторые солдаты пали под ударами острых, как ножи, каменных наконечников индейских дротиков, не успев выхватить мечи.

Каждый из конкистадоров защищался буквально в одиночку, ибо индейцев было так много, налет так неожидан, что невозможно было образовать сколько-нибудь стройную оборону. Положение было отчаянным. Кесаду со всех сторон окружили индейские воины. Он защищался мечом, не в силах поднять пику. Лошадь его, разъярившись, то и дело поднималась на дыбы, и, можно сказать, он защищался больше копытами, чем оружием. Несмотря на это, индейцы яростно наседали на него.

Монах, бледный и смертельно напуганный, стоял в самой середине дерущихся. Он выхватил подаренную ему Фернандо шпагу и, дрожа, ждал нападения. Однако возле него стоял Чима, держа правую руку над головой, что было, видимо, каким-то условным знаком, поскольку ни один индеец не пытался напасть на них.

Еще один из испанцев был извлечен от нападения. Для Фернандо путь был свободен на все четыре стороны, увидев его, воины противника просто опустили свое оружие. Что это значит? Неужели он отмечен каким-то условным знаком? Как он должен сражаться, если на него никто не нападет? Может ли он безнаказанно направить свою пику против туземных воинов? Но в то же время, как лейтенант, он не мог безучастно наблюдать, как товарищи дерутся не на жизнь, а на смерть с ожесточившимся врагом!

Он повернул своего коня и, храбро тараня нападавших, вызволил из беды командующего. Затем ему удалось вывести Романо из сплошного кольца коричневокожих воинов, помочь сбитым с ног испанцам подняться и включиться в сражение.

Справившись с первым ужасом, солдаты в который раз почувствовали превосходство своего оружия. Пехотинцы сплосились в тесное каре, под защитой его мушкетеры быстро зарядили ружья, пока кавалеристы яростно отражали нападение индейцев в некотором удалении от каре.

Залповый огонь из мушкетов и арбалетов ментально произвел ошеломляющее действие. Оружие белых извергло огонь и гром, убивая стоявших даже далеко от места сражения. Невероятные, похожие на сказки сообщения торговцев только подтвердились со всей полнотой ужасной действительности. Во власти чужаков были духи огня и дыма.

Тем не менее индейские воины организованно отступали, продолжая сражение. Наблюдался вполне упорядоченный выход из боя, и Кесада, оценив обстановку, решил, что индейцы после отхода вполне могут опять напасть на колонну.

Когда участники экспедиции, несколько придя в себя, перед вечером собрались у реки, их уже насчитывалось только около ста пятидесяти человек при восьмидесяти лошадях. И вот с такой смехотворной армией Кесада не оставлял намерения завоевать целое государство, в котором, может быть, не менее миллиона жителей и многие тысячи вооруженных воинов.

Да, он все еще не отказывался от своих намерений. Ночь прошла спокойно. Костры горели, не загухая, иногда ветер пронесся по долине, встряхивая тростниковые крыши.

Утром в обозримом пространстве индейцев не было видно. Но командующий приказал неукоснительно сохранять боевую готовность.

Начался крутой подъем на следующую горную гряду. Здесь, в горах, был очень здоровый климат с необычайно чистым воздухом и почти всегда ясным небосклоном. Правда, дорога стала труднее, извилистее и каменистее. Ливни последние дней остались позади, и людей мучила серо-бурая пыль, постоянно поднимаемая ветром. Кроме того, начала сказываться высота над уровнем моря, многие чувствовали приступы горной болезни.

Прежде чем достигнуть гребня следующей горной цепи, они опять подверглись нападению индейцев, затаившихся за скалами и кустарником и обрушивших на колонну град камней и стрел.

Кое-как отбившись от наседавших индейцев, они были вынуждены устроить ночной привал прямо на горном склоне. Была очень холодная ночь, неустанно дул ветер. Люди теснились возле костров, укладываясь вплотную друг к другу на каменистой земле. Над ними мерцали равнодушные, холодные звезды. Фернандо лежал с открытыми глазами, глядя на звездное небо. Угрожающе поднимался над горизонтом Орион, колоссальный воин, смотревший, как лейтенант, на горные вершины.

Чима появился внезапно, как тень.
— Это уже наше небо, — сказал он тихо. — Еще два дня, и ты, сеньор, будешь в моей стране. Это будут, наверно, тяжелые дни.

— Твой народ подготовит нам очень «теплую» встречу?
— Это еще не мой народ, сеньор, это наши соседи, горный народ, потребляющий нашу соль. Если ты увидишь войско Саквесакигуа, то тебе покажется, что море хлынуло в горы.

— Сколько же воинов в войске?
— Попробуй сосчитать звезды на небе, сеньор. Их тысячи тысяч, столько же воинов у народа муисков.
— Ну а что же все-таки Саквесакигуа? Он что, хочет нас всех уничтожить?

— Тебя нет, сеньор, и священника тоже. Он несет Божье слово, а у тебя в груди сердце муиска, обоим вам говорим: добро пожаловать!

— Ты слышал, как громоподобно разговаривает наше оружие? Никто не сможет ему противостоять.

— Наши воины думают, что такое оружие — колдовство. Но я ведь знаю, что им может владеть каждый, кто сумеет насыпать, куда надо, порох и вставить металлические пули. Я знаю также, что, когда сторает порох и вылетает пуля, оружие на какое-то время становится бесполезным. А воинов муисков так много, что белых людей просто задавят, как только они появятся.

Значит, все-таки борьба. О Господи, Боже мой! Я не хочу ни крови, ни смертей, думал про себя Фернандо, хотя и Чима, и индейские матери, видимо, к этому уже готовы. Я

хочу только, чтобы они обратились в истинную христианскую веру и чтобы знамя Кастилии развевалось над горами и дворами их страны.

Итак, значит, несмотря ни на что, будут кровь, борьба, смерть и уничтожение...

Фернандо смотрел на звезды и чувствовал, что он совершенно бессильен перед тем, что должно произойти.

Наконец авангардная группа достигла гребня очередного хребта. Фернандо и лейтенант Романо во главе группы продвигались вперед светлой небольшой рошцей на узком плато. Выехав из роши, они остановились, завороженные.

Перед ним в свете солнечных лучей расстилалась широкая долина, окруженная со всех сторон далекими горами. Повсюду, насколько хватал глаз, аккуратно нарезанные участки полей, среди которых островки перелесков, видимо, фруктовых садов. Здесь и там раскинулись деревни, а вдали какие-то обнесенные стенами поселения, похожие на города с дворцами и храмами.

Это была Кундинамарка, высокогорная страна, где живет кондор, — страна чибчей, родина Чимы, цель экспедиции!

Всадники в едином порыве соскочили с коней и в избытке благодарности судьбе упали на колени.

Лейтенант Романо, ахнув, показал вниз. Непосредственно у подножия хребта стояла необозримая масса людей, расчлененная на колонны и каре, голова к голове, молча, в тревожном ожидании.

Фернандо сразу все понял. Там внизу стояло войско чибчей, готовое защитить свою страну и остановить алчных завоевателей. Индейцев было тысячи и тысячи, грозная сила, которую невозможно победить с помощью горстки солдат, имея огнестрельное оружие и коней, наводящих ужас на аборигенов. И можно представить себе, что если эта масса людей двинется на пришельцев даже с пустыми руками, то кучка испанцев будет раздавлена босыми ногами воинов.

Конкистадоры молча смотрели вниз. Только теперь они ясно поняли, что их ждет внизу, в долине.

Кесада снял шлем и провел рукой по лбу. В голове копошились обрывки мыслей. Это был час, в подобный которому Кортес и Писарро сумели преодолеть противника и привести сопротивляющихся в полное повиновение.

Один раз это удалось в Мехико, второй — в Перу. Властитель чибчей был предупрежден! Он знал об опасности, он не придет приветствовать пришельцев и попать при этом в их лапы.

Стоявшие в немом ожидании у подножья хребта индейцы были одеты в рубахи и набедренные повязки, накидки на плечах и разноцветные головные уборы. Сверху можно было различить их оружие: копы и деревянные мечи с обсидаановыми острыми вставками по лезвию деревянного клинка. Кроме того, почти у каждого — дубина и какое-то метательное приспособление наподобие пращи.

Командующий вступался про себя. Этот индейский сброд сумел хорошо подготовиться, собрался все, что мог носить оружие. Ночью Кесада созвал на совет всех офицеров и вахмистров.

— Нам не нужно «ужасной ночи», мы должны быть хитры, как лисицы, и отважны, как орлы. В лагере мы сможем продержаться несколько дней, пока хватит провианта. Все зависит от того, насколько решительно будем действовать мы или наш противник.

Кесада напомнил, что этот главный образом земледельческий народ может легко собраться в огромное войско, однако их нельзя долго держать под ружьем, поскольку хозяйственные дела без рабочих рук очень быстро безнадежно расстроятся. Следовательно, очень важно склонить вождей чибчей к переговорам.

— Этот народ имеет, наверно, врагов, разгром которых им был бы очень по душе. Предложим им договор, согласно которому для подтверждения наших дружественных намерений мы будем воевать против их врагов. Тогда, возможно, они не направят своих воинов против нас.

— А если они нас надуют? — спросил Мануэль.

— У этого народа очень ценятся доверие и честность, — возразил Кесада с иронией. — Они лишены всякого дипломатического опыта, что показали все войны с туземцами. Их крепче свяжет простой удар по рукам, чем европейского короля тысячи клятв.

— Сеньор командующий, — спросил Фернандо озабоченно, — нельзя ли уточнить, каковы наши интересы в этой стране? Хотим ли мы просто обманом подчинить туземцев или хотим распространить святую веру и приобрести своему императору новых подданных?

— Они слишком убежденные язычники, — бросил реплику Мануэль, — и желают оставаться дьявольским отродьем...

— У меня в услужении еще с Санта-Марты индеец чибча, сеньоры. Он христианин, я его крестный отец, и в нем нет никакой ожесточенности и фальши, — возразил с горячностью Фернандо. — Я думаю, что воины, стоящие внизу наготове, боятся нашей военной силы. И они наверняка будут драться до последнего. Однако, если мы протянем им дружескую руку, они, возможно, откажутся от вооруженного сопротивления.

— Хорошо! — воскликнул Кесада. — Попробуем связать их договором.

— Но честным и благородным договором, сеньор командующий!

— Что это значит?

— Что это значит? — Фернандо оглядел сотоварищей. — Это значит, что при заключении договора мы не должны думать о его нарушении. Договор должен быть заключен честно и честно соблюдаться.

— Значит, мы не получим никакого вознаграждения за все, что нам пришлось пережить? — громко заметил Мануэль. — Здорово! Увидев Эльдорадо, отказаться от добычи? Никогда!

— Ты христианский солдат, Мануэль, разве нет?

— Я добрался до враждебной страны, и мне причитается добыча! Должен быть выкуп за все зло, которое нам причинили на пути сюда. Языческий вождь должен отдать нам все свои сокровища, чтобы я мог оставить своим детям больше, чем мой отец оставил мне.

— Но ведь если чибчи примут нашу христианскую веру, они станут твоими братьями, Мануэль!

— Мы сборщики дани для императора, — возразил командующий.

— И солдаты-наемники, — добавил громко Мануэль. — Мы должны сполна получить за проделанную работу. Мы должны иметь добычу! Это закон войны!

— Но мы теперь заключим мир с чибчами, и законы войны должны быть исключены, — сказал Фернандо упрямо. — Патер Корнелий, — мы христианские крестоносцы или нет?

— Христос сказал: пришел не с миром, но с мечом! — ответил доминиканец, покачав головой.

Наступило тревожное молчание.

— Хорошо, — раздраженно сказал Фернандо. — Я вижу, мне не удастся никого убедить, что в чужой дом лучше входить с добром, чем с топором. Решайте сами, я не скажу больше ни слова.

Этот взрыватель галеры оказался более осмотрителен, чем я думал, заметил про себя Кесада. Он ехал в Новый Свет с радужными идеалами, осуществление которых хотел бы увидеть теперь. Но он необходим. Следует именно ему поручить вести переговоры.

— Продолжим военный совет, — прервал наконец молчание командующий. — Абсолютно ясно: об открытом сражении не может быть и речи. Значит, нужно заключить с Эльдорадо договор, согласно которому мы выступим против их врагов, такой шаг поможет закрепить дружбу с чибчами. Лейтенант де Монфорте, вы доказали свою храбрость и осмотрительность, вы говорите на языке этого народа, по поводу чего многие совершенно напрасно посмеивались. В данный момент такие знания как нельзя полезны. Готовы ли вы, лейтенант, пойти в логово зверя, чтобы заключить с владыкой Эльдорадо договор?

— Если речь идет о честном договоре, я согласен!

— Само собой разумеется — только честный договор!

— А наша добыча? — вспыхнул Мануэль.

— Замолчите, вахмистр, — недовольно воскликнул Кесада. — Не суйтесь не в свое дело! Это не ваша работа! Тихо!

Загадочны мысли и действия этого часа. Неужели лейтенант оказался прав? Доминиканец из-под опущенных бровей наблюдал за командующим. Может быть, надо сказать слово Божье, проклиная меч?

— Итак, вы завтра с вашим слугой, а также двумя сопровождающими по вашему выбору поедете к чибчам и попытаетесь попасть на прием к кадику в качестве нашего посла, — заявил Кесада, обращаясь к Фернандо. — Думаю, вооружены вы будете только пистолетами и мечами. Попробуйте до заключения договора добиться перемирия, чтобы мы могли обеспечить себя провиантом. Идите приготовьтесь и договоритесь со своим слугой, лейтенант.

ПОСОЛЬСТВО

Когда из-за горизонта появились первые солнечные лучи, рельефно выделив на фоне неба грозные вершины Кордильер, долина, покрытая сплошной пеленой тумана, напоминала огромное горное озеро. Испанские солдаты

безмолвно и зачарованно смотрели из-за укреплений на это чудо. Страна, окруженная горами, представлялась сказочным садом.

Фернандо оседлал лошадь. Он уже сообщил Чиме о предстоящей миссии и предложил при первой возможности сказать солдатам ципы, чтобы они под каким-нибудь благовидным предлогом отправили Мануэля обратно. Вообще-то Фернандо довольно хладнокровно отнесся к тому, что командующий подсунил ему соглашение. В настоящей, требующей особой деликатности ситуации этот злобный грубиян мог окончательно испортить взаимоотношения с чибчами. Он может сорвать переговоры с ципой.

Кого же еще взять с собой, кто был бы полезен при заключении договора, кто помог бы убедить чибчей, что братство людей с различным цветом кожи вполне возможно? Для этой цели годился только один человек в отряде — патер Корнелий.

Доминиканец сначала даже испугался, когда Фернандо предложил ему принять участие в посольстве. Но Чима, стоя перед ним, поднял, улыбаясь, руку, как он это делал в последнем бою, защитив патера от разъяренных индейцев. Святой отец правильно понял этот жест и вынужден был согласиться.

Они немного подождали, пока рассеялся туман, и начали медленно спускаться вниз по галечной осыпи вчетвером. Фернандо и Мануэль верхом на лошадях, Чима и доминиканец пешком. Внизу так же, как и вчера, стояли голова к голове индейские воины — живая стена на границе цветущей страны.

Когда они подошли поближе, из строя индейцев вышел безоружный высокий воин и без страха направился навстречу. Приблизившись, он приложил руку к груди и поклонился.

— Миа ли-ки-ра? Вы пришли? — спросил он, улыбаясь.

— Чиа ли-ки. Мы пришли, — сказал Чима, выступив вперед и ответив на приветствие. — Эти белые люди — священные посланники. Только одного из них, того, что сидит верхом на большом звере позади меня, можете отослать прочь. У него сердце змеи.

— Пойдемте со мной к Саквесакигуа, — произнес индеец. В живой стене воинов тут же образовался узкий проход. Они вступили в него, словно в осушенный прогал среди вод библейского моря. Воины напряженно и с любопытством смотрели на них. Особенно их поразили лошади, ранее никогда не виденные.

Продвигаясь среди плотных рядов индейских воинов, посланцы Кесады воочию убедились, сколь многочисленным и грозным было войско ципы. И если не откажутся от намерения силой пройти вперед, то наверняка экспедиция будет полностью уничтожена.

Саквесакигуа, кадик Чиа, принял их в окружении военного совета и пошел, улыбаясь, навстречу.

— Белый человек, которого несет на себе зверь, будь моим гостем!

Фернандо соскочил с коня и пошел за индейским вождем. Мануэль следил за этим с неодобрением. Он хорошо знал, что индейцы боятся человека на коне, считая его сказочным сдвоенным существом. В этом страхе надо их и держать. Мануэль по-прежнему гордо сидел на коне, но с ним никто не разговаривал. В хижину военачальника были приглашены только Фернандо и Чима.

— Что это значит? — спросил раздраженно Мануэль доминиканца. — Эти дикари не знают никаких приличий! — Он направил своего коня ко входу в хижину, вытащил меч и положил блестящий клинок на колени, приняв вид свирепого часового. Монах, не знавший куда себя девать, поспатривал вокруг. В самом центре языческого войска его обуревали противоречивые чувства — расслабляющий страх и гордость мученика за веру.

Мануэль наводрил уши, но слышал только обрывки индейских слов. Его миссия оказалась сложнее, чем он представлял: ведь он не понимал ни одного индейского слова.

Фернандо сел напротив Саквесакигуа и прежде всего передал гостевой посольский подарок — сверкающий дамасский кинжал и полированное серебряное зеркало, которые тут же пошли по рукам присутствующих.

— Я пришел, чтобы предложить ципе договор, — сказал Фернандо. — Мы не хотим войти в вашу страну как враги. Мы предлагаем вам дружбу. И хотим использовать наше оружие только против врагов народа муисков. Разрешите нам поехать к вашему ципе, чтобы передать ему привет от нашего императора.

Саквесакигуа посмотрел на своих военачальников. Все они выглядели угрюмо и настороженно.

— А-цим суа фар нуку! — тихо проговорил один старый, причудливо раскрашенный воин. — Выпусти из него кишки!

— Це м-ни ука, — возразил Чима громко, — я его привел, это мой брат!

— И я несу мир! — добавил лейтенант.

— Ум-на бохоце а бги, — продолжал настаивать старый воин, — с твоим прибытием сюда мир этой страны умер. Поворачивайся и уходи!

— Он же посланник, — заметил Чима, — священная особа. Он защитил меня от жестокости своих братьев. Я его хорошо знаю и ручаюсь за него!

Старик свирепо посмотрел вокруг и склонил голову, видимо, будучи по рангу ниже племянника ципы.

После непродолжительного совещания было решено: белый парламентар может в сопровождении воинов следовать дальше, его будут охранять и оказывать почести, положенные послу. С ним должен пойти человек в коричневом шерстяном одеянии, и больше никто. Всадник, что остался снаружи, должен на своем звере возвращаться обратно к чужеземцам, оставшимся на горе.

Началось достопримечательное путешествие. Земли по сторонам дороги были хорошо обработаны, поля, наверно, несмотря на довольно прохладный климат высокогорья, давали богатый урожай картофеля и маиса, юкки, ананасов и дынь. Поселки были обнесены палисадами, из которых торчали высокие мачты с золотыми пластинками, похожими на маленькие флажки. Хижинки, построенные из глины, крыты маисовой соломой и с запорами на дверях. Хижинки родовых старейшин выделялись величиной и нарядным убранством. Обращали на себя внимание и добротные жилища знатных торговцев и воинов. Они располагались поближе к колодцам и были окружены красивыми лужайками. Главным источником дохода населения, видимо, было садоводство, поля небольшие, но содержались довольно аккуратно.

Фернандо получил эскорт в несколько сот отборных индейских воинов. Они маршировали легким, пружинящим шагом, с копьями на плечах, с решимостью на лицах. Они жевали коку, удивительно подкреплявшую силы индейцев.

Через некоторое время они могли разглядеть впереди укрепленный город, где, как сообщили гонцы, уже подготовились к встрече посольства. От города навстречу двигались многочисленные ряды воинов в пестрых одеяниях; их вел какой-то высокопоставленный вельможа. Воины посольского эскорта пошли медленнее и построились подобно идущим от города.

Первым остановился вельможа встречающей группы. Он приложил руку ко лбу и к груди, причем было видно, что его очень обескураживает вид всадника на коне. Поэтому Фернандо, спрыгнув с седла, сам подошел к нему поближе.

— Мие-ра? — спросил чибча. — Это ты послан к великому ципе?

— Нича-ги. Да, я, — ответил лейтенант.

— Твой дом подготовлен, — сказал предводитель встречающих. — Я послан, чтобы проводить тебя туда.

Итак, они в столице Эльдорадо, в резиденции ципы Тисквесусы. В городе по сторонам хорошо проторенных улиц — ровные ряды глиняных домов, крытых тростником, деревянными плитками или листами кованого металла, часто из золота и серебра. По обеим сторонам улицы любопытные кланялись и прижимали правую руку к груди.

У входа в большую хижину стояли воины. Сопровождающий ввел Фернандо, патера и Чиму в дом. Здесь все было подготовлено к торжественному приему. Большой зал украшен множеством цветов, в клетках с жердочки на жердочку прыгали разноцветные птицы, по залу лениво ходила прирученная пума, почесываясь иногда о деревянные, покрытые золотыми пластинками столбы. Служительницы и служители стояли молча вдоль стен и при появлении чужеземцев поклонились.

Всем прибывавшим предоставили отдельные помещения, даже конь Фернандо был с почтением препровожден на специальные циновки. Патер с неприязненным изумлением рассматривал большое помещение, стены, покрытые красивыми разноцветными плетеными украшениями из перьев. С замиранием сердца он думал, как донести ему до этих язычников мудрость Господа Бога, и молча воспринимал все окружающее.

Фернандо проснулся рано и, сложив руки под головой, долго рассматривал узорчатый потолок. Через дверной проем в помещение проникало достаточно света. Это было счастливое пробуждение. Он глубоко дышал свежим

воздухом горной страны. А потом прыжком вскочил на ноги, сбросив с себя хлопчатобумажное одеяло.

Сегодня!

Сегодня ждет его ципа, сегодня должен быть торжественный прием, перед ними раскроется сердце сказочного города.

Он оделся в какое-то легкое одеяние, лежавшее возле его ложа. Насколько удобнее было оно тяжелых доспехов, почти не снимая, носимых последние несколько месяцев! Длинная пестрая рубаха, набедренная повязка и шапка; все богато расшито переливающимися на свету узорами из разноцветных перышек.

Солнце только что вышло из-за гор, и в его лучах засверкало оперение птиц, с увлечением чистившихся и плававших, иногда ныряя за кормом. На каменном парапете пруда лениво разлеглась молодая ручная пума, двигая по временам ушами и блестя глазами, она безразлично взирала на благоденствие пернатых.

Оглянувшись, Фернандо заметил девушку, грациозно набиравшую из пруда воду в изящный легкий кувшин и неторопливо поливавшую растения. Она все делала с естественной грацией, относясь к этому не как к игре, а как к ответственной и серьезной работе.

Она была молода, изящна и очень привлекательна со своими иссиня-черными волосами, подхваченными пестрой лентой и золотыми украшениями в ушах и на шее. Испуганно пискнув и уронив кувшин, когда перед ней внезапно оказался Фернандо, она поклонилась, причем кровь бросилась ей в лицо, так как она невзначай нарушила обычай, помешав своим появлением гостю.

— Ма чиа. Ты подобна луне, девушка, — сказал приветливо Фернандо. — Ты служительница в этом доме?

— Ценга. Нет, — ответила она тихо, — это дом моего дяди. Извини, я пойду.

— Не уходи, — возразил он, — давай поговорим.

Она подняла голову, и он увидел, что девушка улыбалась. Какие глаза! Какие чудные волосы! Ему было приятно смотреть на эту юную язычницу, прелестного дикого котенка; ее девственные груди были подобны нераспустившимся розовым бутонам, а губы — волне морской. Задумавшись, она теревала свою лигвиру — мягкий и легкий платок, накинутый на шею.

— Белый человек, ты — высокий посланник чужой страны? — спросила она с некоторым лукавством.

— Да, милая девочка. Мне здесь предоставили жилье, и ты пришла сегодня, принесе первый привет.

Он увидел, как она вздрогнула и посмотрела на него. Однако она явно не рассердилась, она улыбалась.

— Ма муиска учо. Ты хороший человек, — сказала она, — наверняка ты пришел к нам не с бедой, хотя мы этого очень боимся.

— Я пришел как ваш друг, — ответил он, подходя к ней. Она была почти на голову меньше Фернандо и должна была, глядя на него, поднимать свое милое лицо. Какие глаза! Какие прекрасные очертания рта! Поистине он обещает сладость и блаженство.

— Прекрасная девушка, — пробормотал он, протягивая к ней руку, но она быстро поставила чашу, бросила на него дикий взгляд и убежала.

Незадолго до полудня пришел посланец от ципы и сообщил, что повелитель готов принять послов.

Идти было недалеко. Это было солидное сооружение с просторными залами и большим внутренним двором, заполненным празднично одетыми мужчинами и женщинами. Наконец перед дверью сопровождающие остановились.

Дверь открылась, и они попали в помещение, столь богато украшенное, что у испанцев захватило дух. Какие драгоценности развешаны по стенам! Какие сокровища! Золотые гирлянды со смарагдами непередаваемой красоты, великолепные чеканные изделия из золота, серебра и меди, диадемы, чаши, блюда и кубки, курительные приборы, цепочки и браслеты, ожерелья с коваными подвесками и сверкающими драгоценными камнями.

Бедный монах стоял в зале, онемев от изумления. Из-под опущенных век он внимательно все рассматривал, мысленно оценивая эти сверкающие сокровища. Ими должны владеть не язычники, а христиане! Они должны быть отправлены в Испанию, оплот христианства всего мира. В королевской оружейной палате в Толедо эти сокровища будут больше к месту — язычники драгоценности могут толкнуть на путь греха.

Но вот открылась еще одна дверь, и они услышали доносившийся откуда-то голос:

— Склоните головы, гости, ибо вы стоите перед властителем страны, великим ципой Тисквесусой!

Фернандо поднял голову. Бесстрашно перешагнул порог и вошел в тронный зал, освещавшийся сквозь большой проем в потолке. Ципа сидел на возвышении, одетый в длинное одеяние, почти сплошь покрытое золотыми нагрудными пластинами и с украшениями в ушах, в носу и губах. В руках он держал скипетр из пальмового дерева. В глазах его светился ум.

Фернандо охватил все одним взглядом и, приблизившись на три шага к индейскому владыке, приложил, как принято в этой стране, к своему лбу и груди руку и поклонился. Монах гордо молчал, сжимая в руках Библию и простой медный крест.

По рядам охраны и приближенных прошестел шепот. Чужие посмотрели в лицо ципе и остались живы! Знают, чужеземцы имеют какую-то магическую силу, не слабее силы ципы.

— Муиска-ата цкихицин. Я приветствую вас, белые люди, — сказал Тисквесуса, удивленно глядя на испанцев. Он впервые воочию видел белых людей.

— Я принес тебе, великий ципа, привет от императора христиан, живущего далеко за морем, — торжественно произнес Фернандо.

Тисквесуса кивнул, и двое из охраны поставили перед ципой две короткие скамейки. Фернандо и брат Корнелий сели.

— Ато-ксие? — спросил повелитель. — Кто этот человек, одетый в длинную одежду?

— Это священник, — объяснил Фернандо, — он пришел, чтобы рассказать тебе о Боге христиан.

— Ипкуа м-цкики? — спросил Тисквесуса. — А чего хочешь ты?

— Я хочу, великий ципа, предложить тебе договор. Мы пришли не как твои враги, а как твои друзья. Мы прибыли во имя Господа Бога, чтобы разъяснить вам слово Божье и во имя нашего короля и императора предложить тебе свою дружбу и защиту своим оружием.

— Белые люди много говорят, — сказал Тисквесуса ровным голосом, не дрогнув ни одним мускулом. — Я знаю испанцев. Мои люди ходили за горы и болота и сообщали, что происходит на свете. Мне известно, что многие наши племена побеждены и покорены испанцами. Я знаю, у испанцев есть оружие, поражающее громом и молнией. Но я ведаю также и о том, что белые люди, несмотря на свою мощь, смертны, как и мы.

— Великий ципа, мы прибыли не как враги, — повторил Фернандо. — Мы не хотим кровопролития, если вы этого тоже не хотите. Мы протягиваем тебе руку и направим огонь своего оружия против твоих врагов. Отнесись к нам по-доброму!

Тисквесуса молчал, размышляя. Предложение помогать в борьбе против врагов ему представлялось вполне приемлемым. Если белые люди будут бороться с племенами мудо и панчев, они будут терять силы. Он посмотрел на посланцев. Чужеземцы ему понравились. Ципе уже рассказывали, что этот белый человек в доспехах защитил своего спутника Чиму от подозрений в предательстве и других бед, а главное, он изучал язык чибчей. С таким человеком можно иметь дело. Надо попросить его побыть здесь несколько дней, чтобы показать ему силу государства чибчей, его культуру и богатства.

— Я принял с удовольствием твои подарки, — продолжал наконец Тисквесуса. — Однако я должен обдумать твои предложения. Ты получишь ответ не позднее, чем через пять дней.

— Я благодарю тебя, великий ципа.

— А почему тот, другой, священнослужитель, молчит?

— Он не знает языка муиска.

— А что у него в руках?

— Символ и слово нашего Бога.

— Слово, которое можно держать в руке? — сказал Тисквесуса и в первый раз забыл сохранить строгое выражение лица. — Разве слово вашего Бога — это ящик, который он держит в руке?

Фернандо, взяв у монаха Библию, протянул ее чибче. Тот открыл ее, пощупал пергамент, долго рассматривал буквы и цветные заглавные виньетки красных строк, подносил к уху книгу, прислушиваясь, и наконец отдал ее Фернандо.

— Она не сказала мне ничего, — произнес он с некоторым недоумением. — Что от нее толку, если она остается немой?

— Она может только моими устами говорить с тобой, — старался защитить книгу лейтенант. — Белые люди могут рисовать свои мысли и слова на пергаменте, чтобы каждый, кто умеет разгадывать их, мог узнать смысл слов и содержание мыслей.

Ципа покачал головой. Он никак не мог понять, какая от всего этого польза. Он сделал знак своим телохранителям.

— Белые люди будут обедать со мной, — сказал он. Тут же появился паланкин, в который взошел ципа, и носильщики быстро унесли его из зала.

В саду Фернандо и брата Корнелия встретила свита вельмож. Они вежливо посторонились, освобождая место для гостей. Уже распространилась весть, что ципа беседовал с пришельцами лицом к лицу. Такого еще никогда не было ни с самыми значительными вельможами, ни со жрецами, ни с посланниками.

Неожиданно появился из крытой плетеными растениями галереи Чима, улыбающийся, как ясное солнце, всходящее над горизонтом.

— Там стоит та, о которой я тебе рассказывал, — проговорил он, — Аита, девушка, которой принадлежит мое сердце.

Фернандо сразу стало жарко. Эти глаза он знал — это была девушка, поливавшая утром цветы водой из пруда.

— Аита, — произнес тихо Фернандо, и опять это короткое имя показалось ему волшебной музыкой. Так вот она какая, «с губами, как морская волна», юная, стройная индейка, покорившая сердце лейтенанта. И надо же случиться, что Чима выбрал именно ее из всех девушек своего народа, Чима, друг и брат в тяжеле и счастливые дни...

Во время трапезы ципа сидел скрытый от взоров за ширмой. Вельможи, не смущаясь этим, вкушая яства, вели разговоры с невидимым повелителем. Женщины и девушки ближайшего окружения ципы обслуживали гостей. Аита подавала Фернандо, она как раз принесла очередное блюдо — земляные груши и сушеный мед. Он поблагодарил ее взглядом. Возле лейтенанта на почетном месте сидела первая жена ципы, Вайя, хозяйка дома. Она, похоже, получила хорошее воспитание. Ее высказывания, тонкие и уместные, вызвали всеобщее понимание. Она спрашивала лейтенанта об обычаях и нравах людей в далекой Испании, просила рассказать, что белые люди употребляют в пищу, интересовалась плодами, растениями в Испании, тем, как одеваются мужчины и женщины, как работают и отдыхают. Фернандо, насколько мог, старался удовлетворить ее любознательность.

Вайя поинтересовалась, не князь ли он на своей родине. «Боже мой, кто я на своей родине? Беглый студент, отверженный, тот, кого ноги кормят, авантюрист», — подумал про себя Фернандо. Но через мгновение он сказал:

— Я начальник кавалерийского отряда, меня называют лейтенантом.

Она внимательно на него посмотрела.

— Значит, ты тот, кто управляет этими большими животными? — спросила она с нескрываемым изумлением. — Тогда я понимаю, почему вы можете, не дрожа от страха, смотреть в лицо нашему ципе. У меня большая просьба: сегодня мы торжественно отмечаем закат солнца, приходи со своим животным и покажи нам, как ты на нем едешь.

— А вы не испугаетесь?

— Но ты же будешь следить, чтобы с нами ничего не случилось, не так ли?

— Хорошо, я приду, — сказал Фернандо, — а ты проси повелителя, чтобы он даровал нам свою дружбу.

— Договорились. Так и должно быть, повелитель животных.

Так лейтенант получил еще один титул.

После обеда посланцы пошли осматривать город.

Чима показал белым все, что они хотели посмотреть: мастерские художников, гончаров и мастеров украшений из перьев, рынок, где продавались различные товары, раскупавшиеся жителями других районов страны, — золото, фрукты, рыбу, перья, шкуры зверей, мед, — и многое другое.

— Разве после увиденного вы сможете утверждать, что они дикари? — спрашивал Фернандо монаха.

— Но они язычники, — возразил угрюмо брат Корнелий. — Я не вижу ни одной церкви в этом городе. Однако они у них обязательно будут — с башнями, колоколами и святыми алтарями, чтобы ересь и грехи были изжиты повсюду.

— Конечно, падре, это будет, но это должно произойти без войны, по-доброму...

— По-доброму? Брат Фернандо, что за путь ты выбираешь? Ты думаешь, что языческий князь откроет свое сердце словам всевышнего? Ты разве не видел, как невнимательно этот языческий вождь рассматривал святое писание?

— Он сказал: «Она не говорит мне ничего». И это понятно, падре, он же не знает об умении писать и читать.

— Увидим, как он отнесется к живому слову Бога, и будет ли он от этого проклят или спасен. И если он не примет святого крещения, мы отряхнем прах с наших ног и уйдем. Но потом придем опять, покарать их огнем и мечом.

— Посмотри на эти прекрасные сады...

— Они будут растоптаны!

— Дворцы...

— Они будут преданы огню!

— Брат Корнелий, во имя Господа Бога, будь милосердным к нищим духом! Они живут по воле всевышнего и его законам, не зная этого. Они почитают плодородие, солнце и луну, свет которых их восхищает и пугает. Разве ты хочешь осудить их на вечные муки, прежде чем они научатся понимать?

— Я молюсь день и ночь за них. Но я молюсь и за тебя, брат Фернандо. Я постоянно молчал в эти дни, и дальше буду молчать, но мои глаза открыты, и уши тоже начеку.

Чима шел рядом с ними, опустив голову. Он разобрал не все из этого напряженного разговора, но прекрасно понял его смысл. Неужели священнику не по нраву прилежные работники, улыбающиеся женщины, веселые дети на улицах? Что на земле может вызвать улыбку и доброе слово у этого священника? Может быть, его разбудит сегодняшний праздник?

— Сегодня вечером в вашу честь будет праздник, ваше преподобие, — сказал Чима по-испански.

— От этого праздника я буду держаться подальше, сын мой, — ответил доминиканец мрачно, — и, если ты хороший христианин, ты тоже туда не должен идти. Эти праздники — порождение темных сил сатаны, они отвращают людей от святого пути.

— Мы не должны отсутствовать, чтобы не обидеть ципу, — сказал Фернандо.

— Ты можешь участвовать, брат Фернандо, но все-таки не забывай, что облечен полномочиями императора и находишься под покровительством креста.

— Я помню об этом, брат Корнелий.

— Я хочу сегодня в черном облечь свои дела и поступки, — проговорил доминиканец, — и ты, сын мой Чима, поделись со мной мои молитвы. Будь стойким и окажи сопротивление соблазнам этого праздника. Ты же христианин, ты первый из твоих братьев получишь доступ в небесное царство.

Чима молчал. Не принять участие в празднике? Почему же? Здесь монах не имеет над ним власти, ведь Чима — представитель высшей знати-уацке. Учение белого Бога... Оно осталось ему чуждым, несмотря на крещение и торжественный обет.

Но он еще не освобожден ципой от службы испанцам, Чиме надо возвратиться с белыми в лагерь, как только состоится заключение договора. И остаться тайным осведомителем в стране чужезмцев. Чима заставил себя согласиться с желанием священника.

— Я слушаюсь, ваше преподобие, — сказал он, хотя все его помыслы были на празднике.

АЙТА

Все началось с вступления барабанов. Через сады доносилась ритмическая дробь. Эти звуки поневоле заставляли быстрее пульсировать кровь, а ноги сами просились в пляс. Однако коричневокожие женщины и мужчины стояли в ожидании на галереях и подходах к залу. Они попили чичу и пульке, покуривали зуагуай (табак), ели маисовые лепешки и фрукты, шепчась и поглядывая на взнузданную лошадь Фернандо, беспокойно стоявшую на садовой дорожке.

Наконец появился паланкин с ципой. Вельможи и свита сразу задвигались, когда повелитель вышел из паланкина и уселся в своей ложе, завешенной красивой драпировкой так, чтобы он хорошо мог видеть происходящее на большом дворцовом дворе.

Загremели барабаны. Фернандо вскочил на коня. Он был одет в одежду чибчей, еще с утра очень понравившуюся ему. Теперь он отличался от окружающих только цветом кожи, но вечерний сумрак старался устранить и это различие.

Люди затаили дыхание. Всадник возвышался перед ними как статуя и, успокаивая лошадь, ласково похлопывал ее по шее. Она отвечала тихим ржанием.

Фернандо пустил коня короткой рысью и перед ложей повелителя чибчей, подняв руку, приветствовал его. Потом он поднял коня на дыбы. Конь, перебирая передними ногами в воздухе, повернулся на задних ногах и встал на все четыре. Фернандо повторил этот впечатляющий номер несколько раз. Чибчи испуганно и с удивлением следили за представлением, барабаны гулко гремели, а удары копыт отдавались диким стаккато. Все зрители единым вздохом перевали дыхание.

Лошадь, переступая с ноги на ногу, стояла на месте, прядая ушами и блестя глазами. Следующим был дикий галоп, наступающая атака на сердца коричневокожих зрителей. Копыта забрасывали песок на галерею, где участники праздника зачарованно наблюдали за вольтижировкой Фернандо, как за чудом небесных сил.

Потом случилось совсем невероятное. Проезжая мимо ложи ципы, Фернандо вдруг остановился, соскочил коня и приветствовал повелителя страны, на мгновение отдернувшего занавеску, чтобы на глазах всего народа показать чужеземцу свое лицо еще раз. И, о чудо! Ни с всадником, ни с конем ничего не случилось.

Потом начались танцы. Напротив ложи ципы образовалось девять рядов танцующих, державшихся за пояс впереди стоящего. Сближаясь мелкими легкими шагами, они образовали девять кругов, которые вскоре распались, образовав длинную переплетавшуюся змейку, по сигналу тоже рассыпавшуюся на девять рядов самозабвенно танцующих индейцев.

По сопровождавшим танец выкрикам и жестам Фернандо сообразил, что девять кругов символизируют, видимо, девять племен, входящих в государство чибчей. Фернандо уже на память знал названия всех этих девяти племен, о которых Чима довольно часто рассказывал: сачика, тиньяка, чипата, сабойя, ирака, тунья, мусквета, гуатабита и чиа.

Танец единения закончился выступлением воинов с танцем-заклинанием победы, оружие воинов в постоянном движении перекрещивалось так, что зрители имели основание беспокоиться о безопасности танцоров.

Однако каждое движение отличалось отточенностью и соразмерностью.

Потом на площадке двора появились украшенные цветами девушки. Они с легкостью и изяществом закружились на площадке, плавно перебирая руками, как бы заклиная кого-то. Этот танец символизировал плодородие, любовь и жизнь.

И тут Фернандо увидел знакомые глаза. Перед ним танцевала Аита. Она, не отрываясь, смотрела на него, танцая перед ним и для него, как бы очаровывая его и приглашая к танцу, ее темные глаза горели.

Забыв все на свете, лейтенант бросился в толпу танцующих. Никто даже не обратил на него внимания. Он был захвачен доворотом, барабаны грохотали, чибчи самозабвенно пели и танцевали, и он пел и танцевал вместе с ними. Перед ним кружилась девушка. Ее глаза, рот, ее стройное тело заставляли пламенеть сердце Фернандо. Он был заворожен ритмом танца и, самое поразительное, интуитивно угадывал связь незнакомых дотоле движений.

А в своей ложе, довольно улыбаясь, восседал ципа Тисквеса.

Фернандо, прислонившись к дереву, с удовольствием вдыхал прохладный горный воздух, упиваясь им. Счаст-

ливые часы! Внезапно перед ним в этом ночном экзотическом саду появилась Аита, бронзовокожая, красивая, с горящими дикими глазами.

Он заговорил с ней. Его сердце было переполнено ею, а уста не могли достаточно полно выразить все чувства. Он искал нужные слова и образы, переводя их мысленно на язык чибчей, чтобы открыть свою душу. И чувствовал, как еще плохо и мало знает язык народа Эльдорадо.

Она же доверчиво смотрела в глаза белому человеку и не скрывала искреннего расположения. Ее очи были бездонны и темны, губы подобны изгибам морской волны, а иссиня-черные волосы покрывали плечи, как плащ паричи ночи.

Звезды мерцали над ними в безбрежном и бездонном небе.

У Фернандо захватило дух, сердце бурно колотилось в груди. Он осторожно погладил ее по волосам. Она не оттолкнула его руку. Он взглянул на нее и тихо сказал:

— Около нас стоит вездесущий Бог и дарит нам эту счастливую ночь!

Она улыбнулась, ничего не ответив. Их объяло какое-то волшебное чувство, ищущее выхода из сердец.

Фернандо наклонился и нежно поцеловал ее. Аита испугалась, застыв от неожиданности, ибо этот способ общения влюбленных чибчи совсем не знали, так же как его не знали в то время жители Перу и Мексики.

Над Кордильерами поднималась круглая луна — Чиа, любимая богиня ночи. Она с улыбкой смотрела на затерянную счастливую долину народа чибча, заглядывая во все уголки сада, во все закоулки дворца, — везде радовалась жизни, пели, танцевали и любили люди рода человеческого. А барабаны продолжали далеко разносить свои неистовые волнующие ритмы.

На следующий день они опять стояли перед Тисквесусой, и монах с необычной собранностью и красноречием проповедовал слово Божье, а Фернандо переводил слова этого ревностного миссионера.

Тисквесуса слушал заклинания патера с совершенно непроницаемым выражением лица. Поодаль сидели два советника ципы с исключительной памятью, которые, запомнив слова чужого жреца, должны будут повторять их своему повелителю так часто, как будет нужно. Монах говорил с увлечением, почти яростно, но не чувствовал никакого отклика. Наконец, видимо, решив больше себя не утруждать, он закончил с угрозой:

— Но кто не захочет услышать слово Божье, того постигнет возмездие. Его поразит молния, как сжигает она в лесу непокорное могучее дерево, не склоняющееся перед грозным ураганом! Пусть «великий индейский князь» определит свое отношение к подлинной вере.

Но «князь» не хотел ничего понимать. Он только приветливо кивнул, поблагодарил чужого жреца за его старания, обещал все обдумать и о своем решении известить посольство. Монах и Фернандо получили в подарок по золотому увесистому кубку и были препровождены в свои покои.

Придя к себе, доминиканец закинул свой кубок в угол и развалился дикими проклятиями. Фернандо, однако, не разделял его необоснованных претензий, и он очень сожалел, что монаха вообще включили в посольство.

Двумя днями позднее Чима наконец сумел несколько отвлечься от своих тяжелых и сложных обязанностей. И во время вечерних посиделок по индейскому обычаю присел рядом с Аитой, которой готов был отдать свое сердце. Но девушка сразу встала и отошла в сторонку. Да, он слышном долго отсутствовал. Итак, похоже, ее сердце принадлежит другому. Наверно, тому, кто сидел с ней рядом, пока Чима был вынужден находиться в стане белых пришельцев.

Чима скрывал свою печаль даже от Фернандо. Он безмолвно переживал свою сердечную боль, пока однажды утром не увидел у пруда Аиту с другим, и этим другим оказался Фернандо.

В детстве и отрочестве Чима получил очень серьезное воспитание в храме Суамокс. Он хорошо научился скрывать свои чувства и переживания, что должен уметь делать каждый предводитель-удакве и тем более принц. Но теперь он остановился как вкопанный. К своему безграмотному удивлению, он заметил, что девушка относится к Фернандо с особой нежностью. Они что-то говорили друг другу, и вдруг... она погладила его по щеке, а он в ответ улыбнулся.

Фернандо вздрогнул, увидев глаза Чимы. И понял, как

больно обидел Чиму. Наверное, надо попытаться объяснить, однако Чиме вряд ли от этого будет легче. Он повернулся и, кивнув на прощание Аите, пошел в свою резиденцию, где его уже ждался монах.

Земля тихо дрожала. Под поскрипывающими балками потолка стоял на коленях лейтенант Фернандо перед братом Корнелием и исповедовался в своих грехах за прошлый день. Да, он согрешил, он соблазнился барабанными призывами, дьявольскими танцами и был опьянен ядом праздника. Он отбил — и это самое ужасное его преступление — у своего коричневого друга, христианина Чимы, его девушку. Он полюбил язычницу, он полностью в ее власти. Но это еще не все. Он не только не раскаивается в этом, он счастлив. Где же выход из этого лабиринта? Сможет ли падре дать добрый совет?

Монах стоял строгий и мрачный. Он молчал, когда лейтенант страстно перечислял свои прегрешения, молчал, пока безмолвие не стало непереносимым.

— Ты наделал много ошибок, — сказал он наконец. — И должен искупить свою вину!

— И это я тоже знаю. Я хочу раскаяться от всего сердца. Но разве это чему-нибудь поможет?

— Избегай встреч с язычницей! Не потакай соблазнам!

— Нет, — сказал Фернандо, поднимая лицо от земли. — Требуй от меня чего хочешь, падре, прикажи молиться и смиряться, требуй жертв и самобичевания, но не отрывай меня от Аиты.

— Как, ты не раскаиваешься?

— Разве в писании не сказано: «... и Он создал людей, мужчину и женщину, которые были связаны друг с другом»?

— Не тебе толковать писание! Ты виноват перед Богом, приняв участие в святотатственном празднике. Ты будешь проклят церковью без пощады!

— Я это знаю, падре.

— Ты будешь поститься.

— Да.

— Ты завещаешь половину твоей собственной добычи святому Фердинанду, твоему покровителю.

— Да.

— Ты обратишь девушку, из-за которой согрешил, в христианскую веру. Она должна принять святое крещение.

— Да, падре.

— Ну а теперь подготовься к разговору с ципой, который ждет нас сегодня. Он должен на этот раз принять решение!

Фернандо шел и лихорадочно думал о только что происшедшем. Стоило ли мне исповедоваться, спрашивал он себя. Мне после вовсе не стало легче. Соблюдать пост для меня не трудно. Обратит Аиту в нашу веру мне будет легко, она с радостью сделает все, о чем я ее попрошу. Но почему же так тяжко у меня на душе?

Я невольно стал противником Чимы! Однако монах об этом не сказал ни единого слова! А ведь это заноза, сидящая в моей душе. Чима, наверно, больше не придет. Он ушел от меня от обиды и огорчения. Где теперь моя душа найдет поводыря?

Я могу прорубать сквозь дедри дикого леса дорогу, день за днем в поте лица зарабатывая свой хлеб насущный, а потом спать тяжелым сном. Но кто бы смог забыть все, что со мной случилось?

Когда пришел посланец ципы, Фернандо еще не успел переодеться.

Тисквесуса встретил их, сидя за ширмой в окружении советников. Он обдумал все до мельчайших деталей, и теперь говорил медленно, подчеркивая каждый нюанс, чтобы посланники могли понять его правильно:

— Я приветствую белого повелителя, царствующего за морем, и благодарю его за подарки. Я посылаю ему десять носильщиков с ценностями нашей страны как ответный подарок. На предложение вашего полководца о мире и дружбе я посылаю тысячу воинов, что проведут вас в страну панчей, наших вечных врагов. Они опасные разбойники, отличающиеся грубостью, дикостью и невежеством. Они имеют обычай съедать сердце поверженного врага, чтобы обрести его силу. Они нападают на мою страну, опустошают поля, разрушают города и поселки, убивают мирных жителей и разграбляют их имущество. Белые люди победами над нашими врагами должны подтвердить свою дружбу.

— Я хочу спросить, великий ципа, посоветовался ли ты со своими советниками о новой вере, которую мы вам при-

несли? — спросил Фернандо, угадав мысли монаха, который как раз хотел выяснит этот вопрос.

Тисквесуса долго молчал и наконец сказал:

— Мы видим свет солнца и луны, мы чувствуем, что свет и тепло приносят плодородие нашим полям.

— Бог стоит над солнцем и луной и направляет их движение. Ты же, повелитель чибчей, хорошо знаешь, что индейцы почитают и уважают вождей своих племен, которые ими управляют. Однако ты стоишь выше их, являешься их ципой и пользуешься большим почитанием и уважением.

— Твоя речь умна, — возразил ципа. — Я направил посланца в Суамокс, в главный храм нашей страны, чтобы жрецы смогли основательно познакомиться со словами вашего Бога. Я должен дождаться их ответа, поскольку я господин только над страной, но не над храмами.

Монах был очень недоволен, когда Фернандо перевел ему эти слова.

— Нам с этими дьявольскими жрецами не о чем разговаривать, — прохрипел он. — Ну ладно, заключим с язычниками договор, но, если они не примут нашей веры, на их головы падет страшное проклятие!

После этого договор о мире и взаимопомощи между конкистадорами и народом чибча был заключен. Вопрос о вере на неопределенное время отложен. Обе стороны громко повторили несколько раз основные положения договора, чтобы крепче запечатлеть его в памяти. Фернандо все записал на пергаменте. Затем присутствующие подкрепили заключение договора, несколько раз прикоснувшись к ладоням друг друга, что означало скрепление договора, который должен теперь свято соблюдаться.

Фернандо безоговорочно поверил в этот договор, связавший не только повелителей испанцев и чибчей, но и его с Аитой. Сегодня он видел ее последний раз перед долгой разлукой. Завтра он должен уехать обратно в лагерь, чтобы начать военный поход против панчей.

Аита была окрещена, когда солнце скрылось за горами. Она дрожала под рукой священника, однако ни на мгновение не усомнилась в необходимости принятия веры белых. Она была готова сделать все, что потребует Фернандо.

Потом они сидели на скамье возле пруда. Пума, мурлыча, лежала у их ног. С гор уже веял осенний ветер, в густеющем сумраке медленно пропадали силуэты окружающих вершин, в небе стали зажигаться звезды.

Они были еще вместе, но говорили об отъезде, о разлуке и надеждах; девушка с замиранием сердца слушала его слова: «Я приду опять».

Он вернется, думала Аита. Я дам ему все, что только смогу. Кроме того, я буду ежедневно повторять тайный любовный наговор, который девушка народа чибчей заучивает со слов своей матери. Он вернется! Он не захочет возвращаться за море, он обязательно вернется!

И она обняла его со всей страстностью молодой природы. Ветер затих в саду, как будто тоже улегся спать. Только из помещения, где жил монах, раздавался шум беспокойных шагов.

А утром пришел Чима и без единого слова приступил к исполнению своих обязанностей. У него было сосредоточенное посуровевшее лицо, но работал он спокойно и со знанием дела, как прежде. Фернандо не поверил своим глазам, когда проснулся.

Фернандо молча смотрел на него, но индеец не обращал внимания. Наконец Фернандо все-таки заговорил. Он встал, взял чибчу за руку и тихо произнес:

— Прости меня!

— Конечно, — ответил Чима.

Лейтенант, удивившись, продолжал:

— Ты пришел, я очень доволен этим. Я хорошо понимаю твою обиду и огорчение, Чима. Во всем, что случилось, моя вина. Но пойми меня, — я не мог поступить иначе!

— Я знаю, — проговорил индеец, заполняя седельные сумки господина разными нужными в походе вещами.

— Что же теперь будет?!

— Я иду с тобой, сеньор, я же твой слуга.

— Мой слуга, мой слуга. Мы же были друзьями, братьями, а теперь... Послушай, Чима, я не могу иначе, я люблю Аиту и она любит меня.

— Зачем ты говоришь об Аите? — спросил индеец мягко. — Я же никаких прав на нее не имею. Я ее давно знаю и желал, чтобы у нее все было хорошо, и ее глаза не стали источниками слез. Больше мне ничего не надо.

— Чима!

Индеец молча отвернулся. Его молчание было для Фернандо хуже всех упреков и громких укоров.

Эскорт ожидал у дверей, чтобы проводить посольство до границ страны. Предводителем оказался пышно раз-

одетый высокий чибча. Его звали Фагуакундур, он был одним из сыновей ципы и начальником индейского отряда в тысячу воинов, должный вместе с испанцами выступить против панчей. Лейтенант сразу заметил, что этот индейский воин — уцакве, видимо, очень любит пофрантить. Его одежда, оружие и снаряжение были богато украшены драгоценностями и разными вышивками.

На дворе нетерпеливо бил копытами конь. Но Фернандо направился сначала к пруду в надежде увидеть девушку и услышать от нее слова прощальной приветствия. Однако ее нигде не было. И пума тоже исчезла.

Он выехал со двора на улицу, где уже толпилось множество любопытных. Воины с копьями на плече маршировали со строгим выражением на лицах к выходу из города. За ними и посольство двинулось в путь.

На крыше одного из дворцов стояла Аита. Она следила за колонной, пока та не исчезла в тучах пыли. Аита пела своему белому воину прощальную песню, печальную и радостную одновременно:

— О мой любимый, твои губы несут блаженство, твои глаза как кристаллы, твои волосы подобны травам горных лугов. Я приветствую тебя!

Но лейтенант уже ничего не слышал. Он был опять кавалеристом, как прежде.

СМАРАГДЫ, ЗОЛОТО И КОРИЧНЕВОКОЖИЕ ДЕВУШКИ

В лагере Кесады царило напряженное ожидание. Чибчи, охранявшие границу, полностью исключали контакты с испанцами, а в горах было очень мало дичи, и в лагере ощущался недостаток провианта. Саквесакигуа отдал строжайший приказ не пускать никого из белых на равнину. Это обстоятельство очень беспокоило Кесаду, тем более что от посланников уже несколько дней не было ни слуху ни духу.

С прибытием посольства все проблемы разрешились. Посланники вернулись, и с ними прибыла тысяча индейских воинов с сыном ципы Фагуакундуром во главе. После рассказывали много удивительного о городах чибчей, а монах с осуждением поведал о пирах с возлияниями, возбуждая тем самым жадность и похотливость солдат, которым уже изрядно надоело жалкое лагерное житье.

С большим оживлением они слушали о сокровищах повелителя чибчей. Зримые доказательства существования представили десять носильщиков. При взгляде на подарки у конкистадоров засверкали глаза и захватило дух!

Золото!

Эльдорадо бросило им небрежным жестом подачку из своих неисчислимых богатств, как благородный идалго бросает полреала попрошайке. Однако они выразили и готовность к сотрудничеству, прислав тысячу воинов во главе с сыном самого ципы. Ну что же, при случае можно использовать его в качестве ценного заложника, хотя его послали, несомненно, следить за действиями и передвижениями белокожих воинов.

И если индейский воститель действовал как хитрый лис, то Кесада был готов поступать как алчный шакал. К черту сентиментальность лейтенанта, старавшегося заключить честный договор, к черту славящие тонкости бескровного покорения! Предстоящая стычка с панчами должна стать отвлекающим маневром в преддверии решающих действий.

Кесада приказал на следующий день выступать. Воины Фагуакундура быстро шли впереди по самому краю плоскогорья, за ними следовали испанцы.

Фернандо ехал на коне, задумавшись о совсем недавнем. Из-под копыт поднималась пыль, вершины Кордильер сверкали в лучах солнца вечными снегами, а Фернандо мысленно возвращался к своей любимой. Сколько же дней продлится разлука, когда каждый из них кажется годом! Суровые испытания ждут в военном походе, но мысленно я с тобой и целую тебя.

Настроение конкистадоров было совершенно иным. Они насмехались над коричневокожими воинами, с серьезной, напряженной сосредоточенностью идущими впереди. Испанцы с издевкой оценивали деревянные мечи и копья с каменными наконечниками. Один остряк бросил на ходу: «Чибчи, чибчи, чешите пятки шибче». Солдаты повторяли эту нелепицу, покатываясь от смеха.

Кесада уделял принцу чибчей много внимания. Командующий заметил его неприкрытое тщеславие. В тот же вечер разговор зашел о наследнике престола страны чибчей. К большому удивлению испанцев, выяснилось, что Фагу-

акундур никогда не будет повелителем страны, хотя он и родной сын великого ципы.

— У нас титул наследуется по линии матери, — сказал индеец. — Поэтому новым ципой после смерти отца будет Саквесакигуа, мать которого — сестра моего отца.

— А тебе не хотелось бы стать ципой вместо двоюродного брата? — спросил не без умысла Кесада.

— Кто же этого не хочет; но этого не может быть, — улыбаясь, покачал головой Фагуакундур.

— У испанцев титул и должность переходят от отца к сыну. По нашим законам ты должен стать законным наследником престола.

Чибча настороженно смотрел на командующего. Было видно, что он напряженно размышляет. Фернандо, помогавший в разговоре как переводчик, понял, что Кесада задумал что-то недоброе, играя на тщеславии сына ципы. Исподволь Фагуакундур внушали идею дворцового переворота. Для молодого, не очень умного принца это могло стать сильной ядовитой закваской.

На следующее утро они преодолели реку Сумапацу, что бурлила на дне глубокого ущелья. Причем для перехода использовали естественное подобие моста из крепких скальных блоков, обрушившихся когда-то при землетрясении, заклинив узкое ущелье. Это был очень рискованный переход. У многих испанцев дрожали колени при взгляде в пропасть: глубоко внизу парили птицы, а на самом дне бурлила река. Однако все благополучно достигли противоположного берега.

Потом начался тяжелый подъем по ложу небольшого горного ручья, скакавшего со ступени на ступень гигантской скалистой лестницы. Они взбирались по скалистым уступам, ведя лошадей в поводу.

За скалистыми уступами внизу расстилалась страна, принадлежащая племени панчей. Появились величиной с ладонь бабочки, сплошным роем окружившие колонну. При выходе на опушку леса впереди вдруг послышался шум, похожий на шум боя. Неужели чибчи напоролась на врага?

Всадники пришпорили коней и, преодолев последние нагромождения скал, стремительным броском оказались у рожицы и врезались в толпу сражающихся. На воинов панчей внезапное появление двоящихся существ произвело ужасающее впечатление. Они тут же, прекратив всякое сопротивление, сбились в кучу и, побросав оружие, пали ниц, предоставив себя судьбе.

Подоспевшие же свежие резервы панчей в диком испуге лавиной бежали по равнине к своим деревьям, преследуемые отдельными разгоряченным боем всадниками. Чибчи же, издав победный клич, начали тут же подбирать с поля боя своих убитых и раненых.

Панчи еще во время боя успели соорудить жертвенник, куда уже стащили часть раненых и убитых чибчей. Там разгоралась большая костер, и жрецы орудовали какими-то страшными инструментами.

Испанцы пришли в бешенство. Они вспомнили о страшной судьбе их передового отряда, уничтоженного на Рио-Магдалене, и бросились добивать поверженных врагов. Фернандо, стоя под большим деревом, хмуро смотрел на это неистовство.

Вскоре почти все окружающие деревья охватил пожар. Неужели этот ад на земле творится тоже во славу Господа Бога? Самые низменные инстинкты солдат вызвали у Фернандо крайнее отвращение. Тем временем патер Корнельи рассказывал по крововому полю боя, не помышляя положить конец неистовству злобы и жестокости. Как же так, думал Фернандо, монах даже не пытается воспрепятствовать этой вакханалии насилия, в то время как немедленно осудил танцы индейцев, назвав их богохульными. О Боже, когда ты внесешь ясность в мрак моих размышлений!

В течение недели после первого побоища конкистадоры прочесали всю страну панчей до самых отдаленных уголков в поисках сокровищ. Они вырывали из ушей женщин кольца, срывали с мужчин ожерелья, растаскивали богатства святых, а когда не находили их, прибежали к пыткам.

Народ панчей оказался бедным. Они располагали самими примитивными орудиями труда, ремесла почти отсутствовали. Им привычнее было бродить в окружающих лесах и долинах в поисках подножного корма, чем обрабатывать землю. Жили они в утлых лачугах и не имели богатых храмов. Поэтому добыча почти не оправдывала вложенных сил.

Чибчи же были довольны победой. Однако бесчинства белых превзошли все их опасения. Даже непроницаемый Чима не мог скрыть своего ужаса перед происходящим.

Монах не делал никаких попыток проповедовать побежденным, не пытался обратиться их в христианскую веру.

И Фернандо, помня красноречие падре у ципы, не мог не чувствовать разочарования.

За рекой Сумапацей их ждал посланец ципы.

Повелитель чибчей узнал о быстрой победе союзников и подумал, что следует воспрепятствовать немедленному возвращению войска пришельцев. Он нашел для этого предлог.

Жрецы главного храма в Суамоксе отвергли предложение о вере в нового бога. Они представляли в народе особую касту, обладавшую обширными земельными владениями и богатством, и вследствие важной роли в оправлении культовых церемоний, большой властью в стране. Вышние чины этого жреческого сословия очень хорошо понимали, что усиление власти ципы и тем более его обращение к новому богу грозит им серьезными неприятностями. Поэтому в спешном порядке жрецы отправили к Тисквесусу своего посланника с резким осуждением предложенной испытать новую веру и призвали его остаться верным своим прежним богам — Суа и Чиа.

Ципа почувствовал себя оскорбленным. К тому же у него были давние трения со жрецами. И теперь он решил воспользоваться моментом, чтобы ослабить их влияние. Посланник принес Кесаде сообщение, что Чисквесуса с удовольствием желал бы обратиться в новую веру, но жрецы главного храма в Суамоксе препятствуют этому. Ципа предлагал белому военачальнику самому встретиться со жрецами в Суамоксе и постараться либо убедить их, либо заставить дать согласие на крещение.

Кесада ухмыльнулся, услышав это сообщение. Как он и предполагал, в стане индейцев все сильнее проявлялось непримиримое соперничество отдельных вождей племен, принцев и могущественных жрецов. На этот раз командующий не стал ни с кем советоваться. Он сразу начал действовать.

Суамокс и область Тунья, почти независимая от ципы, располагались на северо-востоке высокогорной страны, они же сейчас находились на чьей. Поэтому Кесада испытывал страшное искушение вторгнуться во владения ципы по пути в Суамокс и Тунью. Однако понимал, что торопливость в таких делах вредна.

Нет, ципа лишней раз должен убедиться в безопасности. Следовательно, экспедиция пойдет обратно, в лагерь на холме, по той же дороге, по которой пришла сюда. Солдаты должны хорошо отдохнуть, прежде чем отправиться в Суамокс. На их пути лежит Тунья, контролируемая чибчами, но не являющаяся частью их государства и не включенная в договор. Следовательно, ее можно разорить без зазрения совести. Причем ципа должен быть твердо убежден, что калик Туньи — его соперник — разбит по его согласию. Ну, а после Туньи падет Суамокс, а затем...

Да! В этой ситуации надо действовать так и не иначе. Посланец Тисквесуса отправился в обратный путь. Кроме него, только командующий и лейтенант де Монфорте, переводчик, знали о запланированном на ближайшее будущее. Фернандо легко уловил, что начинается тонко продуманная коварная и бесчестная игра.

Он немного проводил посланника ципы, чтобы попросить передать привет Аите. Аите? Посланец приостановился, огляделся вокруг и прошептал:

— Она вряд ли получит ваш привет, белый человек. Жрецы ее куда-то запрятали.

— Что с ней?

— Она в заключении, потому что принадлежит новому Богу и белому человеку.

— Во имя всех святых, этого не может быть! Она страдает? Скажи мне, посланец, где она? В Фунце?

— Нет, в Муэзкете, во дворце ципы, предназначенном для отдыха.

Муэзкета, проклятье! Фернандо до боли сжал кулаки...

— Муэзкета, это далеко?

— Ближе, чем Фунца, белый человек. Ты должен ехать по дороге, пока не встретишь малую реку, что впадает в Боготу. Она там мелкая. Когда ты ее перейдешь, увидишь справа у подножия гор дворец. Я туда дохожу за одну ночь.

— Спасибо, друг, поспешим вместе!

Может быть, дождется утра. Нет, Кесада его не отпустит. Он должен действовать тайно. Но кто посоветует, как пробраться во дворец в Муэзкете?

Чима!

Он разыскал чибчу неподалеку от лагеря. Тот собирал хворост, чтобы приготовить ужин.

— Чима, над Аитой нависла смертельная опасность! Ты готов помочь ей?

Индеец посмотрел на лейтенанта. Что мучает испанского офицера?

— Да, — сказал он просто.

— Аита захвачена по приказу жрецов и находится в Муэквиете.

— Сеньор, я вас не выдавал.

— Я знаю, мой друг, я знаю! Она схвачена, понимаешь ты, я должен быть у нее. Этой ночью я поспашу туда!

— Да! — сказал индеец.

— Правильно? Ты это понимаешь, Чима, ты мне поможешь? Если они тебя спросят, скажи, что я отправился на охоту. Скажи мне еще, как мне проникнуть в этот злосчастный дворец?

— Да, сеньор, Дворец в Муэквиете окружен садом. Когда ты туда попадешь, скажи охране волшебные слова: «Гуат мара ай-ра», и покажи им вот это. — И он всунул в руку Фернандо металлическую пластинку. — Это знак верховной власти — уцаке. Они проведут тебя куда ты захочешь.

«Гуат мара ай-ра» — завтра быть на небе, — замечательное, таинственное изречение чибчей, важнейший пароль. И тем не менее Чима сообщил его белому человеку. Он оказал помощь тому, кто стремился к девушке, которую индеец любил сам. О Чима, ты оказался настоящим человеком с благороднейшим сердцем. И Фернандо до боли сжал руку чибчи.

Копыта покали в ночной тишине. Над долиной Рио-Магдалены вспыхивали зарницы, и облака окрашивались в фиолетовый цвет. В темноте мелькали деревья и отдельные заросли кустарников. Но вот сквозь сумрак смутно проглядывают глинобитные ограды и какие-то строения.

— Кси-икси? — внезапно раздался окрик часового. — Кто идет?

— Гуат мара ай-ра!

Рука касается лба и груди, голова склоняется в поклоне. Шаги раздаются во дворе, повторяется окрик: «Кси-икси?» — в ответ звучит волшебный пароль: «Гуат мара ай-ра!» Все двери открываются перед Фернандо.

Наконец в небольшом помещении, пропахшем маисовой соломой, он тихо позвал:

— Аита! Моя маленькая коричневая мадонна!

Он пришел! Долгожданный и ненаглядный!

— Я пришел, чтобы освободить тебя, Аита. Пароль, данный мне Чимой, откроет перед нами все двери.

— Ты возьмешь меня с собой?

С собой? Нет, девушке не место в военном лагере, где правят несправедливость и насилие. Нет, только не с собой!

— Ты не смогла бы пока спрятаться где-нибудь у друзей или родных?

— Нет, никто не пойдет против власти храмов. Мне достаточно, что я опять вижу тебя, Фернандо. Оставь меня здесь.

— Среди твоих врагов?

— Они мне не враги.

— Но они заточили тебя в темницу. Я не могу с этим смириться.

— У меня есть ложе, пища и одежда. Я все время думаю о тебе. Больше мне ничего и не надо.

— Если они тебя оскорбят или поднимут на тебя руку, я превращу их в дым и пепел!

— Я знаю, но не беспокойся. У нас нет законов, чтобы наказывать за мой поступок. Оставь меня здесь, Фернандо. — И тихо добавила: — Я принадлежу к дому ципы, а он сейчас не в очень-то хороших отношениях со жрецами. Но я чувствую его поддержку каждый день.

Что такое один час? Один час бесконечно мал для того, кто безгранично любит. Этот час пролетел как мгновение. Они поцеловались. Скрипнули двери, послышались в ночи крики часовых, ответные волшебные слова... Цоканье копыт постепенно затихло вдали...

Фернандо в предрассветной дымке вернулся прямой дорогой в лагерь, где в палатке ждал Чима.

Чима, брат мой, спутник, ты лучший помощник, честное слово!

Конкистадоры несколько дней отдыхали. За ними зорко наблюдали союзники, быстро предупреждавшие индейские гарнизоны ближайших городов и поселков о недозволенных отлучках испанцев из лагеря сигнальными кострами или специальными гонцами. Это был своеобразный мир без доверия.

Фагуакундур почти ежедневно бывал в лагере белых. Он участвовал в офицерских пирушках и открыто высказывал сожаление, что ему не придется совершить поход в область Тунья. Командующий очень хитро вел политику, и чибча не прекращал размышлять об испанском законе о престолонаследовании. Кесада открыто говорил индейскому принцу, что необходимо вынудить жрецов из Суамокса принять христианскую веру. Вот тогда, мол, и будет

установлено право наследования престола по испанскому образцу. И именно Фагуакундур станет верховным ципой чибчей.

Фернандо очень беспокоили хитрые речи Кесады. Кесада морочил голову Фагуакундuru и направлял его мысли и действия по своему усмотрению.

Наконец испанцы выступили в поход. Через два дня они добрались до города Ципаквира, где были индейские соляные копи. Мощные залежи очень чистой соли выходили непосредственно к поверхности земли.

Кесада распорядился, чтобы солдаты не забывали, что находятся в стране союзников. Поэтому и чибчи относились к испанцам дружелюбно. Они с удовольствием показывали чужеземцам соляные шахты и отвечали на все интересные вопросы.

Добывают ли чибчи еще какие-нибудь минералы из земли? Да, на Рио-Самагосе добывают смарагды, а в других местах — золото, а здесь только соль — самое важное, по мнению чибчей, что земля дает людям.

Испанцы получили провиант и выступили дальше. Вскоре они подошли к озеру Фугуена, где начиналась область Тунья. Правитель, цакве, выслал навстречу своего посланника с сообщением, что испанцы могут распространить условия договора с ципой также и на его область.

Это могло расстроить планы Кесады. И он решил отвергнуть мирные предложения. Он больше не хотел связывать себя никакими договорами.

Испанцы с безоглядной жестокостью вломились во владения мирной области. Появление могущественных чужаков с ужасным оружием и громадными животными вызвало у добродушных жителей равнины Тунья парализующий ужас. Они выносили все сокровища и драгоценности прямо на дорогу, чтобы как-то задобрыть завоевателей. Однако солдаты Кесады думали, что коричневокоже хотят отделаться «легким испугом», — отдать малую часть богатств добровольно, сохранив остальное. Войско пришельцев обрушилось на хижины индейцев. Конкистадоры крушили мебель и посуду, а когда и это не помогало, начинали пытать и убивать людей.

И опять загорелись деревни. Повсюду слышались крики избиваемых людей. Многие в поисках спасения бросились в горы. Вскоре вся область была разорена и опустошена. Цакве попытался было с верными людьми организовать сопротивление, но его небольшое войско в первом же бою было наголову разбито испанскими завоевателями.

Кесада тут же направился во дворец цакве. Стражники, еще оставшиеся здесь, покорно открывали перед испанцами двери, чтобы хоть этим умерить неудовольствие одетых в доспехи белокожих воинов. Наконец они проникли в помещение, где на троне сидел в одиночестве кацик страны. Это был высокий индеец со сморщенным, худым лицом.

Служители притащили скамейки, но командующий отшвырнул их.

— Почему вы бесчинствуете в моих владениях? — спросил цакве. — Разве мы не выполнили какие-либо условия договора?

— Эта страна должна принадлежать нашему императору, а ваши души — святой церкви, — резко возразил Кесада. — Горе тем, кто будет противиться этому.

— Кто же отдал эту страну вашему повелителю? — спросил цакве, все еще верящий в какие-то свои права.

— Кто? Святейший папа в Риме. По его слову мир был поделен, и эти страны здесь принадлежат испанскому королю!

Цакве рассмеялся. Он наконец понял, что рассчитывать на какую бы то ни было справедливость и законность не приходится.

— Он, этот папа, наверно, очень глупый, — произнес цакве, поднимаясь во весь рост. — Можно ли делить и раздавать то, что тебе не принадлежит? Вы обманщики, а ваш повелитель — лжец. Тот, кто пыгается раздаривать чужие страны, страдает слабоумием!

— Он оскорбил святейшего папу! — прокричал монах. — Он богохульник, он погрешил против святого духа! Разорвать его!

Испанцы стянули цакве с трона, сбили с ног и топтали сапогами до тех пор, пока его тело не перестало подавать признаки жизни. После этого распалившиеся громилы принялись сдирать со стен золотые украшения, растаскивать утварь и произведения искусства. Они в два счета сломали трон, выковыривая смарагды, украшавшие спинку и подлокотники, рылись в коробках с драгоценными камнями, рыскали, разоряя все попадающееся под руку, и рычали, как звери.

Фернандо стоял у одной из колонн и с ужасом взирал на происходящее. Ужасно, что в диком порыве они никак не могут насытить свою алчность. Сокровища, добыча, богатство!

Он истерически рассмеялся и в порыве отчаянного раскаяния высек огонь и зажег факел; потом пошел из зала в зал, поджигая все, что могло гореть. Крыша дворца, думал он, рухнет в пламени раньше, чем эта дикая орда успеет содрать со стен последнюю золотую пластину.

Дворец освещался пожаром изнутри, как волшебный замок из сказки, но серый густой дым был страшной душливой действительностью. То и дело из пламени вырывался кто-нибудь с опаленной бородой, но почти всегда с узлом награбленного добра. Испанцы стояли вокруг, сетуя, что пришлось прервать такую «продуктивную» святую работу». Но как только пожар поугас, они бросились рыскать в пепле и золе, разрывая еще тлеющие обломки и разыскивая расплавленные куски золота и кое-где мерцающие драгоценные камни.

Чего достиг своим поступком Фернандо? Да ничего! Напротив. Было решено, что дворец подожгла охрана пачка, чтобы слишком жадные солдаты погибли в огне. Поэтому Кесада приказал обезглавить на площади сотню индейских воинов, чтобы в будущем не повторилось подобное. Индейцы почти не сопротивлялись, их покорность была полной, как никогда.

Волна неистовства и разрушений покатилась дальше. Конница была послана в Суакомо уничтожить главный храм чибчей. Жрецы со слов прибегающих туда пострадавших уже хорошо представляли, что их ждет. Ужасные события, разыгравшиеся в Тунье, быстро стали известны всей стране.

Когда первая группа испанцев приблизилась к этому святому сооружению, храм внезапно со всех сторон начал гореть. Это отчаявшиеся жрецы побросали факелы во всех уголках здания и теперь стояли, готовые погнаться в безжалостном огне. Пламя вздымалось к небу в темноте уже наступившей ночи, как сигнальный маяк, далеко видимый со всех сторон высокогорной равнины.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ГРЕХ — ЕРЕСЬ

Завоеватели устраивались в покоряемой стране, как у себя дома. Кесада в Тунье расположил свою резиденцию, где принимал делегации старейшин окрестных деревень с обильной данью и присягавших ему на верность. Сокровища накапливались в специально охраняемой хижине, поблизости от которой он вершил суд и расправу. Приговоры приводились в исполнение на большой площади поселения, а палачом был Мануэль. Фернандо, бледный и поху-девший, переводил индейцам приговоры и решения командующего, а также просьбы и уверения в верности туземцев. По мере возможности лейтенант, переводя приказ, стремился смягчить участь индейцев, а порой он под-сказывал чибчам, как следует поступать, чтобы избежать незаслуженного наказания.

Все свои идеалы лейтенант похоронил. Он убежал от ужасов инквизиции из Испании, но здесь сам оказался прислужником инквизиторов. Все рассуждения о высокой миссии оказались блефом. Закон конкистадоров — кровь, добыча и жестокость!

Почему же молчит Бог?

Почему он не насыщает нас землетрясения и не приводит в действие вулканы, чтобы поглотить преступников и богохульников?

Конкистадоры делают добычу. В их руках уже столько золота и драгоценных камней, что такому богатству позавидовал бы любой король. Кесада все делит на равные части: одна часть в королевскую оружейную палату в Толедо, вторая — святой церкви, третья — главнокомандующему, четвертая — офицерам и еще одна часть — солдатам. Уже нужны носильщики для переноски драгоценностей, предназначенных для короля и церкви.

Брат Корнелий не замедлил явиться к Фернандо, чтобы выискать долю для святого Фердинанда. Лейтенант насыпал доминиканцу полный мешок, потом снял с шеи крест и положил его сверху.

— Крест? Почему?

— Я не ношу амулеты выжимателя налогов.

— Брат Фернандо!

Фернандо иронически посмотрел на монаха.

— Притворяйся, падре, перед кем-нибудь другим, — сказал он горько. — Я видел, как ты вместе с другими алчными грабителями выковыривал драгоценности из амулетов, похищенных из храма. Для чего? Чтобы обратить язычников в христианскую веру? Почему ты не выступа-

ешь перед несчастными туземцами на площади с проповедями? Почему ты не просвещаешь заблудших и не утешаешь молитвами страждущих? В твоих глазах я вижу не высокие помыслы, а жадность! Ты обеими руками тянешься к золоту и драгоценностям, политым кровью невинных людей.

— Брат Фернандо! Что ты говоришь своему исповеднику?! Одумайся!

— Ты мне больше не исповедник! Ты подлый лицемер в одеянии священника, волк в овечьей шкуре!

— Ты совершаешь преступление против церкви, — с трудом переводя дыхание, проговорил монах. — Самый страшный грех — ересь!

— Как же, ты видишь щепку в глазу ближнего, а в своих не замечаешь и бревна. Это слова писания, падре. О, я с прилежанием изучал теологию, учение, в котором много красивого и доброго. И что вы из этого сделали? Нет, нет, монашек, я вижу насквозь тебя, до самого сердца. Горе тебе!

Доминиканец опешил и в течение нескольких минут стоял как соляной столб. Что же это такое, диетант толкует священнослужителю о совести?! Откуда он берет слова, что звучат как трубы страшного суда?

Фернандо спокойно отдал половину своей добычи. Но зачем она ему, если он хочет остаться здесь со своей Аитой!

Неожиданно прибыл Фагуакундур со своей тысячей индейских воинов.

Яд, который испанцы хитро заставили его выпить, сделал свое дело. Кесада ему казался умным, искусным человеком, и он не стал задерживать испанцев на границе страны, и теперь, нарушая приказ своего отца, оказался здесь, довольный произведенным эффектом.

Кесада выспрашивал индейца о положении в стране чибчей, словно лазутчика, вернувшегося из разведки.

— Ципа сейчас живет в Муэквете. Гарнизоны на границе должны быть вскоре распущены — приближается время уборки урожая. Да и вообще жизнь в стране не в лучшем состоянии, пока все мужчины с оружием в руках охраняют границы, — сообщил Фагуакундур.

— Неплохо, — пробормотал командующий, — очень благоприятная ситуация.

— Из-за того, что храмы сгорели, народ очень беспокоится, что Суа и Чиа нас страшно накажут. Другие говорят, что Новый Бог белых людей лишит солнце и луну их могущества, и теперь, мол, им никто не сможет помочь.

— Смятение среди язычников. Скоро будет самое время для выступления, — отметил как бы про себя Кесада.

— Куда? — спросил Фернандо.

— Как куда? — усмехнулся командующий. — Ах, ты святая простота! Лейтенант, похоже, с вами что-то случилось. Если бы вы во время нападения пиратской галеры так же тяжело схватывали суть происходящего, то лежали бы мы все на дне морском или строили бы бастионы в Тунисе. Куда же мы должны выступать еще? В Фунду, чтобы согнать ципу с его давно прогнившего трона!

— Я это тоже должен перевести Фагуакундуру?

— Да что вы, лейтенант.

— Я думал, что такой вариант невозможен, ведь у нас есть договор с ципой.

— Видите ли, обстоятельства меняются, и договоры теряют смысл.

— Но я же давал клятву, сеньор командующий. А клятвы не могут терять смысла, они занесены в книгу судеб.

— Но в данном случае, полагаю, наш падре сможет вам отпустить грехи вашего клятвоступления.

— Наш падре вряд ли способен помочь мне.

Чибча озадаченно смотрел то на одного, то на другого. Он понял, что они спорят, но о чем, не догадывался.

Кесада кивком головы дал знак лейтенанту Романо увести индейца. Лейтенант, пожав плечами, вышел вместе с Фагуакундуrom.

— Я должен вам напомнить, что вы офицер короля, — сказал Кесада, когда они остались с Фернандо одни. Он, внезапно преобразившись, стал сухо официальным и злым. — Что вы, черт возьми, все время беспокоитесь о диких язычниках?

— Они же люди, — проговорил, побледнев, Фернандо.

— Сашком много чести этим дикарям! — воскликнул командующий. — Я уполномочен Испанией завоевать эту страну, и в этом мне не помешают ни самый хитрый кацик, ни жалостливый лейтенант!

— Чем же они так отличаются от других людей? — спросил Фернандо, принуждая себя сохранять спокойст-

вие. — Разве они не такие же, как и мы? Они смеются и плачут, танцуют и играют. И если положить им на грудь руку, почувствуешь биение сердца. Впрочем, тот кто не имеет сердца, этого не замечает.

— Дурак! — засмеялся командующий, вскочив со скамейки и расхаживая широкими шагами взад и вперед по помещению. — Кавалерийский офицер, а рассуждает милосердной и более по-христиански, чем наш падре. На что это похоже? Что же мне с вами делать? Ну что ж, я попытаюсь избежать опасности неправильного выполнения моих приказов, или по меньшей мере смягчения их, если мы выступим против Фунцы.

— Мы не должны выступать против Фунцы, сеньор командующий, поймите же это! Тисквесуса же наш союзник.

— Ну вот, опять!

Снаружи опять загремели барабаны, выкрики пьяных солдат доносились через дверь. Командующий продолжал шагать из угла в угол.

— Итак, — сказал он, посмотрев лейтенанту в глаза, — я дам вам шанс, сеньор де Монфорте, доказать, что вы настоящий мужчина и достойный офицер короля. Вы должны тайно снарядить всадников и пройти через западную долину, чтобы с юга внезапно напасть на Эльдorado. Оттуда они не ожидают наступления, панчи побеждены и граница страны там наверняка открыта. Захватите чибчей врасплох, овладейте дворцом в Музквете и заставьте основные силы отступить к Фунце. Обеспечьте сохранность сокровищ. А потом все гарнизоны чибчей один за другим будут разбиты.

Он стоял, покачиваясь с носков на пятки и выставив нижнюю губу, и усмехался. Фернандо медленно встал.

— Нет, — возразил он, — этого я делать не буду, сеньор командующий. Я дал клятву, а для меня клятва значит больше, чем ваше благорасположение.

Командующий на мгновение застыл от удивления.

— Так, — прохрипел он, — смотри, каналья! Ты, значит, слишком чист и тонко воспитан, чтобы делать грубые дела? Ты, значит, человек, а мы звери? Я тебе покажу зверя! Немедленно под домашний арест! Ты отстранен от командования кавалерийским отрядом. Командовать им с завтрашнего дня будет фенрик Мануэль. А ты делай что хочешь!

Он повернулся кругом и поспешно вышел. Хлопнула дверь, и раздосадованный лейтенант швырнул в стену кувшин, с глухим звоном разбившийся вдребезги.

— Чима! — посылалось в тишине.

— Сеньор?

— Дорогой друг, ты должен сделать одно очень важное дело. Подвинься ближе, чтобы нас никто не слышал. Я тебе хочу кое-что сказать.

— Я слушаю, сеньор!

— Ты сейчас же должен покинуть меня. Беги из города, будь хитрым, как лисица, чтобы тебя не схватили. Беги к ципе, разбуди его, если он спит! Вытащи его из воды, если он купается! Вырви его из объятий жены и прокричи ему в уши: «Предательство! Предательство! Испанцы нарушили договор, хотя он и был скреплен торжественными клятвами. Отряд конников двинулся на страну чибчей после полного разгрома Туны». Ципа должен отправить все драгоценности в укромное место, ведь за ними так жадно охотится белый командующий. Всем женщинам чибчей следует убежать в горы и прятаться в ущельях. Все мужчины, способные носить оружие, пусть спешно двигаются к границам. Завоеватели хотят прорваться в страну там, где их меньше всего ожидают. Они будут жечь и разрушать все, как в стране панчей и в Тунье. Беги, Чима, не медли. Передай привет Аите, пусть она со всеми вместе спасается в горах. Все мои мысли о ней.

— Сеньор, прости меня, что я уже не верил, что ты мой брат! Если меня убьют, ты будешь носить мой титул уцакве. Будь здоров, сеньор!

Фернандо понимал, что теперь он стал совсем чужим среди конкистадоров, его сочтут либо глупцом, либо сумасшедшим. Неужели среди его товарищей по экспедиции, с которыми он делил все невзгоды, не найдется ни одного единомышленника?

Он знал, что таких нет. Мануэль, его спутник первых дней, стал палачом без намека на совесть. Монах оказался лицемером, жадным на добычу, как последний наемник-солдат. Командующий — вдохновителем жестоких убийств.

Неужели в Новый Свет, кроме этого сброда, никто больше не попал?

Утром конкистадоры продолжали свои обычные дела. Кесада, не успевший как следует выспаться, вялый, с парами чичи в голове, устроил суд и расправу.

Конечно, мало ли что под пьяную руку взбредет в голову командующему, однако после восхода солнца сомнения исчезли. Мануэль стал командиром кавалерийского отряда, а Фернандо оказался под домашним арестом.

— Так-то вот, мой лейтенант! — радостно бормотал Мануэль. — Я догнал тебя, теперь мы с тобой на равных, хе-хе, я даже обошел тебя.

Незадолго до полудня командующий поинтересовался, между прочим, где сейчас Чима. Его не было ни в штабе, ни в помещении, занимаемом лейтенантом.

— А что вам, собственно, нужно от индейца? — спросил Фернандо и безразличным тоном добавил: — Я его отправил кое-куда с моим личным заданием.

— Можно узнать, куда? — с недоверием спросил Кесада.

— Это не столь важно, как вам показалось, — ответил Фернандо, оставаясь совершенно спокойным. — У меня завелась девушка в Фунце, когда я там был с посольством.

Командующий криво усмехнулся, привлекая Мануэля в свидетели этой вольности лейтенанта.

— Больше вас, лейтенант, мы не будем посылать послом, — сказал Кесада, несколько успокоившись. — И когда ваш слуга вернется, я хочу с ним поговорить. Ясно?

— Я прикажу ему виться к вам.

Поговорить с Чимой, хм! Кесада просто устроит допрос, возможно даже с пытками. Чибчи умеют молчать, однако Чима не должен стать жертвой. Я должен его предупредить, когда он вернется, — возбужденно думал лейтенант.

Чима спешил, он летел по родной земле, как первый легкий ветер перед ненастьем. И люди закрывают окна и плотно запирают двери, готовясь к непогоде. Буря всегда посылает вперед свое предупреждение, скачущее в вихрях по дорогам.

Чима по пути предупреждал всех о том, что может случиться. Местные какики, знавшие о заключенном клятвенном договоре, с недоверием покачивали головами. Добравшись до Фунцы, он бросился в ноги ципе, побывал у Саквесаксигуы, сейчас главнокомандующего, предостерегал, заклинал спешить действовать.

Между тем воины как раз были распущены по домам и занялись уборкой урожая. Только очень немногие оставались в гарнизонах, а отборная тысяча Фагуакунаура оставалась недосыгаемой для гонцов Саквесаксигуы. Кроме того, стало известно о его тесной дружбе с белым военачальником. Это не могло не настораживать.

О, эти чужестранцы, эти чудовища в образе человека, превращающие святые слова в ложь, заключающие договора, чтобы тут же их нарушать! Что могут чибчи от них ждать хорошего?

Чима тут же пустился в обратный путь. Он спешил по своему же следу, думая, что скажет лейтенанту, своему другу и брату. У тебя сердце чибчи, — скажет он, — Аита должна быть твоей. Без всякой ревности я хочу видеть ее твоей женой. Ты дашь ей счастье. Она сплет тебе песню гор, песню плодородия. Она будет твоей, а я навсегда останусь вашим другом и братом.

В предрассветной мгле Чима уже различал силуэты го-

рода Туны. Он крадся вдоль садов пригорода, вдоль черных руин домов и пещелищ. Вот уже показался дом, в котором живет лейтенант.

Но тут он заметил фигуру какого-то человека, стоящего у стены, завернувшись в длинный плащ. Очевидно, он уже заметил индейца. Кто это? — пронеслось в сознании Чимы. Может быть, это часовой?

Незнакомец махнул рукой, подзывая его поближе.

— Твой господин здесь, — проговорил он тихо, — иди сюда.

Чима одно мгновение колебался. Рот у незнакомца растянут в усмешке, но глаза не смеются, они холодные и страшные.

Индеец отпрянул, но его противник одним прыжком оказался рядом, и тут же Чима почувствовал острую боль в груди. Он успел увидеть нож, увидел кровь и рухнул на землю. Из последних сил он приподнялся на руках. Незнакомец в распевающем плаще скрылся.

— Сеньор! — превозмогая боль, крикнул индеец. — Сеньор!

Фернандо сквозь сон услышал этот крик и почти раздетый выскочил из дома с мечом в руке. К его ногам подползала окровавленная фигура. Индеец старался сохранить последние искры жизни.

— Чима, брат мой... Эти собаки, эти безбожники! Говори, кто это был, я отомщу!

Но рана была смертельной, в уголках рта Чимы уже показалась кровь.

— Это был белый человек, — прохрипел умирающий. — Сеньор, уходи! Уходи от них в удобный момент. Беги к Аите, спасайся, ты — уцакве...

Фернандо прижал к себе чибчу. Он не обращал внимания на кровь, обгравившую его руки и рубашку, повторяя одно и то же:

— Кто? Кто это был? Скажи мне, Чима.

— Белый человек!

Проклятый белый человек, испанец, захватчик, бесчестный нарушитель клятв. О Боже, дай мне силы! Проклятый белый человек! Хорошо бы мне содрать эту белую кожу со своего тела, эту тысячу раз проклятую белую кожу. Она прилипла ко мне, как кайнова печать!

— Брат, — холодеющим языком пролепетал чибча, — ты должен... в удобный момент... уйти к Саквесаксигуае... Друг... Аита...

Безусловно, мой дорогой, мне надо уходить. Мое место не здесь. Твоя гибель заставит меня разорвать последние пути, связывающие меня с людьми Кесады. Но я не уйду, не отомстив за тебя! В удобный момент!

Так умереть, мой коричневокожий друг; один подлый удар кинжала — и потеряна жизнь. Ты уже не узнаешь меня и уходишь в небытие. Я тебя никогда не видел таким бледным, Чима.

О небо, теперь еще эта жертва. Сколько же из-за меня должно погибнуть? Выходит, что они просто забыли уничтожить и меня. Что же мне делать? В удобный момент мне надо уйти! Но удобный момент будет только тогда, когда я смогу твоему убийце воткнуть в сердце меч!

Он похоронил своего друга как раз, когда всходило солнце. Его молитвой на могиле была страстная клятва о мести.

ПРИКАЗ И СОВЕСТЬ

Кесада со своим отрядом безжалостно напал на страну. Повсюду горели деревни, ужас войны охватил плодородную равнину, воздух смешался с дымом пожарниц, а земля пропиталась кровью своих детей. Мануэль вел отряд всадников. Он неутомимо носился от одного селения к другому, сея ужас и смерть. Командующий был доволен своим палачом в роли руководителя кавалерии.

Фернандо ехал рядом с Кесадой, его меч оставался в ножнах. Теперь он выполнял обязанности офицера связи. Это давало ему возможность многое видеть и слышать, и он ни на минуту не сомневался, что Чима будет отомщен.

Чибчи отчаянно сопротивлялись завоевателям. Они защищали свои поля и деревни с беспримерной храбростью. Однако их войско было разрозненным, отдельные маленькие группы воинов с жалким вооружением не могли противостоять чужеземцам в лагах и огнестрельным ружьям. Область за областью постепенно оказывались в руках конкистадоров. Чоконта, Мучета, Ципаквира, Гуагабита — гордые центры племен были превращены в кучи пепла и пыли.

В Чиа отряд конкистадоров разделился. Пехотинцы двинулись на Фунцу, а кавалеристы — через Субу и Уска-

вен — на Музквету. Кесада оставался с пехотинцами, а с ним и Фернандо. Мануэлю предстояло захватить Музквету совершенно самостоятельно. Фернандо хорошо понимал, что это означает. Этот жестокий, бессовестный человек не пощадит ни Аиту, ни детей, ни стариков. Однако лейтенант не мог помешать конному рейду. Оставалось надеяться на случай.

Борьба у Фунцы была жестокой и стоила жизни нескольким испанцам. Индейцы защищали каждый дом, каждую хижину; но что они могли противопоставить мушкетам и стальным мечам? Фернандо постоянно, как тень, находился с командующим. И только к вечеру остался один и, погруженный в горькие раздумья, шагал мимо развалин.

Дом, где лейтенант так недавно пережил счастливые дни, еще не был предан огню, только подвергся полному разграблению.

Возле пруда лежала убитая пума в луже уже подсохшей крови; скамья, на которой Фернандо однажды сидел, была перевернута. О счастливые дни, где вы? Лейтенант медленно прошел через весь дворец. Ограда, служившая больше украшением, чем заграждением, была во многих местах пробита неизвестно для чего. В один из проломов виделся дворец ципы, также полностью разгромленный и искореженный. Он заметил солдат, рыскавших по углам и закоулкам дворца. Перед ним внезапно возник лейтенант Романо.

— Вот вы где! — воскликнул он. — Командующий ищет вас повсюду, как утерянную иглоку. Вы должны спешно отправиться в Музквету. Здесь, к сожалению, пусто, никаких следов сокровищ Эльдорадо. Решение загадки может быть только в Музквете. Постешите!

Ха-ха, теперь они готовы на все, только бы отыскать эти сокровища. Ведь этой — целью всей этой подлой экспедиции. Их ждут в Европе император и кардиналы, там на всех устах только и разговоров, что о сокровищах Эльдорадо. И если все это закончится полной неудачей?

Приказ офицеру связи был не мешкая скакать в Музквету и передать Мануэлю, чтобы он захватил в плен ципу, но не предавал его казни до прихода самого Кесады. Все силы следовало бросить на поиски сокровищ и, в случае успеха, немедленно сообщить об этом командующему.

Ночь уже вступила в свои права, когда Фернандо отправился в путь. Он скакал, как черт, рискуя сломать себе шею. Его мысли и сердце были устремлены к Аите. И лошадиные копыта, казалось, выстукивали о твердую землю ее имя: А-и-та, А-и-та. Он стремился успеть в Музквету, прежде чем она попадет в лапы одичавших кавалеристов.

Дорогу освещала пламя пожаров, и далеко впереди — зарево горевших деревень и поселков.

Наконец Музквета. Лейтенант с ходу проскочил мимо нескольких строений, придержал коня у поста и, прокричав пароль, проехал в город. Встретив какого-то индейца на одной из горящих улиц, он соскочил с коня.

— Гуат мара ай-ра! — он сохранил, как самое ценное, в своей памяти пароль, сообщенный ему когда-то Чимой. Индеец приложил руку к груди и поклонился.

— Где ципа? Где Саквесаксигуа? Где Аита?

Чибча приложил палец к губам и, схватив Фернандо за руку, провел его за какую-то ограду. Пробравшись во внутренний двор, лейтенант привязал лошадь к столбу и последовал за индейцем по темным коридорам строения. Наконец они вошли в большое помещение, слабо освещенное факелами. Здесь было много людей, молча сидевших прямо на полу и немногочисленных скамейках.

— Гуат мара ай-ра, — сказал тихо Фернандо. Некоторые взглянули на него, и тут с полу вскочила маленькая фигурка и бросилась ему на грудь.

— Фернандо! — услышал он тревожный и одновременный счастливый возглас.

— Аита, моя маленькая Аита! Не плачь, все будет хорошо, я же опять с тобой.

Он крепко прижал ее к своему сердцу, радостно забившемуся в груди. Он прошептал благодарственную молитву: она жива, он поспел вовремя. Он обнимал ее и больше не хотел с ней расставаться.

Кто-то тронул его за плечо. Подняв голову, в слабом свете факелов он увидел перед собой Саквесаксигуа с белой повязкой на голове. Тот увел испанца в другой конец этого большого зала.

На одном из немногих топчанов увидел лежащего навзничь бездыханного ципу, бледного, с провалившимися глазами, совсем не похожего на себя...

— Они гонялись за ним, пока не поймали, — сказал Саквесаксигуа. — Они мучили его, а потом убили. Теперь

мы его завернем в знак траура в рыболовные сети, как это было, когда умер ципа Немеквене и как это было до него, когда великий Сагуаманчик уходил в озеро. Теперь со смертью Тисквесусы умрет вся страна.

— Проклятые убийцам, — воскликнул Фернандо. — Чима, мой друг и брат, тоже погиб и никогда не вернется к нам.

— Чима умер? — спросил Саквесаксигуа. — Я его любил. Мы должны пропеть ему песню поминовения. А ты, белый друг, станешь теперь удакве в нашей стране. Он просил меня об этом, когда был здесь с предупреждением о приближающейся великой опасности.

— Солдаты нигде не находят сокровищ ципы, — сказал Фернандо, — они в ярости из-за этого.

— Они их никогда не найдут. И если они нас всех убьют, тайна сокровищ уйдет вместе с нами.

Некоторое время они молча постояли возле тела Тисквесусы, отдавая ему последние почести. Все находившиеся здесь, свита и близкие повелителя, видимо, только случайно спаслись в последней резне. Они еще не знали, что принесет им следующий день. По их мнению, никто не мог избежать судьбы, отмеченной звездами на небе. Они не плакали, они просто отправляли в вечное царство тьмы своего погибшего ципу.

Фернандо вполне охотно разговаривал с Саквесаксигуа. Если испанцы не найдут сокровищ страны, они будут беспощадны. Поэтому было решено, что еще до восхода солнца все, собравшиеся здесь, должны бежать в горы, в древний, ныне пустующий Парамос и в леса. А Саквесаксигуа должен стать новым ципой, как это было принято в стране чибчей.

Кадик покачал головой.

— Белые люди, завоевав страну, сделают Фагуакундура повелителем страны, тем более что он уже подольстился к своим новым господам.

Было известно, что тысяча воинов под его командованием, ни во что не вменяваясь, шагали за отрядом конкистадоров в последнем походе. Они оказались предателями своего народа, своей родины.

— Фагуакундур должен умереть, — проговорил Саквесаксигуа. — Иначе он отдаст чужеземцам сокровища своего отца. Однако сети уже расставлены и дичь скоро попадет в них.

Фернандо разыскал Аиту и сел возле нее. Обняв ее за плечи, он тихо говорил ей слова утешения и любви, обещал близкое спасение. Она верила ему всем своим маленьким сердцем, он не мог обмануть, хотя у него была белая кожа и он был одним из завоевателей. В сумеречном свете факелов она старалась заглянуть ему в глаза, чтобы прочесть свою судьбу.

На рассвете лейтенант нашел Мануэля во дворе полуразрушенного дворца спящим после трудов. Тот сразу вскочил на ноги, услышав сообщение, что должен явиться к Кесаде.

— Вы захватили сокровища? — Мог ли иначе звучать первый вопрос этого человека?

— А вам разве их не удалось разыскать? — спросил в ответ Фернандо, всматриваясь в выражение его лица.

— Черт побери, нет! Эти собаки куда-то все запрятали. Но я выжму из них тайну, хотя бы мне пришлось прикончить всех до единого.

— Может быть, все-таки лучше ехать к Кесаде, чтобы обо всем переговорить, прежде чем действовать на свой страх и риск?

— Тоже верно, дружище, — проворчал Мануэль. — Но прежде я хотел бы захватить пару дюжин заложников.

Фернандо не успел сообразить, что же предпринять, как началась охота на людей. Он пытался предупредить своих друзей, но было слишком поздно.

Солдаты захватили около пятисот человек — мужчин, женщин и детей, почти всех из рода ципы, нескольких вельмож и жрецов. Мануэль попросил их сказать, что он их всех убьет, если не отступят богатства ципы. Он приказал своим головорезам снабжать их пищей и водой и ждать дальнейших распоряжений. Вслед за этим он вместе с Фернандо ускакал в Фунцу.

В это время в Фунце всех туземцев согнали на главную площадь. Но здесь речь шла о другом. Фагуакундур со своей тысячей вернулся в город и был Кесадой всенародно провозглашен ципой. Было объявлено, что в стране отныне действуют испанские законы, по которым сын является наследником отца, и значит, Фагуакундур — законный наследник ципы Тисквесусы, которого, можно с уверенностью сказать, уже убили.

Фагуакундур поторопился захватить дворец ципы. Его

воины следовали за ним. Они попытались навести порядок в перевернутых вверх дном залах и внутренних двориках. Все казались очень серьезными и озабоченными. Они хорошо знали, что по их древним законам сын ципы не является законным престолонаследником. Эти воины чувствовали на себе тяжкую вину: они безучастно маршировали, в то время как их братья и отцы умирали в кровавой борьбе против испанцев. Гонец от Саквесаксигуа сумел благополучно пробраться к ним и выяснил их настроения. Он понял, что нет никаких оснований к успешным выводам об измене этой тысячи воинов своему народу. Было ясно, что только что созданный трон Фагуакундура стоит на очень зыбком основании.

Когда Фернандо и Мануэль прибыли к Кесаде и командир кавалеристов доложил о делах своего отряда, командующий побледнел. Значит, и в Музквете не напали на след главных сокровищ. Значит, Тисквесуса успел бесследно запрятать все свои богатства. И теперь он к тому же мертв. Кесада был страшно раздосадован тем, что люди явно поторопились прикончить ципу. Он рычал на Мануэля, как он допустил убийство важнейшей персоны страны, не вырвав у него тайну сокровищ! Проклятое самоуправство!

Однако у ципы наверняка были соучастники, и надо во что бы то ни стало выжать сведения о местонахождении сокровищ. Может быть, об этом знает Фагуакундур? Кесада тут же послал гонца во дворец.

Кроме того, Мануэлевые заложники могли помочь в розыске сокровищ. Если этих пленников одного за другим медленно истязать самыми жестокими пытками, наверняка окажутся такие, что не смогут этого выдержать и выдадут тайну погибшего ципы.

Эти жестокие думы главы конкистадоров были внезапно прерваны гонцом, сообщившим, что ему только чудом удалось вырваться из дворца, захваченного повстанцами, убившими к тому же своего командира Фагуакундура.

Кесада вскочил, сразу превратившись в взбесившееся чудовище, глаза сверкали яростью.

— Уничтожить всех! — заорал он. — Подожечь дворец и этот языческий сброд предать огню и мечу! — Он повернулся к Мануэлю и Фернандо. — А вы, лейтенанты, немедленно уезжайте! Займитесь заложниками, выпытывая у них тайну! Либо они скажут, где сокровища, либо пусть катятся в ад! Я буду ждать сообщения о сокровищах! Прочь с моих глаз!

Он кричал так, что сбежались с постов все часовые. Мануэль и Фернандо поспешили удалиться с глаз своего начальника, вскочили на своих коней и выехали на самом быстром аллюре из города.

ЕСЛИ МОЙ БРАТ НЕСПРАВЕДЛИВ...

Фернандо ехал с мрачными мыслями. Что же теперь будет? Чибчи ничего не скажут и станут жертвами палача. И ведь все они надеются на меня. О Боже, что же мне делать? Может быть, попробовать поговорить с Мануэлем? Он наверняка отпустит Аиту. Теперь, когда он стал начальником, он снисходительней относится к поступкам своего прежнего товарища по трюму каравеллы. Иногда он проявляет даже благожелательность, и его будет трудно уговорить отпустить девушку. Но что за жизнь у него будет? Нет! Это мысли жалкого труса!

Фернандо догнал своего спутника и молча некоторое время скакал с ним рядом. Послеполуденное солнце отбрасывало их тени перед ними.

— Мануэль!

— Что тебе, черт возьми!

— Ты так и будешь уничтожать всех заложников, не в драке, а так просто, по очереди, после пыток?

— Мне так приказано делать.

— Ну, это было приказано в припадке ярости.

Мануэль натянул поводья.

— Что ты, собственно, хочешь? — спросил он, недоумевая.

— Я хочу, чтобы ты не совершал этого массового убийства ни в чем не повинных людей.

Мануэль, приостановив коня, сказал совершенно спокойно, как своему другу, находящемуся в глубоком заблуждении:

— Я думал, что твое увлечение индейцами постепенно пройдет. Над тобой же все смеялись, когда ты пытался болтать на языке дикарей, удивлялись, что ты подпал под пагубное влияние этого коричневого шпидона.

— Что ты говоришь? — спросил Фернандо, сразу охрипев. — Влияние коричневого шпиона? Как это надо понимать?

— Я думал, что тебе же будет лучше, если Чима, этот проныра, окажется под землей.

— Ты что, в этой злобной затее принимал какое-то участие?

— Его обезвредили, мой дорогой, для твоей же пользы. Я приказал, и часовые были достаточно ловкими и исполнительными. Имело ли смысл из-за этого поднимать шум? Я думаю, что так-то для тебя же лучше!

— Убийца! — закричал Фернандо. — Убийца!

Мануэль рассмеялся во все горло.

Не помня себя, Фернандо выхватил меч из ножен.

— Препоручи свою душу на суд всевышнему, перед которым ты будешь держать ответ за свои злодеяния! — воскликнул он и в дикой ярости бросился на Мануэля. Теперь уже ничто не могло его остановить.

Они боролись ожесточенно. Сталь ударяла сталь, кони хрипели от неимоверного напряжения в этой стычке не на жизнь, а на смерть.

Поединок грозил продолжаться долго. Однако Фернандо стремился в нем окончательно разрешить все свои мучительные проблемы. Поэтому ни на мгновение не прерывал своего яростного наступательного нажима, и в один из моментов меч Фернандо в конце концов на смерть поразил противника, проткнув его незащищенную шею. С предсмертным хрипом и выпученными глазами Мануэль свалился с коня на изрытую копытами землю.

— Господи, отец наш...

Нет! Для молитв нет времени!

Оттащил тело Мануэля в кусты, набросал на него камни и землю, тщательно присыпав следы крови, вскочил на коня и поспешил дальше со вторым конем в поводу.

В развалинах какой-то усадьбы он оставил лошадь Мануэля, крепко-накрепко привязав ее к столбу.

День уже клонился к вечеру, высоко в небе кружил коршун.

Лейтенант понесся вперед, не щадя коня. Еще сегодня он должен успеть многое сделать. Мозг напряженно работал. Прежде всего, необходимо как можно быстрее отправить из города всех кавалеристов. Но ни в коем случае не в Фунцу, поскольку куда все очень быстро откроется. Их надо послать куда-то в другое место. Но куда? Во что эти люди безогляднее и быстрее поверят?

Наверно, следует сообщить, что сокровища уже найдены и пехотинцы уже принялись их растаскивать. Это сильно раззадорит их схватить свою долю в этом грабеже! Они, без сомнения, сломя голову бросятся в дорогу, не смотря на надвигающуюся ночь.

— Где вахмистр? — закричал он, как только въехал в Муэжвету. Солдаты повели его в штаб. — Ура, — воскликнул он, улыбаясь, как бы от большого удовлетворения, — сокровища найдены! Все богатства Индии, добытые до сих пор, бледнеют перед этими ценностями!

— Где, где? — набросились на него с вопросами.

— В соляных копиях в Ципаквире! Фагуакундур проболтался. Пехотинцы скорым маршем выступили туда во главе с Кесадой и Мануэлем. Готовьтесь в дорогу, чтобы не опоздать. А мне приказано вернуться в Фунцу. — И он повернулся, якобы торопясь в обратный путь.

— А заложники? — воскликнул вслед ему вахмистр.

— Отпустить на свободу! Чего их держать? Всех немедленно отпустить!

В расположенных поблизости руинах он спрятался, чтобы выждать и посмотреть, что за этим последует. Кавалеристы с поспешностью оседлали коней, уложили добычу и наконец собрались возле штаба.

Вахмистр не успел дать команду, как всадники уже вскочили из городка и помчались галопом в темноту ночи. На небе засверкали первые звезды.

Завтра они будут в Ципаквире, размышляя Фернандо, несколько часов бессмысленно просуетятся там и наконец возвратятся сюда или бросятся в Фунцу, куда попадут не раньше послезавтра. Вот тогда они и кинутся по моему следу. Значит, в моем распоряжении всего два дня и две ночи!

Когда он приближался верхом на коне ко дворцу, ему стали попадаться первые индейцы. Он постарался быстрее разыскать Саквесакигуа.

— Ципа, — сказал он, — известно, что волк — большой сильный зверь, с которым мало кто может справиться. Однако змея может его победить, перехитрив. Я послал белых всадников по фальшивому следу. Они поехали в Ципаквиру искать в соляных шахтах ваши сокровища. Надо

воспользоваться отсутствием испанцев и в эту же ночь уйти в горы, тем более что белый военачальник дал приказ всех непременно подвергнуть пыткам, чтобы выведать тайну нахождения сокровищ, а потом уничтожить. Мой брат Чима отомщен, и я отныне хочу жить с вами.

Он опустил голову, но Саквесакигуа положил руку ему на плечо.

— Цакве, мы последуем твоему совету, и ты пойдешь с нами.

Он обнял Фернандо.

Вскоре появилась и Аита, завернувшаяся в накидку и готовая в путь. Она несла на плече узел с вещами и глиняный сосуд на голове, прекрасная, как античная статуя. Она поцеловала своего дорогого воина. Но теперь было не до признаний в любви.

Чибчи быстро собрали остатки своего имущества и, выстроившись в длинный ряд, ожидали подхода воинов, которые должны были вынести тело убитого цины Тисквесусы.

Но вот тихо зазвучали барабаны и появились воины с носилками на плечах, где в продолговатом ящике лежало тело Тисквесусы в пропитанном бальзамами белом покрывале. За гробом шли его жена, дети, племянники и племянницы, вельможи свиты. Шли десятки людей. Молча проходили мимо белого человека на коне и Аиты. Вереница индейцев, не мешкая, направилась в горы. Фернандо, замыкая шествие, как бы охранял исход сыновей и дочерей этой страны.

За Муэжветой круто поднимались Кордильеры. Из одного из ущелий вытекал небольшой горный поток, образующий очень узкий выход в долину. В это ущелье и устремились чибчи.

Здесь Фернандо пришлось распрощаться с конем. Он снял с него седло и уздечку, седельные сумки повесил через плечо, а все остальное бросил в горный ручей. Не легко далось это расставание с конем, он долго поглаживал его шею, громко разговаривал и наконец прижался щекой к гриве.

— Мой верный конь, надежный спутник. Прощай! Пусть тебя поймает какой-нибудь бедный земледелец, и ты станешь родоначальником лошадиного племени в этой чужой стране. Иди!

Наконец он хлопнул животное по спине, но конь, сделав несколько шагов, остановился и долго еще смотрел вслед хозяину, исчезающему в мрачном сумраке расселины. Через некоторое время Фернандо услышал его далекое ржание, как последний прощальный привет.

Только утром они добрались до перевала через Кордильеры. Дул холодный порывистый ветер. По ту сторону гор растлались зеленые плоскогорья, а позади в дымке постепенно скрывалась долина Муэжветы. Над туманной пеленой поднимались к небу дымовые хвосты, где горели деревни и поселки.

Потом они торопливо двинулись дальше. Покачиваясь, вперед двигались носилки с телом цины, и барабаны продолжали заунывную песню. Люди шли молча, в арьергарде — белый уцакве со своей девушкой. Он часто останавливался и с тревогой поглядывал назад, но, наверное, их еще не хватало.

Спустившись с отрогов хребта, они направились к реке Цаквеца. Дорога в скалах была очень плохой, но они торопились, стараясь выйти к реке еще до наступления ночи. У самой воды зажгли костры, и беглецы, завернувшись в плащи и покрывала, заснули после пережитых волнений крепким сном.

На рассвете снова раздался заунывный барабанный бой. Люди немного перекусили, взяли свои узлы и снова зашагали. Немного отставшие воины тщательно скрыли следы ночного лагеря. Они побросали в реку золу и обугленные остатки костров, разровняли землю, засыпали кострища.

Бесчисленные малые горные отроги окружали подходы к главному хребту Кордильер с рядом снежных вершин, на которые было жутко смотреть. Не зная дороги, здесь ничего не стоило сорваться в пропасть, замерзнуть или погибнуть от голода. Вскоре пошли пустынные, негостеприимные плоскогорья, покрытые болотами и мрачными озерами с редким тростником и полусгнившей травой по берегам. Попадались деревья — коряги с растрепанными, полусохшими кронами, громадными зонтами свешивавшимися со стволов.

Почти безжизненная мрачная страна Парамос, холодная и однообразная, оказалась довольно населенной животным миром. На озерах попадались утки и хохлатые водоплавающие, в траве копошились какие-то маленькие зверьки

рода грызунов, вдалеке иногда виднелись тапиры, а в воздухе, как бабочки, порхали пестрые колибри.

Тихо покачивался впереди на носилках мертвый ципа, барабаны не прерывали свой заунывный напев, один за другим люди двигались вперед, а белый человек, замыкая эту печальную походную цепочку, не разлучался с Аитой, мужественно шагавшей со своей поклажей.

Следующую ночь чибчи уже ночевали на холодном Парамосе. Звезды мерцали в небе, дул не переставая ветер, шумя в высохшей листве редких деревьев. Где-то вдали рычали пумы, но их никто не боялся, ибо известно, что они на людей не нападают.

Фернандо долго не мог заснуть. Он обдумывал разные варианты преследования их конкистадорами и возможности отпора, если они их настигнут. Ясно было также, что только с собаками конкистадоры могли напасть на след скрывшихся заложников.

Наверно, уже обнаружили, что заложники сбежали. Теперь, надо думать, Кесада устраивает всем разнос, а его офицеры чешут в затылках. Но ночью, разумеется, никто не решится преследовать их в горах. Никто ведь толком не знает этой страны. На крутых горных склонах один неверный шаг, и любой преследователь полетит в пропасть в бушующий горный поток. Однако, когда станет светло, преследователи, как злобные хищники, кинутся в погоню. Хватило бы только выигрывать во времени.

У него на руках спала Аита, свернувшись калачиком, как малое дитя. Он с нежностью прислушивался к ее ровному дыханию.

Девушка моя! Что я только для тебя не сделаю, размышлял Фернандо. Ты моя любовь и мое счастье, даже если ты можешь только выращивать маис и печь лепешки, как говорил проклятый Мануэль. Мне ничего больше не нужно. Ты не знаешь мира, будь счастлива этим, ибо мир во многом управляется только золотом и страхом перед всякими лишениями и несчастьями.

Над покрытой туманом древней долиной восток озарился лучами нового наступающего дня. И тут же беглецы — и старый, и малый — очнулись от сна. Они торопились как можно дальше уйти от врагов, хотя и намного опередили возможных преследователей.

Наконец беглецы спустились в долину реки Черная Вода. Они шли, преодолевая сплошные заросли кустарников и низкорослых деревьев на отрогах горных хребтов, переправлялись через многочисленные ручьи и реки, иной раз карабкались по почти отвесным склонам. Оттуда, где проносили носилки с убитым ципой, беспрерывно доносился однотонный перестук барабанов. Молча и уныло продвигалось вперед это печальное шествие изгнанников, покинувших свою родину.

Там, где дорога, пройдя по склону горы, привела к истоку небольшой речки, колонна остановилась, и через некоторое время к Фернандо подошел Саквесаксигуа.

— Пойдем со мной, друг убитого Чима. Ты теперь чибча-уапке, я тебе открою нашу тайну.

Они прошли немного вверх по течению ручья и достигли довольно глубокой ниши в почти отвесном склоне, скрытой густо разросшимся кустарником. В руке у ципы появился горящий факел, пламя которого колебалось душинами из подземелья холодными струями воздуха.

— Теперь туда. — Он указал факелом на вход в пещеру.

Вход в пещеру был довольно узким, а почва рыхлой и влажной. Вокруг носились легкие мыши. Наконец тесный проход в горе привел в большой подземный зал, где в свете факела Фернандо с трудом разглядел множество разных вещей: на сколько хватал глаз вся пещера была уставлена и завалена разной формы сосудами, различными одеяниями, ящиками, узлами, украшениями из перьев и мехов, шкурами диких животных и многочисленными изделиями из золота.

Здесь, стало быть, лежало легендарное богатство ципы и народа чибча, сокровища Эльдорадо, сведения о которых дошли до далекой Испании. Однако все это богатство выглядело несколько не так, как представляло его себе большинство испанцев, ибо здесь наряду с бесценными изделиями из благородных металлов, драгоценными камнями лежало много такого, что, с точки зрения конкистадоров, не представляло никакой ценности.

Фернандо и Саквесаксигуа молчали. Факел потрескивал, кое-где с потолка ритмично падали капли воды.

— Все это теперь принадлежит мне, — сказал Сакве-

саксигуа скорее печально, чем гордо. — Умерший ципа пойдет в озеро, а я появлюсь из озера, как новый ципа, кадик без страны и народа. Блеск золота привел нас к несчастью, он привлек белых людей в нашу страну. Они пришли, чтобы отнять у нас сокровища. Но они их не получили. Убийцы, нарушители слова не могут быть награждены этими ценностями. Многие вещи мы возьмем с собой, они нам пригодятся. А золото должно принадлежать мертвому ципе, это будет прощальная дань ему от побежденного народа. Завтра, — продолжал Саквесаксигуа, — мы все это унесем вниз, в зеленую лесную долину, где подыщем себе новое место обитания. Сокровища же пойдут вместе с телом ципы в воду, на дно озера. К сожалению, это только малый остаток того, что было в храмах и дворцах и у людей. Пойдем отсюда!

Фернандо медленно шел за ципой. Так вот как выглядят в действительности сокровища Эльдорадо! Чтобы добыть эти орудия ручного труда и оружие с каменными наконечниками, чтобы завоевать эти птичьи перья и куски меди, испанцы, можно сказать, почти полностью уничтожили целый индейский народ. И он, Фернандо, в этом тоже принял участие! Его пробрала дрожь. На моем мече тоже кровь ни в чем не повинных индейцев, я же был одним из самых рьяных в борьбе за интересы императора и святой церкви! Боже праведный! В чем я провинился перед тобой...

Когда ранним утром он открыл глаза, Аита уже куда-то исчезла. На привале господствовала редкая у индейцев суматоха. Чибчи приходили и уходили куда-то, факелы светились сквозь предутренний сумрак. Наконец он понял: сокровища отправлялись в дорогу, может быть, в последний путь. Тут он увидел Аиту, тащившую что-то тяжелое. Он хотел было помочь ей, но она наотрез отказалась от его помощи и буквально умолила его дать ей возможность трудиться вместе со всеми. Очевидно, эта работа расценивалась как важнейшая культовая обязанность, являвшаяся делом чести. Но он все-таки старался поддерживать ее груз со стороны опасного края дороги, взяв на себя почти всю его тяжесть. Но вот колонна разделалась, и раздался тихие голоса распорядителей.

К тому времени туман уже рассеялся, и он увидел носильщиков, собравшихся под кручей у самой воды и загружавших легкие лодки, которые должны были потом поплыть вниз по течению Черной Воды. Тело ципы тоже положили в одну из лодок из цельного ствола дерева, со слегка приподнятым носом и кормой. У воды Фернандо разглядел каких-то чужих индейцев, оказывавших мертвому владельцу всяческие почести. Это им принадлежали лодки.

Люди с кладью все подходили и подходили к реке, и быстро загружавшиеся лодки одна за другой отплывали от берега. Наконец колонна берегом реки двинулась по тропе в путь. Барабаны молчали, ибо мертвый ципа уплыл по Черной реке.

На противоположном берегу темнел лес. Постепенно становилось теплее, они спускались в глубокую впадину, в огромную восточную речную долину, где господствуют непроходимые леса и изнурительная влажная тропическая жара. Однако в мрачном сумраке лесных дебрей попадались вполне пригодные для обитания островки плодородных почв на горных склонах, которые, хотя и не очень, напоминали их родные места.

Где-то там лежала цель их похода.

ЭЛЬДОРАДО

Начавшийся девственный лес изобилует такими же бархатными лужайками, как в долине Рио-Магдалены. Тогда с ним был Чима, помогавший во многих опасных ситуациях. А теперь с ним рядом шла легкая, стройная, любимая Аита, ни одним словом не жалующаяся на слишком долгую дорогу или на тяжелую ношу.

Густые дебри внезапно кончились, горные склоны раздвинулись, и они увидели широкую долину, окрашенную в синеватые тона. Это была восточная часть долины великого потока.

К залюбовавшемуся открывшимся его взору ландшафтом Фернандо подошел Саквесаксигуа с индейцем какого-то чужого племени.

— Получено очень странное сообщение, — сказал он Фернандо. — Приближается отряд белых людей.

Лейтенант был потрясен.

— Они так быстро нас догнали? — спросил он взволнованно.

Чибча покачал головой.

— Нет. Они идут не с той стороны, они идут с востока, от реки Мета.

— Это невероятно! Так могло произойти лишь в том случае, если бы они вышли из Муэзкветы значительно раньше нас. Ты, наверно, неправильно понял сообщение.

Саквесаксигу пожал плечами. Но тут пришедший с ним индеец подошел ближе.

— Белые люди идут от моря, — сказал он медленно и убежденно, — они движутся от большого города, называемого Коро. Они едут на больших животных и имеют оружие, вызывающее гром.

— Ты знаешь имя военачальника, который руководит этими людьми?

— Его имя очень плохо запоминается, особенное какое-то имя...

— Кесада? — не скрывая напряжения, спросил Фернандо. Индеец отрицательно покачал головой.

— Фе-де-дер-ма-манн, Федерманн, — наконец с трудом выговорил он. — Он, говорят, ищет золото великого кацика, властителя горной страны.

— Возможно ли, чтобы еще одна экспедиция предприняла поход в горы? — озадаченно проговорил Фернандо. — Сведения индейца говорят именно об этом. Нам надо быть очень осторожными. Нельзя двигаться им навстречу. Надо нам повернуть в сторону.

— Скажи, как далеко отсюда эти белые люди? — спросил Саквесаксигу чужого индейца.

— На расстоянии нескольких дней пути.

— Хорошо, тогда мы пойдем на юг, вдоль подножия горного хребта.

Пришлось разгрузить лодки, ждавшие их у берега, и равномерно разделить тяжелый груз между участниками похода. Лодочники отправились обратно вверх по реке. Они должны были у слияния Черной и Белой рек еще раз проверить, не остались ли там следы беглецов, и затем тщательно спрятать лодки, чтобы вражеские солдаты не смогли ими воспользоваться.

Теперь опять раздавалась барабанная дробь, и впереди колонны покачивались носилки с телом ципы, а за ними шли воины, жены ципы, жрецы, вельможи, женщины и все остальные. У всех на лбу виднелась специальная повязка, на которой сзади висел груз. Никто не ворчал, так же как и белый человек, тащивший свою ношу наряду со всеми.

Таким образом, чибчи переселились теперь на юг. Издавка доносилась голоса бегущих лягушек, слышалось рычание хищных кошек. Однако индейцы шли совершенно спокойно, они были в своей стихии. Своими стрелами, пущенными из тростниковой трубочки, они довольно легко поражали даже самое быстрое животное, легко пробивая кожу и мех, несмотря на каменные наконечники.

Поход на юг проходил без потерь.

Тем временем собаки конкистадоров взяли след. Лейтенант Романо вел свою группу осторожно и разумно. Вскоре испанцы обнаружили место первого ночного привала чибчей, хотя те тщательно старались замести следы, преодолели с большими трудностями все крутые подъемы и головокружительные участки тропы над пропастями и бушующими горными потоками и вышли на пустынное горное плато Парамос. Здесь они без особого труда нашли явные следы беглецов. Однако за двое последующих суток испанцы не увидели ни одной живой души. К тому же они все-таки продигались существенно медленнее индейцев, уходивших от них, сказались усталость и чрезмерное напряжение.

Через несколько дней дорога вывела их в долину Черной реки.

Следы подтверждали, что в том и другом направлениях пошло множество людей. Решили соорудить небольшой форпост, откуда в обоих направлениях отправить разведчиков.

Один из скальных выступов они окружили оградой из сучьев и веток, поставили легкую палатку и рассредоточили по периметру поста укрытия для стрелков. Но не прошло и часу, как солдаты, отправившиеся по следу в боковую долину горной реки, возбужденные вернулись обратно. Следы вывели ко входу в какую-то пещеру! Они побоялись без факелов и сопровождения идти в это подземелье.

Лейтенант, оставив только несколько человек на форпосте, бросился с остальными к пещере.

Без сомнения, здесь и спрятались беглецы. Одно было, однако, не совсем понятно, почему у входа в подземелье не оказалось часового. Может быть, эта щель только начало сильно разветвленного лабиринта, в котором любой преследователь наверняка безнадежно запутается?

Преследователи пролезли через расселину, держа в руках заряженные аркебузы. Смоляные ветки, захваченные ими с собой, горели, потрескивая, в их мигающем све-

те вокруг людей носились потревоженные летучие мыши, тени жуткого сумрака обволакивали их сердца страхом. Вскоре они проникли в громадный подземный зал, главную часть пещеры, но там тоже не было ни души. Кругом валялась какой-то хлам: обрывки одежды и украшений из перьев, ключья шкур, поломанное индейское оружие. Однако кое-где поблескивали яркие искорки. Порывшись в тряпье, они нашли золотой браслет, памятку золотую чашу, несколько драгоценных камней и поломанных золотых амулетов.

— Сокровища хранились именно здесь, но они исчезли! — простонал лейтенант Романо. Конкистадоры тупо уставились на жалкие остатки несметных сокровищ Эльдорадо. Из темноты доносился звук падающих с потолка капель. — Этот языческий сброд утащил все сокровища, побросав здесь никому не нужный мусор.

Лейтенант Романо вытер пот со лба. Как в них разыгралась жажда богатства! Теперь нам надо быть попроворней, и мы их догоним, добудем золото, и наш поход в страну Эльдорадо увенчается полным успехом!

Но тут они обнаружили на берегу реки следы лодок на прибрежном песке и глубокие отпечатки множества человеческих ног... Неужели все кончено!.. Они уплыли со своим золотом. Но ведь много людей пошло по берегу реки, по узким тропинкам на склонах холмов и вязких береговых отмелях. И испанцы не прекратили преследования.

Когда они через пару дней подошли к месту слияния Черной и Белой рек, то увидели людей. К ним приближалось около дюжины человек и во главе... их изумлению не было предела — во главе со всадником на коне. Что это значит? Навстречу им торопился вооруженный отряд незнакомых белых людей!

Не менее, чем лейтенант Романо и его стрелки, были изумлены и те, другие. Онемев от неожиданности, приблизились они друг к другу. Возглавляющий группу всадник поднял в приветствии руку.

— Вы смотрите на нас с изумлением. Европейцы в глубине дикого края? Откуда вы пришли, друзья?

— Лейтенант Романо из экспедиции главнокомандующего сеньора Кесады.

— Лейтенант Фигорелло с головным отрядом командующего Федерманна из Венесуэлы, из Коро.

— И куда же вы двигаетесь, господа, разрешите вас спросить?

— Мы ищем страну Эльдорадо и сокровища индейского короля в горах.

— Вы прибыли слишком поздно, лейтенант. Главнокомандующий Кесада уже восседает в Эльдорадо, победив и предав смерти короля этой страны.

— А сокровища?!

— Сокровища? — Романо посмотрел на своих людей. — Они в наших руках, — добавил он с наигранным достоинством.

Вновь прибывшие ошалело смотрели друг на друга. — Дьявол и преисподняя! — выругался чужой всадник. — Не думайте, что Федерманн со своими ребятами уйдет отсюда просто так, как школьник, после того, как его отряд прошел через леса и болота, через горы и реки, стремясь в эту горную страну.

— Но сеньор Кесада имеет императорские полномочия.

— Наш командующий имеет не меньшие полномочия. Он прибыл сюда в соответствии с указом о колонизации Венесуэлы и следует за моим отрядом на расстоянии двух дней пешего хода. Нас полторы сотни хорошо вооруженных всадников и пехотинцев.

— Вы что, хотите с нами воевать? — спросил Романо, несколько поразившись столь пространному сообщению Фигорелло.

— Да нет, что вы. Я считаю, что ваш главнокомандующий, видимо, выиграл состязание, и ему может быть отдана пальма первенства. В то же время мы хотим иметь какую-то часть добычи и славы, если не полюбовно, то как-нибудь иначе.

После этого не совсем обычного разговора они разделились. Лейтенант Романо с кесадовцами остался на этом берегу, а вновь появившиеся здесь их соотечественники — на другом. Их разделяла Белая река, ставшая теперь естественной границей зон влияния двух испанских отрядов.

В обеих группах, естественно, без конца теперь велись разговоры по поводу этой новой сложной ситуации.

— Мы не можем двигаться дальше, друзья, — сказал спутникам лейтенант Романо. — Если мы пропустим чужаков, спрятавшись где-нибудь в горах, то они могут наскок на нашего командующего совершенно неожиданно. Что толку от сокровищ, которыми мы почти уже завладели,

если за спиной у нас будет этот сильный отряд, пришедший сюда для того, чтобы отыскать эти богатства? Они, без всякого сомнения, просто будут охотиться за нами. Я думаю, что нам надо срочно двигаться обратно и предупредить обо всем этом Кесаду.

— Ну да, и если мы через несколько недель вернемся, то непогода уже уничтожит все следы, и заложники уйдут из этой страны в неизвестность.

— Конечно, конечно! — Лейтенант наморщил лоб, с этим невозможно было спорить. — Но может быть и так, что Фердманн и его люди заподозрят нас в желании оставить их с носом, и тогда все было бы напрасным. Нет, только не потерять по глупости все то, что мы уже почти захватили. Смотрите, никому ни слова о сокровищах, о пещере и всем том, что мы установили. Поэтому надо спешить назад через горы еще этой ночью. Самые быстрые из нас пусть уходят вперед на случай, если чуяки успеют захватить нас, как знатоков дороги в горную страну.

На песчаном берегу одного из озер беглецы сделали привал. Солнце, поднявшись над верхушками деревьев окружавшего леса, отражалось в зеркале воды и освещало коричневокожих людей, расположившихся на берегу, поблескивало на золотой утвари, разложенной тут же.

Барабаны теперь звучали печальней, от маленьких, пособому разложенных костров поднимался ароматный дымок. На берегу озера лежал наготове небольшой плот, весь покрытый золотыми пластинками. На него установили носилки с телом цыпи Тисквесусы. Все покровы ритуального сооружения были усеяны драгоценностями, в ушах, носу и на губах цыпы видны были сверкающие на солнце золотые кольца.

Жрецы пели какие-то заунывные заклинания. Тут же на берегу сидели все участники церемонии, накрытые рыболовными сетями, символизирующими траур, ибо вода для чибчей являлась как бы началом и концом жизни.

Фернандо сидел рядом с Аитой и с неослабеваемым вниманием следил за ходом церемонии. Наряду с печалью траурной церемонии он чувствовал себя сегодня легко и спокойно, поскольку с остатками этого бездушного золота, уходящего на дно озера, исчезнут не только горькие воспоминания о бессмысленно пролитой крови, но также тревожное беспокойство о все новых преследованиях. Им с Аитой вместе со своими соплеменниками предстояло обживать новые места: возделывать поля, собирать плоды и фрукты, охотиться и рыбачить, строить дома и проводить дороги, заботясь о благосостоянии своего народа. Фернандо решил перековать свои латы на ножи и лопаты. Аита будет прясть и ткать, заботиться о пище. У них будут друзья, а потом в их семье появятся дети, много детей, и Фернандо будет их воспитывать и учить всему хорошему, что известно ему самому. Он также расскажет им об Испании, об императоре и инквизиции, о людской жажде власти и золота, чтобы они не потворствовали проявлениям алчности и ненависти и не забывали учиться метко стрелять и хорошо воевать. В сердце Фернандо и Аиты жила надежда, что побежденный униженный народ когда-нибудь вновь станет богатым и счастливым. Перестук барабанов постепенно усилился, теперь уже пели не только жрецы, пели все. Плот с Тисквесусой медленно поплыл от берега. В едином порыве люди подняли руки, как бы посылая последний привет своему погибшему цыпе. Раздался многоголосый печальный вскрик, когда плот, достигнув почти середины озера, умышленными гребцов вдруг распался на две половины, и носилки, утяжеленные грузом камней, на мгновение задержавшись на поверхности воды, быстро исчезли в водовороте, а с ними вместе и все сокровища, о которых в этом безумном мире ходят легенды. Две половинки плота куда-то пропали из поля зрения, вода в месте исчезновения сокровищ и тела цыпы постепенно успокоилась, укрыв собой тайну богатств Эльдорадо.

Через несколько минут из легкого шатра, сооруженного

на опушке леса, вышел Саквесаксигуа. Он прошел через расступившуюся перед ним толпу. Его голое тело было в несколько слоев покрыто золотой пылью и золотыми пластинками. Медленно шагая, он приблизился, ни на кого не глядя, к озеру и вошел в воду. Вода постепенно скрывала его ноги, бедра, грудь и наконец сомкнулась над его головой и поднятыми вверх руками. Было так тихо, что казалось, даже ветер перестал шелестеть тростником и листьями деревьев. Прошло несколько мгновений, и новый, вновь рожденный цыпа появился из воды. Все покрывавшее его золото тоже пошло на дно озера. Барабаны выстукивали теперь радостные, жизнеутверждающие ритмы. Толпа чибчей ликовала, хотя головы их были опущены, поскольку из воды появился богоподобный цыпа, в глаза которого никто не смел смотреть.

Две молоденькие девушки укутали его в прелестное покрывало и возложили на его голову ритуальный венок.

— Братья, — торжественно, звонким голосом произнес Саквесаксигуа, — поднимите свой глаза и посмотрите на меня. Я не божество, я просто цыпа маленького народа, и взгляд мой никого не уничтожает.

Все чибчи вскочили, скинули с себя рыболовные сети, окружили со всех сторон своего нового цыпу и, ликуя, буквально засыпали его прекрасными цветами.

Прошло немного времени, и на берег к самой воде вышли Аита и Фернандо. Встав на колени, они замерли в почтительном ожидании. Медленно подошедший к ним верховный жрец окропил их водой из озера, освящая их сохос. И теперь, с этой минуты, коричневокожая индейка Аита и белокожий испанец Фернандо стали мужем и женой.

Забыв обо всем, наши новобрачные замерли в глубоком поклоне, тайно, в душе горячо моля судьбу о светлом счастливым будущем. Но вот к ним подошел Саквесаксигуа, их окружили соплеменники, выражая искреннюю радость. В их большую семью вошел сильный, справедливый, хороший белый человек, который, как известно, был братом Чимы и оказалась основным спасителем народа чибча в кровавой борьбе с завоевателями.

Фернандо поцеловал свою жену на глазах всех окружающих.

А барабаны продолжали отбивать радостные ритмы новой жизни.

Легенда об Эльдорадо, о золотом вожде, вместе со своими сокровищами покоящемся на дне таинственного озера, пережила века и постепенно из дремучих девственных лесов Южной Америки дошла до золотоискателей и авантюристов всего мира. До сих пор она волнует умы, но никому еще не удалось отыскать эти легендарные сокровища маленького индейского народа, когда-то счастливым жившего высоко в Кордильерах. Это не удалось испанцам и никому после них.

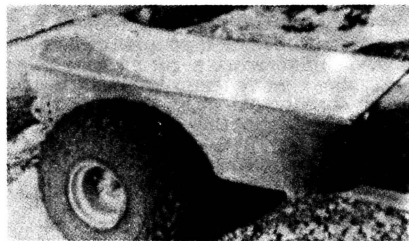
Кесада долгие годы вел судебную тяжбу за право называться основателем Новой Гранады. В конце концов он все-таки был утвержден наместником испанского короля в этой стране. Тяжелое время началось для оставшихся в живых чибчей. Многие тысячи из них оказались в рудниках и на строительстве металлоплавильных заводов.

В Новой Гранаде индейцы многие годы жили в условиях бесправия и нищеты. Но борьба против испанского владычества шла непрерывно, пока в 1810 - 1830 годах не разгорелся пожар национально-освободительной войны, в результате которой индейцы, африканские рабы, метисы и мулаты обрели независимость в стране, которая в настоящее время называется Колумбией.

Большая, высокоразвитая культура исчезла. Там, где стоял храм в Суамоксе, остались руины, и как свидетельство о прошлом лежат круглые отшлифованные каменные плиты. В музеях страны можно увидеть предметы утвари и украшения, изготовленные когда-то руками чибчей, даже в католических кирхах кое-где можно увидеть языческие символы веры прошлых веков, висящие на христианских алтарях.

Перевел с немецкого Р.ТЕДЕР

* * * Турист ВС * * *				
Страна	Место, время, *	Стоимость	Телефон	Фирма
Греция	Афины 2 дн., море 5 дн., п/п, авиа	230\$+а/6+виза	290 07 82	Валантекс
Ч/м круизы	Турция, Греция, Кипр, Италия, Израиль	900 - 1600\$	290 07 82	Валантекс
Югославия	Белград, 7 дн., п/п, авиа	350 - 480\$	290 07 82	Валантекс
Стоимость одной строки 30'000 рублей (с учетом НДС и спецналога)				
Рубричную и модульную рекламу в журнале можно заказать по телефону 285 89 85				

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ВАННА?

Странный вопрос. Конечно, для того, чтобы купаться. А вот и не только. Если головой поработать, из нее можно сделать и еще кое-что. К примеру, средство передвижения. Именно его соорудил Джон Рибсон, житель поселка Педро-Бей, расположенного на побережье Аляски. Нужна ему была самодвижущаяся тележка, а под рукой — только старые автомобильные колеса да ось. И вдруг идет он мимо местной школы и видит выброшенную после ремонта ванну. Приделал колеса, поставил мотор. И теперь Рибсон носит ее по поселку, вызывая улыбку на лицах прохожих. Можно улыбаться, конечно, но самодвижущаяся ванна отлично выполняет свои функции: возит дрова и все прочее, что можно и нужно перевезти.

Из школы между тем решили не выбрасывать унитазы: их отдадут Рибсону. Вдруг еще что придумает?

НЕ МЕШАЙ ДОЖДЮ!

Восемь жителей деревни Бутута Касегани, что на юго-востоке Кении, арестованы односельчанами за... задержку дождей. Виновенное им необычное преступление не подпадает ни под один известный в мире уголовный кодекс.

Длительное время в деревне не выпадало ни капли дождя, погиб урожай, пересохли колодцы. Селяне собрались на сход и стали обсуждать, чем они прогневили небо. Выяснилось, что вроде бы ничего плохого и не сделали. Значит, речь идет о «дурном глазе», единодушно решили мужчины. И тогда отрядили гонца в соседний район за мистром Барабарой Мумбо, знаменитым на всю округу охотником на колдунов. Причем специализируется мистер Мумбо именно на происках «удержателей дождя». И скоро восемь подозреваемых оказались под замком, а жители, позабыв о своих делах, пустились в пляс. Магический.

Учитывая, что охотника на дождевых колдунов пригласили с разрешения местного начальства, да и случай получил огласку, дело вряд ли дойдет до самосуда. Скорее всего виновные получат срок за «обычное колдовство» и посидят некоторое время под стражей. Срок за это — как за мелкое хулиганство.

РЫБА В ЗАКОНЕ

В Австралии — паника. Радио и телевидение передают сообщения о надвигающейся катастрофе. Нет, речь не о стихии, не о политике. Причиной переполоха стали попавшие в страну контрабандой 86 «красных змееголовов». Это не левые экстремисты, а всего-навсего — пресноводные рыбки, обитающие в Юго-Восточной Азии. Правда, очень хищные. Опасны они, по мнению специалистов, тем, что, попав в австралийские воды, могут в считанные часы уничтожить всех своих местных собратьев по зооклассу.

Пока что полицейскими и таможенными службами обнаружено 25 бандиток. Розыск продолжается...

РАСКОЛИТЕ ОРЕХ ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ

Едва первая звезда загорится на вечернем небе, чеки расслаживаются за празднично накрытым столом. (Другие тоже садятся, но наш рассказ — о чехах.) Хозяйка проверяет, не забыла ли она положить на скатерть немного сена или соломы: иначе будущий год может оказаться неурожайным. Ножи стола обвязывают веревкой или лентой, чтобы вся семья круглый год оставалась неразлучной.

Праздничное меню должно состоять по возможности из нечетного количества блюд с обязательным карпом. Соблюдение этого условия поможет защитить дом от бед и напастей. Что же касается сидящих за столом, то их число должно быть четным.

Трапеза проходит в полной тишине. Кто нарушит молчание или, того хуже, встанет из-за стола, рискует навлечь на себя большое несчастье. Правда, перерыв предусмотрен: после звонка колокольчика все разбирают подарки, уложенные под елкой.

Скатерть после еды остается нетронутой и лежит до 26 декабря — дня св. Штепана. В этот день крошки и хлебные корки стряхивают со скатерти за забор — в подарок лесным зверям. А кости и рыбы скелеты развешивают в саду на плодовых деревьях.

Особенно трудно на Рождество приходится мужчинам: они должны зажать орех в кулак и расколоть его средним пальцем. Если удастся, то на целый год в доме воцарится мир и согласие.

НУ, КОМАР, ПОГОДИ!

Комары донимают везде, даже в районах, интенсивно освоенных промышленностью. Появились и новые их разновидности, приспособившиеся к новой экологии и к сырью подвалам. «Коммунальное общество действий по борьбе с комарами», организованное в Федеральных землях ФРГ Рейнланд-Пфальц и Баден-Вюртемберг, продолжает борьбу с комарами. «Оружием» стало крохотное существо, открытое в израильской пустыне Негев. Белковые вещества, вырабатываемые этим существом и пожираемые личинками комаров, разрушают их кишечные клетки (у них еще и кишки есть). Применение этого способа борьбы несложно. Нужно только распылять концентрат в содержание расплод комара воды. Большая часть личинок погибает за несколько часов. А кроме того, этот метод предпочтительнее химического — ведь окружающая среда и так испытывает переизбыток привнесенных человеком веществ.

БРАТ КУДА ДОРОЖЕ

Истинному коллекционеру хорошо знакомо чувство, когда, кажется, готов отдать самое сокровенное за предмет, какого тебе до сих пор не доставало. И поэтому вполне можно понять тех филателистов, которые в буквальном смысле слова устроили осаду дома некоего Дэна Писке в городе Бенд (штат Орегон). Жилище Писке стало местом паломничества после того, как он оказался обладателем очень редкого экземпляра марки стоимостью свыше миллиона долларов. Самому ему она досталась всего за 29 центов.

Дело в том, что по ошибке на марке оказался изображен не известный ковбой и звезда ридео Билл Пикетт, как написано на марке, а его куда менее именитый брат. Марка входит в серию, содержащую изображения 20 исторических героев Дикого Запада. Почтовая служба США обнаружила 10 бракованных комплектов и изъяла их. Вместо них планировалось отпечатать новые, с изображением настоящего Билла. Однако бракованные комплекты почему-то оказались проданными.

Дэн Писке случайно и купил такой комплект. Ну а когда выяснилось, какой раритет попал ему в руки, его телефон начал буквально разрываться на части. В конце концов бедному Писке пришлось отключить аппарат.

Данный случай — первая ошибка за всю историю существования почтовой службы США (147 лет). От этого — еще дороже.

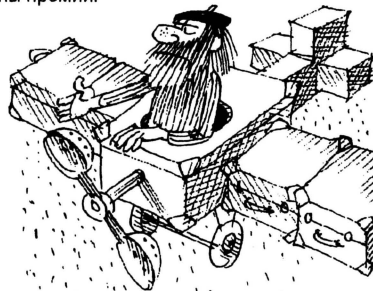
РИСУЙТЕ. ЧЕМ УГОДНО!

Британский художник Нил Бьюкенен серьезно утверждает, что может создать картину из любых подручных материалов, даже из картофельных очистков или старых газет.

Сам Бьюкенен уже не раз доказывал, что полет его фантазии не ограничен. Он соорудил 8-метровую модель авиалайнера из чемоданов и других вещей, которые могут оказаться под рукой курортника. Он нарисовал портрет Дракулы, используя исключительно толченый чеснок. Изваял скульптуру динозавра из земли и гравия, изготовил гигантский вертолет из птичьего корма.

Любимое произведение Нила, за которое он получил международную премию, — модель самолета, исполненная из спортивного инвентаря: роликовых ботинок, гантелей, лыж, клюшек и теннисных ракеток. «Картину может нарисовать каждый человек, используя любые материалы, нужна только вера в себя» — таково творческое кредо художника.

Не торопитесь выбрасывать старые вещи. Попробуйте сотворить из них что-то изящное и нетленное, например, создайте из картофельных очистков портрет ваших близких. Кто знает, может быть, вы будете удостоены премии.

«Я ЖДУ ПОЧТАЛЬОНА,

а он не спешит, а он заплутал!... Так мог бы сказать житель города Ираклион на греческом острове Крит. Долгих шесть лет он ждал по почте ответа от своей невесты. Любовное послание, которое было отправлено избраннику еще в июне 1987 года, только в декабре 1993-го преодолело расстояние до города Ханья, расположенного на том же острове — 145 километров! — и было вручено адресату.

За это время в жизни влюбленных произошли серьезные изменения — они поженились. Историческое письмо было доверено вскрыть их шестилетнему сыну. Он уже умеет читать. Почтовые служащие предпочли от-молчаться.

ОШЕЙНИК МОЛЧАНИЯ

Многие люди, вовсе не черствые и по-своему любящие животных, напрочь не выносят собачьего лая. Впрочем, и наша сверх-обильная стрессами жизнь не располагает к тому, чтобы не замечать раздражающего лая. Ну а соседский пес, подающий голос в неу-рочное время, и вовсе может вывести из равновесия.

Французская фирма «Динавет» приступила к выпуску собачьих ошейников, оста-навливающих лай.

Звук лая улавливается микрофоном, и из коробочки под ошейником выбрасывается струйка эфирного масла, запах которого на-поминает лимон. Собака от неожиданности замолкает и начинает принохиваться, гадая, откуда пахнет: «А где ж здесь лимончик?»

И пока не догадается — не залает. А до-гадается ох не скоро!

СПАСИТИ СТАРИНУ АРАПАИМУ

В реках Амазонии обитает одна из редчай-ших пресноводных рыб мира — гигантская арапаима. Пока обитает, хотя в наши дни ви-деть ее удается не часто. И лишь рыбаки вспо-минают, как гарпунили арапаим в 4,5 метра! Несчастье этой рыбы в том, что очень уж вкусное у нее мясо.

Бедная старая арапаима! Она и вправду стара как мир: это живое ископаемое, остав-шееся неизменным в течение 135 миллионов лет. Прожить так долго рыбе помог пузырь, прикрепленный к пищеводу. Он действует как легкое, позволяя рыбе существовать в застой-ных водах, заглывая воздух через каждые 10–15 минут.

Раньше было принято бить только круп-ную рыбу. Бразильское правительство, обес-покоенное быстрым исчезновением арапаим, запретило продажу этой рыбы длиной менее полутора метров. Но рыбаки перед вывозом на рынок просто режут беднягу на куски: пой-ди собери и измерь.

По счастью, оказалось, что ископаемую рыбу можно разводить в неволе в неболь-ших водоемах. Ученые доказали, что она растет в пять раз быстрее, чем карп, и за каждые девять месяцев прибавляет по во-семь фунтов.

Восемь фунтов нежного арапаимьего мяса, сравнимого лишь с форелью и лососем.

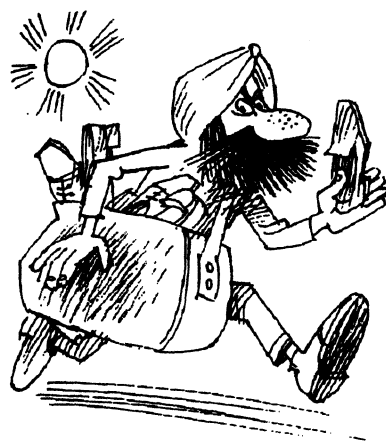

ШАРФ С ПОДОГРЕВОМ

Ничего особенного. Из обыкновенной фла-нели с двусторонним начесом. Но в условиях суровых морозов у него нет конкурентов среди аналогичных предметов зимнего туалета.

Американская корпорация «Феникс Дай-нэмикс» оснастила этот шарф небольшими виниловыми капсулами «подушечками», ко-торые легко снять с ткани и прикрепить к ней. В этих капсулах содержится жидкость, обла-дающая способностью аккумулировать и со-хранять тепло. Перед тем, как выйти на мороз, обладателю чудо-шарфа надо поместить «подушечки» в микроволновую печь всего лишь на 30 секунд, прикрепить их опять на место, и в течение целого часа они будут на-дежно обогревать ему шею и грудь.

А через час надо бежать домой — к мик-роволновой печи. Но может быть, компания построит в городах пункты подзарядки?

БОТИНКИ ПО ПОЧТЕ

Спокойно и благочестиво предаваться пе-чали во время траурных церемоний, не думая о сохранности своих штитлет, могут отныне жители Дели. После многомесячной охоты столичная полиция арестовала наконец став-шего известным похитителя ботинок. Им ока-зался 31-летний уроженец Бомбея Виджай Сидхаратх.

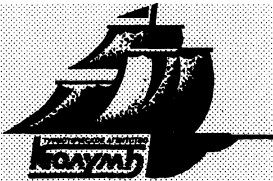
Мощенник пользовался тем, что близкие отошедшего в мир иной должны выполнять все предписанные религией ритуалы босиком. По утрам Сидхаратх просматривал свежие га-зеты (а там печатают сообщения о смерти со-лидных людей), вырезал объявления с адреса-ми траурных церемоний и отправлялся на промысел. Выбрав две-три лучшие пары бо-тинок, оставленных у входа в храм, он напол-нял сумку и спокойно удалялся. Набрал не-сколько десятков пар, жулик высылал их в Бомбей на реализацию. Причем по почте, на чем и полагался.

Остается добавить, что ежемесячный его доход составлял порядка 10 тысяч рупий, или более 300 долларов.

ТУМАН! ЗАПАСАЙТЕ ВЕДРА

Группе канадских и чилийских инженер-ов удалось с помощью пластиковых сеток с — брать такое количество воды из тумана, что ею можно снабдить небольшую деревню Чунун-го в чилийских Андах. Деревня впервые за многие годы получает чистую питьевую воду. Поскольку этот способ не требует никакого расхода энергии и легко доступен местным жителям, исследователи полагают, что он бу-дет пользоваться успехом по крайней мере в 22 странах и особенно в Латинской Америке и Африке. Очевидно, скоро сводки погоды бу-дут звучать так: «Вниманию водителей: дви-жение опасно. Туман. Вниманию местных жи-телей: запасайте ведра и бочки. Туман».

Раздел ведет Л.МИНЦ
Рисунки В.ЧИЖИКОВА

**АГЕНТСТВО «КОЛУМБ» (МОСКВА)
ПРЕДЛАГАЕТ ОТДЫХ НА ПЛЯЖАХ
АТЛАНТИКИ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ**

АМЕРИКА:

Нью-Йорк — Атлантик-сити — Вашингтон или Филадельфия — 8 дней.
Нью-Йорк — Атлантик-сити — Майами с посещением парков чудес «Мир Диснея» в Орlando — 12 дней.
Нью-Йорк — Атлантик-сити — Майами — Багамские острова — 14 дней.
Нью-Йорк — Атлантик-сити — Гавайские острова — Сан-Франциско — 14 дней.
Нью-Йорк — Атлантик-сити — Лос-Анджелес — Мексиканская Ривьера — Сан-Франциско — 14 дней.

ИСПАНИЯ:

Малага — Торремолинос (Андалузия) — 8 дней (доп. экскурсии в Гренаду, Севилью, Марокко).

ФРАНЦИЯ:

Ницца с экскурсиями в Монте-Карло и Канны — 8 дней.

ИТАЛИЯ:

Анкона — Рим — Венеция — Флоренция — Анкона — 15 дней (с отдыхом на пляжах курортов Сен-Бенедетто и Лило-ди-Савио и посещением аквапарка).

Тел.: (095) 268-06-66, 268-69-01, 268-14-65
Факс: (095) 268-06-69

Autotour™

ЕВРОТУР

**ГРЕЦИЯ: Афины + море, 8 дней,
12 дней — от 250 долл. + а/б + виза;
два раза в месяц.**

**ЛОНДОН: 7 дней, от 350 долл. + а/б,
два раза в месяц.**

**АНТАЛИЯ: 1 неделя, 2 недели,
от 395 долл., каждая пятница.**

ИТАЛИЯ, ИСПАНИЯ: отдых с июня.

**Туры для школьников в Чехию, Англию.
Скидки для детей.**

Тел: (095) 288-86-50, 288-86-51.

**ОТДЫХ
И БИЗНЕС
(8 дней)**

- * КНЯЖЕСТВО КАТАР — 630 долл. п/п, 3 экскурсии.
- * ИСПАНИЯ — Коста Марезме, от 465 долл. полный/п.
- * ЛИВАН — туры на отдых и авиабилеты.
- * КАНАРСКИЕ ОСТРОВА.
- * ГРЕЦИЯ (дешевые туры).
- * ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВНЫЕ ТУРЫ ПО РОССИИ
- * 150-06-40, 150-67-11, 258-58-71

Туристическое агентство
TRAVEL AGENCY

**Вам будет что вспомнить о Швейцарии,
Италии, Греции и Болгарии, если
Вы поедете с нами.**

Оформление выездных документов.

Адрес: Россия, Москва, 117292, ул. Кржижановского, д.7,
корп.2, тел: 125-63-94; факс: (095) 125-52-19.

ПРЕСТИЖНЫЙ ОТДЫХ
на Средиземном и Красном Морях

Фирма «Звезда АЛЬФА»

ЕГИПЕТ: Каир — Александрия (Средиземное море), Хургада (Красное море), 7-14 дней — от 505 долл. / от 595 долл.
КИПР (Лимасол): 8-14 дней — от 425 долл./от 555 долл.
ДУБАИ: 1 неделя — 550 долл.(отдых), чартер — от 555 долл.
ГОЛЛАНДИЯ (Амстердам): 8 дней — 650 долл.
ИСПАНИЯ (Барселона): 8 дней — 260 долл. + 750000 руб.
ФИНЛЯНДИЯ: 5 дней — 185 долл. + 85000 руб.
ТУРЦИЯ: Стамбул — 4-5 дней — 305 долл., Анталия. ГРЕЦИЯ: 8 дней — 550 долл.
США: чемпионат мира по футболу — от 2495 долл.
ИТАЛИЯ: 8 дней — 600 долл + 25000 руб.
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ (хадж): 15 дней.
Наш адрес: 117292, Москва, ул. Кедрова, д.5а, м. «Академическая».
Тел.(095) 125-39-78. Тел./факс: (095) 125-20-61, 198-08-88.

**Агентство путешествий «АНСО»
предлагает:**

**ИТАЛИЯ — полный пансион, частный отель,
8 дней (7 ночей) — 398 долл. + авиабилет,
15 дней — 580 долл. + авиабилет, Рим, Венеция,
Флоренция, Сан-Марино,
САН-ЛЕО, Градара и Габиче Монте, Равена, Италия
в миниатюре.**

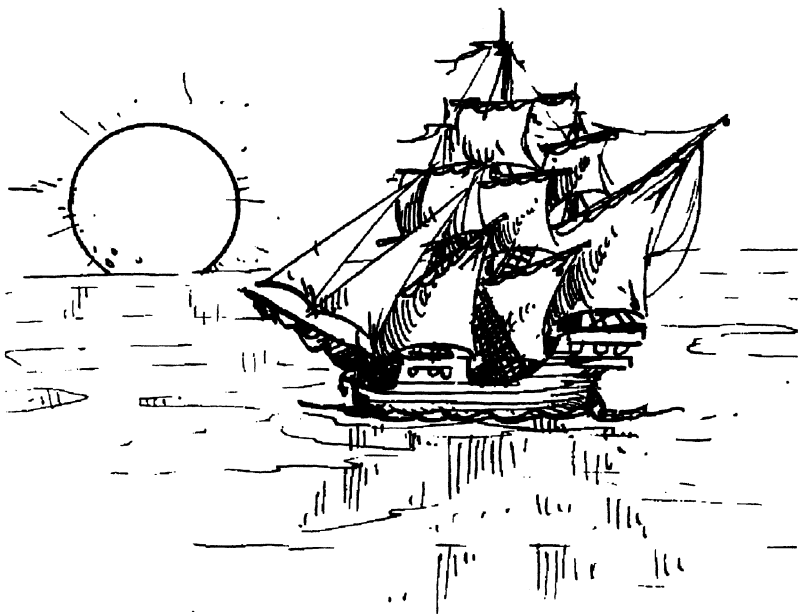
Тел./факс: 438-10-31.
117603, Москва, Ленинский пр-т., 158,
гостиница «Салют».

decided to go with my men to England and to leave them here alone.

They were very glad for it, they would better stay here than to return to fatherland and to be hung. Hence, I left it so.

Suddenly, the captain began loud to speak against it. Upon it I showed my little anger and told him that they were my prisoners, not his. So I gave them freedom and the whole island.

Having done all this, I left them the next day and went on board of the ship. The weather was very good and we began to sail. Before that I had taken my goatskin clothes and one of my parrots, my honest fellow, who was glad to hear me and to speak with me and whom I was always glad to see and to hear. He was one of my younger true friends lived with me twenty-and-eight years, two months and nineteen days on this island, Island of Despair and now, I may say, Island of Joy.

Рисунки А. ШТЫХИНА

победа - виктори
к - товоодз
(тогда) лежал - воз лайинг

оставил/и - лэфт
пятый - фифт
были видны, (их) видели - ка-
залось - воз сиин

было дано, поручено - воз
гивн раз/резал - кут

не мог бы стоять - вуд нот
станд

(тогда) будем разговаривать
- шал бии тоокинг
сражаться - ту файт

(уже) изрезал - хад кут

последний - лааст
(уже) был увиден - хад биин
сиин
прыгать - ту джумп

дело, суть - матэ

себя (их) - гэмсэвз
пльть (о судне) - (ту) сэйл
спасены ли? - аа сэйвд?
будут ли спасены? - вил бии
сэйвд?
вернутся ли (уже)? - вил хав
кум?

(уже) сделаем - шал хав мэйд

(тогда) будут лежать - вил
бии лайинг
народ - пиипл

(тогда) будут считать - вил
бии консидэринг
будущее - фьючэ
не будет дано - вил нот бии
гивн
ради - фоо гэ сэйк ов
(только что) решено - хав
биин дэсайдэд

(сейчас) исповедую - обра-
щен - ам биинг конфэст
(только что) был обращен -
хав биин конфэст

Victory was ours. When we had gone from the forest, we ran as fast as we could towards the poor white man who, as I said, was lying upon the shore. Four savages, которые уже собирались to kill him, now left him, ran и прыгнули in the boat. The fifth was running after them. They was seen попадавшими на дно лодки. The run savages надо было бы убить, чтобы they will not tell about us своему племени. Friday was given by me these men to shoot. I came to the white man, cut him ropes and asked him what he was. He answered, «христианус»; but was so weak that he would not stand and speak. Я достал бутылку рома и gave it him. Он выпил. I gave him a piece of bread, which he ate. Then I asked him again и он ответил, что испанец. Тут я прервал разговор: «We shall be talking позже, but we must shoot now». И мы продолжали to fight. Получив пистолет и саблю, испанец вдруг ожил и бросился against his enemies, как бешеный and had cut two of them in pieces. Однако, после этого он снова опустился на землю от слабости.

На дне лодки мы нашли the last alive victim. When he had been seen by Friday, it was a little storm. My man began to cry, to run, to speak, to jump, обнимать и целовать этого человека. I could not understand what was the matter. At last, he told me that it was his father...

However, some savages had saved themselves. Догнать их мы не смогли. They had sailed on a boat. «Are they saved, indeed?», I thought about them, «Will they be saved?». Indeed, a storm far on the sea was looked. И бушевал он всю ночь. Наутро я подумал: «Will they have come back to the big land, before the storm killed them?»

Then I thought about new men, «After we shall have made a good tent near our house, they получат «койки», одежду, «белье» и с удовольствием will be lying there.»

Так мы и сделали.

Итак, island's people численно увеличился but my people is true to me. Of course, they will be considering me as king. Я здесь верховный властитель и законодатель. Что можно сказать о the future? Our future will not be given me, but their lives will be given me. Все они готовы пожертвовать своими жизнями for the sake of me. By the way, в моем государстве it have been decided by me установить свободу вероисповедания. Протестантизм, нашу английскую религию, I am being confessed с детских лет. А вот Пятница, будущий гражданин нашей страны, тот has been confessed в протестантизм мною. Что касается двух других — отца Пятницы и испанца, to

исповедают - обращены - аа
биннг конфэст

(тогда) смогу ли кормить -
шал бии фииндинг
(тогда) не смогу кормить -
шал нот бии фииндинг.
(тогда) был озабочен - воз
биннг дэлт
королевство - кингдом
(тогда) был осужден - об-
суждался - воз биннг спуюнк
(тогда) были удерживаемы -
воз биннг хэлд
захотим - шал хав вонтэд

не считалась - воз нот конси-
дэрд
(тогда) будем ли звать? - шал
бии коолинг? (уже)
придут - вил хав кум
будем (буквально "есть"),
захвачены - аа биннг коот
подчинены - субоодинэйтэд

(тогда) не будут показывать
- вил нот бии шоуинг
(тогда) буду говорить - шал
бии сэйинг

they are being confessed каждый свою религию,
первый — язычество, второй — католичество.

Однако главный вопрос — shall I be feeding
свой реорле в будущем? No, нынешними
своими средствами I shall not be feeding them,
надо увеличивать свое хозяйство: поля, стадо.

Впрочем, I was being dealt not less, как to
leave the island, «my own королевство», and to
get in the kingdom England, my fatherland, хотя
бы рядовым подданным. This question was being
spoken неоднократно с испанцем. Ведь,
sixteen его соотечественников were being caught
and held by Indians or by the Indian forests.
Will they help us when we shall have wanted
to leave the island? Сам я стал что-то сомне-
ваться в этом. Кто такие католики, we English-
men, know. Благодарность was not, is not and
will not be considered как природная черта
нрава человека. Shall we be calling them here
in future? If they will have come here, then, per-
haps, ввиду их численного превосходства, we
are being caught, held and — в самом лучшем
случае, то есть если не убиты, то просто sub-
ordinated.

Однако, испанец горячо spoke me that, of
course, all his fellows will subordinate to me,
will not be showing свою какую-либо враж-
дебность and will be acting good and doing eve-
rything I shall be saying.

дело - бизнэс короткий -
шоот полночь - миднайт

должны будут подняться -
шуд райз входящий -
куминг ударил - струк

должны были (будут) делать?
- шуд дуу?
не должен был останавлива-
ться - шуд нот стэй свобод-
ный - фрии комната -
рум

ухо - иа
полностью - фули

побеждающий - оувэпау-
эринг
стоящий - стандинг

(данный) час - клок
могу, -шь,.. (разрешено) -
мэй спать - (ту) слиип

правитель - гувэнэ
показывая - шоуинг
обнимать - (ту) эмбрэйс

высадиться - (ту) ланд

не могу, не мог - майт нот
падая - фоолинг

еда (буквально: «подкрепле-
ние») рэфрэшмент

надевая - дрэсинг
вынужден/ы - ниид

должны с/делать - хав ту
мэйк оставление,
оставить - ливинг удер-
жание, у/держать - хоудинг

привод - привести - лиидинг

должны привес/з/ти - хав ту
лиид

I did not think it was right for us to go with
seamen of the ship. Indeed, they had made their
business very well, in the shortest time.

They came to the ship about midnight. As soon
as they had come, the captain said to Alan to
call them and to tell them they had brought the
men and the boat and they should rise and go on
the board. The captain and the mate, coming
first with their arms, struck главных зачинщиков
мятежа, killed them. Then they with men took
the rest «thieves».

When this was done, what should they do? At
once, the captain ordered the mate to come в
капитанскую каюту. The captain should not stay,
see, wait and leave «thieves» free and alive. They
had come into the room, where the new captain
lay, and shot him through the head. The bullet,
coming at his mouth, came out again behind one
of his ears so that he never spoke a word. Then
the ship was taken fully, without any more lives
lost.

As soon as the ship was so taken, the overpow-
ering captain ordered to fire with seven guns,
which I, standing on the hill and waiting that,
was very glad to hear, though near two of the
clock in the morning.

At last I thought that I may rest in my house
and I may sleep very well, before I was some-
thing surprised with the noise of a gun. I heard a
man called me by the name of «Governor, Gov-
ernor», and just I knew the captain's voice. Show-
ing to the ship, he came to me and embraced
me. «My best friend», he said, «there is your
ship, for she is all yours, and so are we all».
Indeed, the ship lay in a kilometre of the shore,
near the place, where I had first landed. Sud-
denly, I understood that I might not answer him
one word, I might not stand, I might not say.
Falling, I got in his hands.

But soon I got good again. After we had talked
some time, the captain told me he had brought
me some little refreshment, by the way, Madeira
wine. Also, he had brought excellent clothes and
dressed me from head to foot.

It was a very good and beautiful clothes, but,
dressing it, I found it so uncomfortable and bad
as if you, gentlemen, need dress a savages'
clothes!

After these things were made, we began to
consider what we have to make with the prison-
ers. I told him that leaving them upon the island
is my opinion. Holding them here would be the
best word of Governor. «I should be very glad of
that», the captain said.

I ordered about leading prisoners to me. I had
come there, dressed in my new «Governor»
clothes, and the captain with me. I told prisoners
the captain and I have to lead them to England
and there they will be hung. However, I have

как только - аз суун аз

решать - (ту) дэсайд

неожиданность - супрайз
приведены? - аа биинг лэд?

обеспокоены - аа биинг
вурид?

не обдуман - из нот биинг
моот

отличный - эксэлэнт
помощник - мэйт
при/вести - ту лиид
не известен - из нот ноун

чем... тем - гэ... гэ

смущены ли? - аа конфа-
ундэд?

остальной, -ые - гэ рэст

наступление - атак
будем обстреляны? - шал
бии шот?
будут/ли/обескуражены? -
вил хав биин дискураждэд?

громкий - лауд

так как - фоо

сдаться - (ту) сурэндэ ко-
нечно - сээтнали

охотиться, преследовать -
(ту) хунт

должны были атаковать -
должны будем атаковать -
шуд атак
(уже) не будут обеспокоены
- вил нот хав биин трубад

shore. There was no less than ten men in her, ten armed men. As soon as they came to the place where their other boat lay, they ran all on shore and then they brought their boat near the shore, which I was glad to see. The first thing they did, they ran all to their other boat. And it was easy to see that they were most surprised that they had not anyone found. Then they decided to go all on board again, to their ship.

However, they had not long gone but we saw all coming on shore again. This was a great surprise to us. Have they decided все вместе or, it was worse, are they being led by the oldest and worst man of them, бодманом?

Are they being worried and frightened всем случившимся? Скорее всего, имеет место последнее, так как мы вскоре убедились, что a whole plan is not being thought, spoken and considered by them.

They cried again, shot and then went to the hill top, first seven, then eight men. И вот тут I caught an excellent idea. I sent Friday and captain's mate to the forest to cry and call "the thieves" to lead them into непроходимые джунгли. Indeed, the forest is not known them and they, perhaps, will lose the way. The farther into the forest, the worse.

Так и получилось. По их крикам мы поняли, что они заблудились. Are they confounded всем этим? Perhaps, yes. In this time we had caught two men near the boat. However, after some hours the rest all had returned. I waited while не стало темно and I decided to make a last attack. But I have been worried and the long time have thought. «Shall we be shot and fought by them? Or will they have been confounded, frightened and discouraged so that they will not fight against us?»

Так и случилось. One of my men called as loud as he could to one of «thieves», «Tom Smith!» Tom Smith answered just now, «Who is that? Robinson Alan?» For he knew this voice. Then Alan said, «Tom Smith, for God's sake, put your arms! Surrender! Or you, certainly, are all dead men!» «Whom must we surrender? Where are they?», asked Smith again. «Here they are. Here now our captain is and fifty men with him, have been hunting you this two hours, and if you do not surrender, you are all lost».

In a word, they all put down their arms and saved their lives.

12. VICTORY

We had fought and overpowered, we had the victory, but now we should attack the ship. It was plainly that, так как нет связи берега с судном, men on the ship will not have been frightened, worried or troubled before we shall come to the ship.

убеждать - (ту) конвинс

(уже) не послал - хад нот сэнт

посылать - (ту) сэнд

полный - фул

странный - стрэйндж

будить - (ту) авэйк

(уже) не спросил - хад нот ааскт

(только что) вернулись? - хав рэтээнд?

хотя - гоу (уже) не был

умыт - хад нот биин вошт

(уже) был удивлен - хад биин супрайд

южный - сугэн

(уже) была отправлена - хад биин сэнт

искать - (ту) лук фоо

лежал (в смысле: "стоял") - лэй

очевидно - плаэйнали

получил (была дана) - воз

гивн (только что) -

стали? - хав студ?

держать, сохранять - ту кинп

убийца - килэ

внутренний - инэ

правый, правильный - райт

(тогда) не кричал - воз нот крайинг

(тогда) не двигались - вээ нот муувинг

взял, -ли... - тук

пленик - призонэ

поднимать - (ту) лифт

кровь - блуд

план - план

боялся ли? - воз фиаринг?

думали ли? - вээ пинкинг?

I said them to work at a big boat to sail it to the Big Land, after испанец had convinced me at last.

I had not sent the boat at once, because we had not a food for many men. Only in half a year I could send this boat с испанцем и отцом Пятницы на борту. It was the month of October, the moon was full...

11. THE SECOND WAR

It was no less then eight days I had waited for them, when a strange event произошло. One morning I was awaked, when Friday had run to me but had not asked разрешения войти and called me, «Master», they have come!» Кто пришел? Кого он имеет ввиду? Have our fellows returned? У меня не было привычки выходить из «дома» без оружия, но здесь я так разволновался, что I jumped as soon as I could and though I had not been washed and dressed, I went, without gun, to the hill top. Я быстро осмотрелся и I had been surprised at once, ведь я увидел a boat, at about eight kilometres, which came правда, from southern end of the island, where our boat had been sent two monthes ago, but it was not the same boat and these were not the people we looked for.

Присмотревшись, я обнаружил, что about twelve kilometres a ship lay на якоре. It was plainly an English ship. Тут меня охватили противоречивые чувства. At last, I was given возможность вырваться отсюда to fatherland. However, why have they stood here, far from the English sea ways? Как они оказались здесь, с какими намерениями? Не лучше ли мне пока to keep свою неизвестность? Had I better пока не раскрываться than to get into hands of thieves and killers?

Indeed, my inner voice бдительности оказалась right, как показали последующие события.

Видя, как a boat with eleven Englishmen came to the shore, I was not crying, shooting, making шум и, вообще, I and my true man Friday were not moving or least moving и лишь наблюдали. И уже заметили, что three of them были безоружными и, как будто, даже связанными. When the first four or five of them had jumped on shore, they took those three out of the boat as prisoners. Then I saw one of the «thieves» lifted пуку с саблей to kill one of the poor men и кровь застыла в моих жилах. Однако, там the blood пока не пролилась. «The thieves» had other plans.

Впрочем, ошибается тот, у кого возникли, например, вопросы: was I fearing in that time? Боялся ли за себя, за свои припасы и имущество, за Пятницу? Were we, I and Friday, thinking, как убежать и спрятаться? Нет, конечно. Хотя лучше бы, чтоб нас было

как только - аз суун аз

решать - (ту) дэсайд

неожиданность - супрай
приведены? - аа биннг лэд?

обеспокоены - аа биннг
вурид?

не обдуман - из нот биннг
моот

отличный - эксэлэнт
помощник - мэйт
при/вести - ту лид
не известен - из нот ноун

чем.., тем - гэ.., гэ

смущены ли? - аа конфа-
ундэд?

остальной, -ые - гэ рэст

наступление - атак
будем обстреляны? - шал
бии шот?
будут/ли/обескуражены? -
вил хав бинн дискураджэд?

громкий - лауд

так как - фоо

сдаться - (ту) сурэндэ ко-
нечно - сээтлнл

охотиться, преследовать -
(ту) хунт

должны были атаковать -
должны будем атаковать -
шуд атак
(уже) не будут обеспокоены
- вил нот хав бинн трубад

shore. There was no less than ten men in her, ten armed men. As soon as they came to the place where their other boat lay, they ran all on shore and then they brought their boat near the shore, which I was glad to see. The first thing they did, they ran all to their other boat. And it was easy to see that they were most surprised that they had not anyone found. Then they decided to go all on board again, to their ship.

However, they had not long gone but we saw all coming on shore again. This was a great surprise to us. Have they decided все вместе or, it was worse, are they being led by the oldest and worst man of them, боцманом?

Are they being worried and frightened всем случившимся? Скорее всего, имеет место последнее, так как мы вскоре убедились, что a whole plan is not being thought, spoken and considered by them.

They cried again, shot and then went to the hill top, first seven, then eight men. И вот тут I caught an excellent idea. I sent Friday and captain's mate to the forest to cry and call "the thieves" to lead them into непроходимые джунгли. Indeed, the forest is not known them and they, perhaps, will lose the way. The farther into the forest, the worse.

Так и получилось. По их крикам мы поняли, что они заблудились. Are they confounded всем этим? Perhaps, yes. In this time we had caught two men near the boat. However, after some hours the rest all had returned. I waited while не стало темно and I decided to make a last attack. But I have been worried and the long time have thought, «Shall we be shot and fought by them? Or will they have been confounded, frightened and discouraged so that they will not fight against us?»

Так и случилось. One of my men called as loud as he could to one of «thieves», «Tom Smith!» Tom Smith answered just now, «Who is that? Robinson Alan?» For he knew this voice. Then Alan said, «Tom Smith, for God's sake, put your arms! Surrender! Or you, certainly, are all dead men!» «Whom must we surrender? Where are they?», asked Smith again. «Here they are. Here now our captain is and fifty men with him, have been hunting you this two hours, and if you do not surrender, you are all lost».

In a word, they all put down their arms and saved their lives.

12. VICTORY

We had fought and overpowered, we had the victory, but now we should attack the ship. It was plainly that, так как нет связи берега с судном, men on the ship will not have been frightened, worried or troubled before we shall come to the ship.

убеждать - (ту) конвинс

(уже) не послал - хад нот
сэнт
посылать - (ту) сэнд

полный - фул

странный - стрэйндж
будить - (ту) авэйк
(уже) не спросил - хад нот
ааскт

(только что) вернулись? - хав
рэтээнд?

хотя - гоу (уже) не был
умыг - хад нот бинн вошт
(уже) был удивлен - хад бинн
супрайзд
южный - сугэн
(уже) была отправлена - хад
бинн сэнт
искать - (ту) лук фоо

лежал (в смысле: "стоял") -
лэй
очевидно - плаэйнал
получил (была дана) - воз
гивн (только что) -
стали? - хав студ?

держать, сохранять - ту кинп

убийца - килэ
внутренний - инэ
правый, правильный - райт

(тогда) не кричал - воз нот
крайинг
(тогда) не двигались - вээ нот
муувинг

взял, -ли,.. - тук
пленник - призонэ
поднимать - (ту) лифт

кровь - блуд
план - план

боялся ли? - воз фиаринг?

думали ли? - вээ тинкинг?

I said them to work at a big boat to sail it to the Big Land, after испанец had convinced me at last.

I had not sent the boat at once, because we had not a food for many men. Only in half a year I could send this boat с испанцем и отцом Пятницы на борту. It was the month of October, the moon was full...

11. THE SECOND WAR

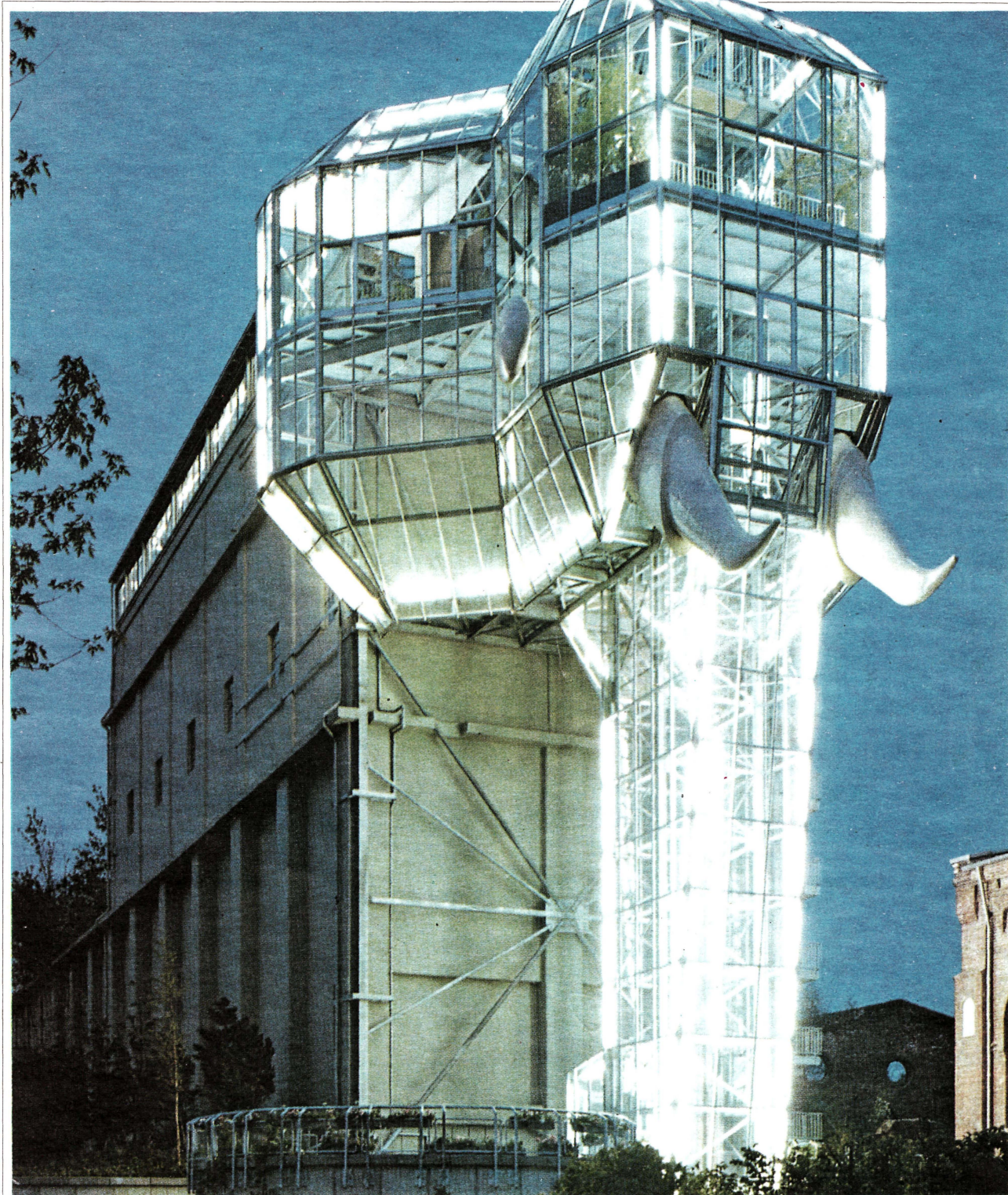
It was no less then eight days I had waited for them, when a strange event произошло. One morning I was awaked, when Friday had run to me but had not asked разрешения войти and called me, «Master», they have come!» Кто пришел? Кого он имеет ввиду? Have our fellows returned? У меня не было привычки выходить из «дома» без оружия, но здесь я так разволновался, что I jumped as soon as I could and though I had not been washed and dressed, I went, without gun, to the hill top. Я быстро осмотрелся и I had been surprised at once, ведь я увидел a boat, at about eight kilometres, which came правда, from southern end of the island, where our boat had been sent two monthes ago, but it was not the same boat and these were not the people we looked for.

Присмотревшись, я обнаружил, что about twelve kilometres a ship lay на якоре. It was plainly an English ship. Тут меня охватили противоречивые чувства. At last, I was given возможность вырваться отсюда to fatherland. However, why have they stood here, far from the English sea ways? Как они оказались здесь, с какими намерениями? Не лучше ли мне пока to keep свою неизвестность? Had I better пока не раскрываться than to get into hands of thieves and killers?

Indeed, my inner voice бдительности оказался right, как показали последующие события.

Видя, как a boat with eleven Englishmen came to the shore, I was not crying, shooting, making шум и, вообще, I and my true man Friday were not moving or least moving и лишь наблюдали. И уже заметили, что three of them были безоружными и, как будто, даже связанными. When the first four or five of them had jumped on shore, they took those three out of the boat as prisoners. Then I saw one of the «thieves» lifted пуку с саблей to kill one of the poor men и кровь застыла в моих жилах. Однако, там the blood пока не пролилась. «The thieves» had other plans.

Впрочем, ошибается тот, у кого возникли, например, вопросы: was I fearing in that time? Боялся ли за себя, за свои припасы и имущество, за Пятницу? Were we, I and Friday, thinking, как убежать и спрятаться? Нет, конечно. Хотя лучше бы, чтоб нас было

Как известно, в природе существует всего лишь два вида слонов: африканский и индийский. И в Индии, и в Африке местные скульпторы всегда изображали слона в пластике больших и малых размеров. Архитекторов слон не волновал, они занимались своим делом: дома строили. Но, видно, типовая архитектура их, как говорится, «достала». И, оглядевшись, стали они черпать из сокровищницы других искусств — в том числе и скульптуры. И вот в Хамме (ФРГ) появилось многоэтажное здание в виде слона. В нем расположен тропический сад, имеется аквариум. Здесь устраиваются выставки картин и фотографий. Пожалуй, на сегодня этот европейский слон — самый крупный.

Где только не находят применение последние достижения в области лазерной техники и технологии! Везде и всюду. В том числе и в астрономии. В наземной обсерватории штата Нью-Мексико (США), к примеру, с помощью лазерных лучей, пропущенных через телескопы и направленных в ночное небо, создаются искусственные звезды — точки лазерного света, которые, отражаясь в газовых слоях атмосферы, позволяют изучать искажающие эффекты, заставляющие звезды мерцать.

Кроме того, с помощью лазера изучают и настоящие звезды. «Поймав» звезду, лазерный луч возвращается обратно, неся с собой ее подлинный образ. Затем в дело вступает компьютер, он расшифровывает полученную информацию — и четкое изображение звезды, без малейшего искажения, готово... Чему также в немалой степени способствуют так называемые элементы изображения, которых, например, в антенне телескопической системы Хаббла более шестисот сорока тысяч.

Фото из журнала
«National geographic»

Индекс 70142°